

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Материалы всероссийской научной конференции
адъюнктов, аспирантов и соискателей*

(20 мая 2025 г.)

Выпуск 21

Омск
ОМА МВД России
2025

УДК 34 (082)
ББК ББК 67в=67я54
П 71

Редакционная коллегия:

И. В. Сидорова — кандидат юридических наук (председатель);
В. Н. Борков — доктор юридических наук, профессор (зам. председателя);
О. И. Бекетов — доктор юридических наук, профессор;
В. В. Бабурин — доктор юридических наук, профессор;
М. А. Бучакова — доктор юридических наук, профессор;
Т. Е. Грязнова — доктор юридических наук, доцент;
И. А. Вормсбехер — кандидат юридических наук (отв. секретарь)

Преемственность и новации в юридической науке : мат-лы
П 71 междуна. науч. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей (Омск,
20 мая 2025 г.) / пред. редкол. И. В. Сидорова. — Омск : Омская ака-
демия МВД России, 2025. — Вып. 21. — 160 с.

ISBN 978-5-88651-890-0

В сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений участников научной конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей Омской академии МВД России и других юридических вузов. Освещается широкий круг теоретических и практических проблем развития права.

Предназначено для аспирантов, адъюнктов, студентов, курсантов и слушателей образовательных организаций.

УДК 34 (082)
ББК 67в=67я54

ISBN 978-5-88651-890-0

© Омская академия МВД России, 2025

РАЗДЕЛ I.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ;
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО;
КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС;
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО;
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО,
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

А. И. Антонова

(Уфимский юридический институт МВД России)

**Влияние средств массовой информации
на формирование правосознания граждан**

Информация играет ключевую роль в формировании правосознания и правовой культуры граждан, определяя ценностно-правовые ориентации и модели поведения индивидов в государственно-организованном обществе. В современной России, в условиях динамичного развития информационно-телекоммуникационных технологий воздействие информации на правовую сферу многократно усилилось. Это связано как с увеличением объема доступной информации, так и с изменением способов ее распространения и потребления.

Масштабы потенциального воздействия иллюстрируют данные Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: число интернет-пользователей в России составляет около 101,4 млн человек (83% населения), а суточное обслуживание достигает 98,5 млн человек (81% населения) [1]. Это свидетельствует об огромном охвате онлайн-аудитории, которая может как получать качественную правовую информацию, так и, напротив,

подвергаться влиянию недобросовестных или некомпетентных источников, усугубляя проблемы правового нигилизма и искаженного восприятия правовой действительности.

Особую роль в этом процессе играют средства массовой информации (далее — СМИ), которые выступают основным каналом коммуникации между государством, правовой системой и гражданами.

Вопрос о влиянии СМИ на становление правовой личности рассматривался многими российскими учеными. Так, Д. Ю. Мартынкина считает, что «на современном этапе правовое просвещение граждан через СМИ — это важнейшее средство развития правовой культуры человека. Становление правового государства и развитого гражданского общества в Российской Федерации невозможно без высокого уровня правовой культуры» [2, с. 45].

Под СМИ в современном контексте следует понимать не только традиционные каналы распространения информации, такие как периодические печатные издания, телеканалы и радиостанции [3], но и новые медиа, включая интернет-порталы, социальные сети, блоги и другие онлайн-платформы. Именно через эти каналы большинство граждан получают информацию о правовых событиях, изменениях в законодательстве, деятельности правоохранительных органов и судебной системы.

Влияние СМИ на правосознание многоаспектно. С одной стороны, СМИ могут способствовать повышению правовой грамотности населения, формированию уважения к закону и правопорядку. Эта важная функция реализуется через несколько ключевых направлений.

Во-первых, СМИ активно участвуют в разъяснении действующего законодательства, содержания принятых законов и поправок к ним, через статьи, репортажи, видеоуроки, инфографики, помогая гражданам понять влияние права на повседневную жизнь.

Во-вторых, оказание юридической помощи. Многие СМИ ведут постоянные рубрики или передачи в формате «юридической консультации». Приглашенные специалисты отвечают на вопросы граждан правового характера и дают практические советы.

В-третьих, распространение позитивного опыта. Очень важно освещать реальные случаи, когда закон выступил эффективным инструментом помощи и защиты прав граждан. Публикации о том, что граждане успешно защитили свои права в суде, или как благодаря работе правоохранительных органов было раскрыто преступление, формируют понимание ценности права и доверие к его институтам.

С другой стороны, СМИ могут искажать представления граждан о праве, формируя негативные стереотипы и способствуя росту правового нигилизма. Это проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, в предвзятом освещении судебных дел, когда акцент делается на эмоциональной составляющей, а не на юридических тонкостях, создавая у аудитории искаженное представление о правосудии. Во-вторых, кинофильмы и сериалы зачастую формируют ошибочное представление о работе правоохранительных органов, что также способствует формированию негативных стереотипов. Наконец, распространение недостоверной информации подрывает доверие к СМИ в целом и к информации о правовой сфере в частности.

Эти проблемы приобретают особое значение в современном информационном пространстве. Развитие интернета и появление новых коммуникационных площадок (социальных сетей, блогов, новостных порталов) существенно расширили доступ к правовой информации. Граждане получили беспрецедентную возможность знакомиться с законодательством, судебной практикой, аналитическими материалами и мнениями экспертов. Однако эта демократизация доступа к информации одновременно создает и новые вызовы, связанные с повышенными рисками распространения дезинформации и манипуляции общественным мнением в правовой сфере.

Таким образом, СМИ играют решающую роль в формировании отношения российского общества к закону и правосудию. Обладая значительным просветительским потенциалом, способным разъяснять правовые нормы, СМИ в то же время могут оказывать и негативное воздействие: искажать факты, использовать некорректную юридическую лексику и способствовать формированию правового нигилизма. Влияние СМИ на формирование правосознания граждан носит двойственный характер. Развитие цифровых технологий и социальных сетей не только усиливает это влияние, но и повышает сопутствующие риски распространения дезинформации. Для становления высокого уровня правосознания, правовой культуры и укрепления уважения к закону необходимо целенаправленно использовать созидательные возможности медиа, одновременно противодействуя их негативным проявлениям.

Список источников

1. *Интернет* в России в 2022–2023 годах. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023_godah.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

2. Мартынкина Д. Ю. Роль печатных средств массовой информации в правовом просвещении населения (на материалах общественно-политических газет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

3. О средствах массовой информации : закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 23.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Д. В. Астраханцев

(Красноярский государственный аграрный университет)

Участие населения федеральной территории «Сириус» в осуществлении местного самоуправления: проблемы и перспективы

Право на осуществление местного самоуправления гарантируется Конституцией РФ и реализуется многонациональным народом Российской Федерации посредством самостоятельного решения вопросов местного значения. Согласно ст. 131 Конституции РФ, помимо территорий столиц субъектов Федерации и городов федерального значения, особенности осуществления публичной власти в соответствии с федеральным законом также устанавливаются и на иных территориях. Отметим, что в данном случае к непоименованным территориям может относиться и федеральная территория «Сириус» [1].

В силу ее особого правового статуса к компетенции органов публичной власти федеральной территории также отнесены полномочия органов местного самоуправления городского округа, что позволяет согласиться с точкой зрения относительно двойственности конституционно-правовой природы осуществления публичной власти гражданами, проживающими в пределах территории «Сириус» [1].

Федеральным законом «О федеральной территории „Сириус“» от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ закреплено право граждан, проживающих в ее пределах, осуществлять местное самоуправление. Приведенные правовые положения также предусматривают возможность закрепления в Уставе федеральной территории иных форм управления данной территорией [2].

При этом формы его осуществления с учетом особого статуса территории «Сириус» дублируют положения гл. 5 Федерального закона

от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Вместе с тем следствием продолжающейся реформы системы местного самоуправления в Российской Федерации стало принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее — Закон № 33-ФЗ), откуда, в частности, была исключена такая форма осуществления местного самоуправления, как правотворческая инициатива граждан. В свою очередь, ни Закон о территории «Сириус», ни Устав данной территории соответствующих изменений не содержат [2].

Полагаем, что сохранение права граждан, проживающих в пределах территории «Сириус», на обращение с правотворческой инициативой в свете анализируемых изменений законодательства, не будет вступать с ними в противоречия, о чем свидетельствует содержание ст. 42 Закона № 33-ФЗ. Так, в силу буквального толкования данной нормы, наряду с поименованными формами участия граждан в осуществлении местного самоуправления, законодатель также допускает обращение и к иным формам, не противоречащим действующему федеральному и региональному законодательству. Поскольку Законом № 33-ФЗ порядок обращения граждан с правотворческой инициативой не регулируется, соответствующие правовые положения могут найти свое закрепление в Уставе территории «Сириус» как дополнительная форма участия граждан в управлении данной территорией. Приведенный подход позволит учесть особый конституционно-правовой статус территории «Сириус», а также не умаляет права граждан, проживающих в ее пределах, предоставляя им возможность на диспозитивных началах многообразие форм участия в разрешении вопросов функционирования данной территории.

В свою очередь, спорной следует признать формулировку статьи Устава территории «Сириус», посвященной единственной по состоянию на сегодняшний день дополнительной форме участия граждан в управлении данной территорией — референдуму, проводимому для разрешения «наиболее важных» вопросов функционирования федеральной территории.

Представляется, что приведенное правовое положение носит оценочный характер и, с учетом изменений в правовом регулировании института местного самоуправления, подлежит уточнению: данную категорию составляют вопросы, касающиеся непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения федеральной территории.

В контексте повышения транспарентности органов публичной власти территории «Сириус» также является мотивированным обращение к институту уполномоченного по вопросам местного самоуправления, процедура назначения и компетенция которого в настоящее время остается неурегулированной.

Таким образом, в целях обеспечения гарантии права граждан, проживающих в пределах территории «Сириус», на осуществление местного самоуправления одним из приоритетных направлений по совершенствованию законодательства о федеральных территориях, является приведение его в соответствие с правовыми положениями Закона № 33-ФЗ.

Список источников

1. *Курячая М. М.* Особенности формирования и развития гражданской активности населения федеральной территории «Сириус» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 9(160).

2. *Устав* федеральной территории «Сириус» от 19 ноября 2021 г. № 1-3/16. URL: <https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/wbrAPaEkc55yM2W> (дата обращения: 29.03.2025).

Ю. П. Бондаренко

(Сибирский юридический университет, г. Омск)

Приватизация как метод управления государственной собственностью субъекта Российской Федерации

В условиях современной экономической конъюнктуры особую важность имеет вопрос повышения эффективности управления региональной собственностью.

Процесс приватизации является одним из методов управления, при котором происходит возмездное отчуждение объектов, находящихся в собственности публично-правовых образований, в собственность физических и юридических лиц.

В России выделяют несколько периодов приватизации [1, с. 47]:

1) 1987–1991 гг. — предприватизационный период, при котором отсутствовало правовое регулирование процесса приватизации. В научных источниках фигурируют термины «ползучая приватизация» [2], «номенклатурно-бюрократическая приватизация» [3];

- 2) 1992–1994 гг. — массовая, ваучерная приватизация;
- 3) 1995–1997 гг. — денежная приватизация, характеризующаяся проведением залоговых аукционов;
- 4) 2001 г. – по текущее время — локальная приватизация, основанная на прогнозных планах в соответствии с Федеральным законом от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».

Действительно, можно отметить замедление приватизационных процессов в регионах (табл. 1), в частности, в структуре неналоговых доходов бюджета Омской области за 2024 г., администрируемых Министерством имущественных отношений Омской области, доходы от приватизации составляют лишь 2,4% [4].

Таблица 1. Приватизация нефинансовых активов имущества казны на 2023 г.

Федеральный округ	Доходы от приватизации имущества, находящегося в собственности субъектов Федерации (руб.)
ЦФО	16 316 706 914,53 (г. Москва: 15 922 491 889,57)
СЗФО	19 599 019
ЮФО	1 238 180 423,37
СКФО	—
ПФО	64 028 701,36
УрФО	300 357 933,16
СФО	147 480 645,07
ДФО	17 349 602,83

Примечание. Составлено на основе информации официального сайта Федерального казначейства России [5].

Принятие решения о приватизации следует рассматривать как дискреционное полномочие субъекта Федерации, также необходимо учитывать долгосрочные последствия приватизации для социально-экономического развития регионов.

Можно выделить преимущества и недостатки приватизации как метода управления государственной собственностью субъекта Федерации.

К преимуществам относятся: пополнение бюджета субъекта Федерации; снижение финансовой нагрузки на бюджет в случае приватизации убыточных государственных предприятий; стимулирование частной инициативы, выраженной в оптимизации организационной структуры предприятий, модернизации производства, повышения качества товаров и услуг.

К недостаткам относятся: коррупционные риски, выраженные в снижении стоимости приватизируемого имущества; утрата контроля

над стратегически важными предприятиями субъектов Российской Федерации; возможная низкая управленческая компетентность новых собственников.

Изменения законодательства в 2019 г. о проведении торгов в электронной форме [6] сделали процедуру приватизации более открытой и прозрачной.

Вместе с тем возможна дальнейшая проработка вопросов приватизации государственного имущества, например, о действиях организатора торгов в случае отказа победителя торгов от подписания договора купли-продажи, учитывая длительность подготовки к проведению повторных торгов, целесообразно установить возможность заключения договора купли-продажи со следующим за победителем участником торгов.

Таким образом, на текущий момент субъекты Российской Федерации принимают решение о приватизации государственной собственности в крайних случаях, когда другие методы управления государственным имуществом становятся неэффективными, например, в отношении объектов незавершенного строительства.

Список источников

1. Изотова Г. С., Еремин Г. С., Галкин А. И. Управление государственной и муниципальной собственностью (имуществом) : учебник и практикум для вузов / под ред. С. Е. Прокофьева. М., 2023.

2. Приватизация по-русски / под ред. А. Б. Чубайса. М., 1999.

3. История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999) / под общ. ред. А. А. Клишаса. М., 2011.

4. Информация с официального сайта Министерства имущественных отношений Омской области об итогах работы в 2024 году. URL: <https://mio.omskportal.ru/magnoliaPublic/dam/jcr:915622ed-4857-43f1-afd9-e050b18a76d8/img20250217> (дата обращения: 26.03.2025).

5. Информация с официального сайта Федерального казначейства. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. 2023 год. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 26.03.2025).

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» : федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 45-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е. В. Ковалева

(Омская академия МВД России)

Об установлении минимизации ущерба при вскрытии транспортных средств

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции) предоставляет сотрудникам право применять в целях выполнения возложенных на полицию обязанностей различные меры государственного принуждения [1]. Одна из таких мер — вскрытие транспортных средств. В соответствии со ст. 15.1 Закона о полиции сотрудники вправе вскрывать транспортные средства, т. е. нарушать их конструктивную целостность путем повреждения различных частей автомобиля по предусмотренным на то основаниям.

Анализ ст. 15.1 Закона о полиции показывает, что, несмотря на детальную регламентацию оснований и порядка вскрытия транспортных средств, в норме отсутствует прямое указание на необходимость минимизации причиняемого ущерба. Данное обстоятельство представляет собой существенный законодательный пробел, создающий предпосылки для правоприменительных коллизий.

Так, в тексте указанной статьи закреплены четкие основания для вскрытия транспортных средств, однако принцип минимизации ущерба, являющийся частным проявлением общеправового принципа соразмерности, не получил в статье прямого нормативного выражения. Принцип минимизации ущерба вытекает из общеправовых требований, закрепленных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которым ограничение прав и свобод возможно лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения законных целей.

Считаем, что принцип минимизации ущерба в процессе вскрытия транспортных средств предполагает комплексный подход, включающий, во-первых, выбор способа вскрытия, который должен осуществляться с учетом наименьшего повреждения конструктивных элементов транспортного средства. Например, при наличии возможности открыть дверь без разрушения замков или стекол следует использовать соответствующие технические средства. Во-вторых, применение специальных инструментов (например, устройств для безударного вскрытия) должно быть приоритетным по сравнению с методами, приводящими к невосстановимым повреждениям. И в-третьих, учет обстоятельств дела — если ситуация не требует немедленного вмешательства (отсутствие угрозы жизни,

возможности совершения преступления), следует рассмотреть альтернативные варианты доступа в транспортное средство.

Теоретической основой данного подхода служит доктрина пропорциональности, разработанная в административном праве [2, с. 345]. Согласно ей любое принудительное действие должно быть: необходимым (отсутствие менее ограничительных альтернатив); адекватным (соответствие степени вмешательства тяжести правонарушения); соразмерным (соотношение между общественной пользой и частным ущербом). Аналогичный принцип закреплен в отношении других мер принуждения (например, при применении физической силы или спецсредств — ст. ст. 19–20 Закона о полиции).

Следовательно, минимизация ущерба при вскрытии автомобилей представляет собой обязательный элемент правоприменительной практики, обеспечивающий соблюдение равновесия между эффективностью полицейской деятельности и защитой имущественных прав граждан. Нарушение данного принципа может повлечь как дисциплинарную ответственность сотрудника, так и признание его действий незаконными в судебном порядке.

Таким образом, для совершенствования правового регулирования и обеспечения баланса публичных и частных интересов, представляется необходимым внести соответствующие изменения в ст. 15.1 Закона о полиции, закрепив в ней принцип минимизации ущерба при вскрытии транспортных средств в качестве обязательного требования к действиям сотрудников полиции. Данная законодательная инициатива должна предусматривать прямое указание в тексте статьи на обязанность сотрудников полиции выбирать способы вскрытия, причиняющие наименьший ущерб конструктивным элементам транспортного средства, а также обязательную оценку необходимости и соразмерности применяемых методов вскрытия с учетом конкретных обстоятельств. Подобная регламентация будет способствовать единообразию правоприменительной практики, снижению числа спорных ситуаций и судебных разбирательств, повышению уровня защиты имущественных прав граждан; совершенствованию профессиональных стандартов деятельности сотрудников полиции.

Список источников

1. *О полиции*: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Административное право* : учебник для вузов / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 2-е изд., изм. и доп. М., 2005.

В. В. Кривушин

(Омская академия МВД России)

Роль инновационного развития в системе работы органов внутренних дел

Страны, еще в прошлом столетии находящиеся на пути демократического развития, стремящиеся к переходу к экономике инновационного типа, избрали для себя путь инновационного развития. Наша страна, безусловно, не является исключением. Поэтому сегодня мы можем наблюдать стремительное развитие технического прогресса в совокупности с современными информационными технологиями и активное внедрение во все сферы жизнедеятельности — от человеческого быта до большого бизнеса и государственного управления. Искусственный интеллект стал нашим неотъемлемым спутником во всех сферах, облегчая нам жизнь и создавая новые возможности. Какие-то системы давно заслужили безусловное доверие граждан в быту и в бизнесе, а какие-то мы продолжаем осваивать и тестировать [1, с. 449–452].

Ключевое значение имеет искусственный интеллект, именно практическое его применение, так как под основным базовым определением инновации понимается реализованное новшество независимо от сферы применения. Правоохранительная деятельность также подвержена изменениям, совершенствованиям в условиях современных тенденций развития технологий искусственного интеллекта, которые являются факторами не только экономического роста, но и устойчивого обеспечения общественного порядка. Она, безусловно, имеет свою специфику касаясь применения инновационных технологий. И в контексте этой специфики вопрос включает множество составляющих — от совершенствования технического оснащения до правового регулирования и применения инновационных разработок на практике.

Конституция Российской Федерации является основным документом, гарантирующим соблюдение принципа законности, прав и свобод человека, что является приоритетом государственного управления Российской Федерации как демократического, правового государства. Прочно сформированный институт правоохранительной системы, и в частности органов внутренних дел (далее — ОВД), способствует развитию эффективного механизма защиты конституционных прав граждан и обеспечению высокого уровня правопорядка в целях соблюдения принципа законности, обеспечивая

соблюдение общественного порядка, предотвращая и пресекая правонарушения.

Таким образом, вся деятельность ОВД направлена на защиту личности, обеспечение всех ее конституционных прав и свобод, реализацию публичных интересов. Эффективность деятельности ОВД должна постоянно повышаться через поиск наиболее эффективных форм и методов, соответствующих современным тенденциям.

Стратегические интересы Российской Федерации обуславливают значимость проведения научных исследований в области инноваций в сфере правоохранительной системы, а примененные на практике предложения по инновационному развитию позволят оптимизировать работу правоохранительных органов. Призванное обеспечить повышение качества оказываемых гражданам услуг, оно позволит значительно усовершенствовать деятельность государственных органов, оптимизировать их работу, тем самым увеличив уровень доверия населения к деятельности государственных служащих. В условиях реформирования системы этот «качественный рывок» в обновлении форм и методов взаимодействия ОВД с гражданами откроет возможность осуществления «разворота» деятельности сотрудников ОВД «лицом к обществу» [2, с. 38–42]. Кроме того, стоит отметить, что и преступный мир также «совершенствует» методы своих преступлений, тем самым в интересах государства следует стремиться быть на шаг впереди в этом противостоянии.

Таким образом, можем сделать вывод, что на пути успешного развития государственного управления, в интересах социально-экономического развития России важно объединение усилий как всех органов власти, так и научно-образовательного и предпринимательского сообществ, институтов гражданского общества по созданию благоприятных условий для применения достижений науки и технологий.

Список источников

1. Руденко М. Б., Голодков Ю. Э. Искусственный интеллект как эффективный инструмент в служебной деятельности ОВД // Образование и право. 2022. № 10.

2. Ульянов А. Д., Канов А. А. Актуальность инноваций в правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы применения программно-целевого метода управления в деятельности территориальных органов МВД России : мат-лы науч.-практ. конф. М., 2016.

С. В. Литвякова

(Омская академия МВД России)

Обеспечение запрета потребления алкоголя несовершеннолетними мерами административной ответственности

Защита интересов несовершеннолетних определена одной из приоритетных целей, а Основной закон (Конституция Российской Федерации) гарантирует соблюдение интересов семьи и защиту ребенка.

Положением, не требующим доказательства, является постулат, определяющий необходимость обеспечения безопасного и благополучного детства в числе первенствующих ориентиров государственной политики [1, с. 91].

Сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и воспитание у подрастающего поколения россиян чувств патриотизма, гражданственности и уважения к старшим способствует формированию обстановки, обуславливающей всестороннее развитие каждого ребенка не только в физической, но прежде всего, в духовной и нравственной сферах [2].

Одной из детерминант, являющихся препоной в реализации государственной политики в данном направлении, была и остается продолжающаяся возможность безнаказанного употребления детьми алкоголя.

Алкоголь, попадая в организм несовершеннолетнего, наносит вред не только его физическому здоровью, но и психическому состоянию, что затрудняет формирование полноценной личности, способной стать активным членом общества. Алкоголизм среди подростков развивается быстро и приводит к серьезным соматическим, интеллектуальным и психическим нарушениям.

Психиатр-нарколог Г. С. Душакова считает алкоголизм ребенка прогрессирующей опасностью [3].

Статистические данные показывают, что наибольшему риску развития пагубной зависимости подвергаются подростки в возрасте 13–14 лет. Поскольку на начальных стадиях эта проблема практически не имеет явных симптомов, родители не сразу замечают ее и упускают возможность начать лечение до возникновения осложнения.

Результаты опроса сотрудников полиции наглядно свидетельствуют о распространенности потребления спиртных напитков, особенно слабо-

алкогольных, среди молодежи. Практически все респонденты (80% опрошенных) регулярно сталкивались с фактами употребления алкоголя ребенком. Возраст потребителей, осознанно и добровольно приводящих себя в состояние опьянения, варьируется в градиенте от 10 до 18 лет [2, с. 92].

Улучшение общественного здоровья, включая психическое, путем сокращения потребления алкоголя является целью одной из государственных концепций [4]. Это может сократить количество заболеваний, случаев смерти, что, в свою очередь, должно способствовать увеличению продолжительности жизни граждан. Для достижения этих целей были внедрены системные меры государственного регулирования.

Сфера оборота алкоголя регламентируется нормативными правовыми актами. Основным является Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» [5] (далее — Закон).

В соответствии с позицией Закона лицам, не достигшим совершеннолетия, запрещено употребление алкоголя, но полный и однозначный запрет продолжает быть лишь декларативным.

Безусловно, потребление алкоголя детьми административно наказуемо, но только при определенных условиях. Так, в соответствии с нормами законодательства об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) дети, нарушившие установленный законом запрет и достигшие возраста административной ответственности, будут привлечены к ней лишь при условии, что правонарушение было совершено в конкретном месте (запрещенном федеральным законом). Соответственно, если ребенок приводит себя в состояние опьянения вне указанных в Законе мест, он избежит административной ответственности [6, с. 419].

На наш взгляд, необходимо ввести административную ответственность для подростков в возрасте от 16 до 18 лет за потребление ими алкоголя, вне зависимости от места. Это позволит эффективнее реализовывать государственную политику, направленную на защиту прав детей и борьбу с алкоголизмом в России. В существующем законодательстве отсутствует подобная норма, а ее принятие, как нам кажется, является необходимым шагом, цель кото-

рого — предотвратить негативное воздействие алкоголя на здоровье подростков и снизить уровень алкоголизации населения. Введение в законодательство такой нормы станет действенным инструментом достижения этой цели.

Список источников

1. Белов С. В., Кузнецов А. В., Литвякова С. В. Проблемы применения отдельных мер административной ответственности, направленных на защиту здоровья несовершеннолетних // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2023. № 3(57).

2. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Официальный сайт областного бюджетного государственного учреждения здравоохранения. URL: https://belcrb.ru/doctors_recommendations/vliyanie-alkogolya-na-organizm-podrostka (дата обращения: 20.09.2023).

4. Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу : распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3547-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Белов С. В., Водяная М. Ю. Проблемы применения отдельных мер административной ответственности за нарушения антиалкогольного законодательства // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сб. ст. по мат-лам X юбилейной междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / под общ. ред. А. И. Каплунова. М., 2019.

Н. А. Манамс

(Омская академия МВД России)

Некоторые аспекты превентивных мер по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств в пенитенциарных учреждениях

Проникновение наркотических средств в места лишения свободы представляет собой одну из наиболее значимых угроз правопорядку и режимной безопасности пенитенциарных учреждений. Данная проблема находится в сфере регулирования Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [1], где особый акцент сделан на противодействии преступности, включая незаконный оборот наркотических средств, а также на обеспечение законности и правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). В частности, развитие системы борьбы с преступностью, в том числе с незаконным оборотом наркотиков, и обеспечение правопорядка в данных учреждениях является одной из важнейших задач, поставленных данной концепцией. Эффективная работа пенитенциарной системы предполагает не только усилия по противодействию передаче наркотиков, но и комплексное обновление норм, методов и подходов в области безопасности.

Комплексный подход в противодействии незаконному обороту наркотических средств в учреждениях пенитенциарной системы включает не только меры контроля и предотвращения передачи наркотиков, но и программы медицинской и психологической помощи осужденным. Такие программы направлены на снижение зависимости от наркотических веществ и спроса на них внутри пенитенциарных учреждений.

Основные проблемы противодействия распространению наркотических средств в пенитенциарных учреждениях (недостаточное финансирование, нехватка современного оборудования, дефицит квалифицированных кадров) способствуют коррупции среди сотрудников и затрудняют выполнение обязанностей. Решением может стать увеличение бюджетных ассигнований, проведение тренингов для персонала и ужесточение нормативного регулирования в ключевых аспектах. В первую очередь следует ужесточить ответственность для граждан, предусмотренную ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пытающихся передать запрещенные предметы лицам, содержащимся в учреждениях

уголовно-исполнительной системы или местах содержания под стражей. Это можно реализовать через повышение штрафов, а также дополнение указанной нормы частью 3, которая предусматривала бы дополнительные меры наказания за использование новых методов и технических средств (дроны и скрытые устройства). Разработать и внедрить специальные законы, касающиеся новых технологий, чтобы их незаконное использование в контексте передачи наркотиков было наказуемо в соответствии с тяжестью преступления.

Для борьбы с коррупцией среди сотрудников пенитенциарных учреждений также требуется ужесточение нормативного правового регулирования. В частности, следует внедрить систему строгих санкций за участие в незаконной деятельности, а также ужесточить наказания за подкуп и коррупционные схемы. Предлагаем усилить ответственность сотрудников УИС за любые действия, направленные на содействие передаче запрещенных веществ, с применением более строгих уголовных санкций. Также целесообразно внедрение системы обязательной ротации кадров и повышение заработной платы сотрудников для уменьшения коррупционных рисков. Ужесточение этих норм в сочетании с усовершенствованием средств контроля и информационных технологий значительно повысит безопасность пенитенциарных учреждений и снизит уровень незаконного оборота наркотических средств в них.

Необходимо отметить, что именно всесторонний подход, сочетающий меры контроля, профилактику и ресоциализацию, позволяет минимизировать риски появления наркотиков в исправительных учреждениях. Программы медицинской и психологической помощи для лиц, отбывающих наказание, снижают потребность в наркотиках, а международный опыт подтверждает, что системное взаимодействие различных служб обеспечивает высокую безопасность. Это доказывает актуальность комплексного подхода, который сочетает меры противодействия незаконному обороту наркотических средств, профилактику и реабилитацию. Успех подобных программ зависит от их системной реализации и постоянного мониторинга эффективности. Внедрение международных стандартов и обмен опытом между странами могут способствовать улучшению ситуации в пенитенциарных учреждениях. Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод, что эффективное противодействие незаконному обороту наркотических веществ в исправительных учреждениях возможно только при сочетании превентивных, контрольных и реабилитационных мер. Программы медицинской и психологической помощи осужденным способствуют снижению

спроса на наркотики, однако их влияние на незаконный оборот носит косвенный характер. Поэтому ключевое значение имеют специализированные оперативные меры, направленные на пресечение каналов поставки запрещенных веществ.

Таким образом, решение проблемы требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, модернизацию инфраструктуры УИС, усиление межведомственного сотрудничества, развитие профилактических и реабилитационных программ. Только сочетание этих мер позволит минимизировать риски, связанные с проникновением наркотиков в места лишения свободы.

Список источников

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. А. Мадышева

(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)

Идеологическая преемственность в России

Преемственность является одним из наиболее важных процессов в человеческой истории. Она прослеживается практически во всех ее элементах, а особенно в юридической науке.

Когда мы говорим про идеологию и идеологическую преемственность, то можно уверенно утверждать, что данный феномен включает в себя не только различные социальные, культурные, религиозные и политические ценности общества и государственных образований, формировавшихся на определенной территории в течение периода времени, но и представляет собой четкое отражение событий эпох, в контексте которых данная идеология развивалась.

Несмотря на это, идеология, как частично, так и полностью, может изменяться в зависимости от требований времени (в ходе самостоятельного видоизменения, в случаях, когда она не является строго догматичной) или же в ходе коренного изменения, связанного, например, со сменой общественно-политического строя государства. В данном контексте Россия представляет особенный интерес, так как за последние 110 лет

существования наше государство несколько раз коренным образом меняло свою идеологию, каждый раз пытаясь создать что-то обособленное и строящееся на других принципах и ценностях.

Так, после успешного завершения Октябрьской революции в России и прочного закрепления большевиков у власти Союз Советских Социалистических Республик (далее — СССР) не стал признавать себя наследником Российской империи, тем самым отказавшись не только от экономических и политических обязательств данной страны, но и от ее идеологического курса. В качестве идеологии молодого государства был выбран марксизм-ленинизм, а идеологическое наследие царского режима безжалостно уничтожалось. Так, 1920–1930 гг. характеризовались появлением новых героев, нового искусства и нового виденья будущего [1, с. 4]. Люди, которые сопротивлялись навязыванию данных ценностей, подавлялись и, в большинстве своем, были вынуждены эмигрировать в другие страны или были репрессированы. Однако уже в тридцатые годы началось постепенное «оттаивание», в ходе которого государственные деятели обратились к истории для создания преемственности и идеологического объединения граждан СССР. Ярким примером этому может послужить так называемый культ героев, который представлял из себя героизацию отдельных исторических личностей России в культуре и искусстве. Фильм С. М. Эйзенштейна «Александр Невский» является иллюстрацией данного утверждения, ведь героизация исторического деятеля стала возможна во многом именно благодаря данному художественному творению [2, с. 28–30].

Кроме искусства идеологическая преемственность позднее стала проявляться и в других сферах: наиболее выдающимся примером можно назвать введение погон в Советской Армии в 1943 г., что означало признание властью общности истории и воинских традиций России, ведь в раннем СССР погоны ассоциировались с белым движением и дворянством, что обуславливало их замену на иные средства идентификации.

После распада СССР на 15 независимых государств Российская Федерация признала себя его правопреемником, однако государственная идеология была отменена. Более того, принятая в 1993 г. Конституция РФ в ст. 13 официально декларирует запрет на провозглашение какой-либо идеологии в качестве государственной [3]. Также стоит отметить, что начиная с объявления курса на перестройку в 1985 г. проявлялась тенденция на постепенный отказ от исконных и присущих

Советскому Союзу коммунистических ценностей и так называемый либеральный разворот, что продолжилось и в России 1990–2000 гг. В это время происходила дискредитация коммунистической идеологии, ее лидеров, а также их решений и действий. В противопоставление этому государственная власть стремилась привить гражданам западные, либеральные ценности посредством средств массовой информации, культуры, литературы и т. д. Это имело большой успех среди большей части населения, однако социальный и экономический кризис, вызванный действиями либерального правительства в девяностые годы, привел к разочарованию народных масс и последующему переходу управления страной консерваторам, которые продолжают удерживать власть в стране и в наше время.

Современная Россия все еще формирует свою идеологию. С 2014 г. данный процесс стал активнее, а роль преемственности в нем многократно возросла. Примером этого можно указать различные государственные праздники, а в первую очередь — 9 мая, как День Победы в Великой Отечественной войне. Кроме того, активно внедряются учебные программы, проводятся мероприятия, фестивали и создаются молодежные организации, общей целью которых является формирование патриотизма и уважения к многовековой истории России. Связано это с разрывом отношений со странами Запада, а также пониманием необходимости объединения разных народов нашей страны, что невозможно без принятия общности их культуры, истории и т. д.

Таким образом, мы видим влияние идеологической преемственности в России не только во время изучения ее истории, но и в современном мире, где она является одной из самых важных составляющих формируемой идеологической парадигмы.

Список источников

1. *Василенко А. В.* О проблеме формирования идеологии современного Российского государства // *Право и политика.* 2001. № 2.
2. *Ильин И. А.* Собрание сочинений : в 10 т. / сост. и ком. Ю. Т. Лисцы. М., 1994. Т. 4.
3. *Конституция Российской Федерации* (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О. Ю. Машковцева

(Академия управления МВД России, г. Москва)

Сервисная функция полиции как фактор повышения доверия общества к правоохранительным органам

В современном мире, ориентированном на развитие гражданского общества и конструктивное взаимодействие государства и граждан, доверие к правоохранительным органам приобретает особое значение. Именно оно служит фундаментом эффективной деятельности полиции, обеспечивая общественную поддержку в противодействии преступности, поддержании порядка и создании благоприятной атмосферы для реализации правовых норм.

В последние годы в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации устойчивая тенденция к реализации сервисной функции, которая предполагает переориентацию деятельности полиции с традиционных задач охраны общественного порядка и борьбы с преступностью на удовлетворение потребностей граждан. В научном сообществе нет единого мнения относительно содержания этой функции. Одни исследователи акцентируют внимание на проактивном решении проблем безопасности, оказании помощи и предоставлении качественных государственных услуг [1, с. 89]. Другие же считают ключевым элементом общественно-ориентированного подхода предоставление государственных услуг [2, с. 143].

Сложно утверждать безусловную правоту сторонников какого-либо из указанных подходов. Как показывает международная практика, сервисная функция (или «сервисная полиция») понимается как некий стиль управления, ориентированный на решение проблем и партнерство с обществом [3, с. 240]. При этом способы реализации данной модели варьируются в зависимости от специфики каждой страны и не могут быть универсальными.

Стоит отметить, что в Российской Федерации был выбран путь развития клиентоориентированного подхода, в рамках которого сервисная функция реализуется преимущественно через повышение качества и доступности государственных услуг. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько эффективна «сервисная полиция» как фактор повышения доверия общества к правоохранительным органам.

На сегодняшний день можно выделить несколько основных элементов сервисной функции полиции:

1. Ориентация на потребности граждан.
2. Доступность (независимо от социального статуса, места жительства и других факторов).

3. Прозрачность (деятельность должна быть открытой и понятной для граждан).

4. Вежливость и уважение.

Качество предоставления публичных услуг оказывает непосредственное влияние на уровень доверия к полиции по нескольким причинам. Во-первых, получение качественных услуг формирует у граждан положительный опыт взаимодействия, что, в свою очередь, способствует формированию позитивного образа государственного органа. Во-вторых, уверенность в эффективном и оперативном реагировании на обращения граждан повышает их чувство безопасности.

Объективная оценка уровня доверия граждан возможна посредством анализа количественных показателей, отражающих степень удовлетворенности качеством предоставляемых услуг. Согласно данным ГИАЦ МВД России, уровень удовлетворенности граждан в 2024 г. достиг 99,6% (на основании 113 231 положительно заполненных опросных форм). Кроме того, анализ официальных статистических данных, опубликованных на сайте Министерства внутренних дел, показывает положительную динамику: доверие граждан к сотрудникам полиции в 2024 г. увеличилось до 54,8%, что на 1,5% превышает показатель 2023 г. (53,3%). Такая динамика позволяет говорить о том, что реализация сервисной функции полиции, направленная на повышение качества и доступности государственных услуг, оказывает положительное влияние на уровень доверия общества к правоохранительным органам.

Доверие общества к правоохранительным органам представляет собой сложную социально-психологическую категорию, отражающую уверенность населения в способности полиции эффективно защищать права и законные интересы граждан. Реализация сервисной функции требует постоянного совершенствования деятельности, учета потребностей граждан, обеспечения законности и прозрачности работы, а также активного взаимодействия с населением.

Список источников

1. Сайтбеков А. М., Адалиев Н. К. Переход к сервисной модели полиции в Казахстане // Наука. 2020. № 3(66).

2. Грищенко А. Н. Административно-правовые функции полиции : монография. М., 2018.

3. Токсанова М. Б. Переход на сервисную модель в системе органов внутренних дел Республики Казахстан // Актуальные проблемы поли-

цейского права : мат-лы междунар. науч.-практ конф., посвящ. 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Омск, 2021.

В. Д. Огорелкова

(Омская академия МВД России)

Обычное право в истории России: этапы становления научного интереса

Состояние научных знаний и их практическая разработка ближайшим образом определяются и обуславливаются уровнем научного интереса к решению той или иной проблемы. Для раскрытия обозначенной темы в первую очередь необходимо определить значение основополагающего термина «научный интерес». Детальное изложение существующих в литературе точек зрения заняло бы слишком много места. Поэтому, опуская нюансы, присоединимся к мнению М. А. Кожевиной и определим научный интерес как «познавательный процесс, направленный на разрешение конкретной задачи, который формируется тогда, когда вся совокупность объективных и субъективных факторов, необходимых для понимания общественной важности решения задачи и появления нового научного знания об объекте, сложилась и находится во взаимодействии с общественным интересом» [1, с. 49]. Поэтому интерес к обычному праву как к предмету исследования, несмотря на научную актуальность данной темы для общества и государства, мог проявиться лишь при наличии всех необходимых для этого факторов.

Научный интерес — это динамичное явление, которое в своем развитии претерпевает несколько этапов, их характеристика позволит рассмотреть социокультурные и политические факторы, обуславливающие формирование и развитие научного интереса к проблемам обычного права в истории Российского государства [2, с. 78]. Относительно предмета нашего исследования предлагаем следующую периодизацию: первый этап — XVIII в.; второй этап — начало и первая половина XIX в.; третий этап — вторая половина XIX в. Основным критерием вышеуказанной периодизации определим становление и развитие научного интереса.

Первый этап можно охарактеризовать как период формирования предпосылок для возникновения научного интереса. Анализ го-

сударственно-правового наследия XVIII в., который можно отнести к донаучной стадии, имеет важное значение. В этот период закладываются основы будущей юридической науки [3, с. 52], появляются нормативные правовые акты, содержащие отдельные представления об обычном праве, которые впоследствии повлияют на его понимание правоведами. Кроме того, XVIII в. характеризуется значимыми социокультурными и политическими событиями, которые способствовали актуализации изучения обычного права.

Второй этап связан с появлением общего интереса к обычному праву со стороны историков, этнографов и правоведов, а также с выделением обычая в качестве самостоятельного объекта исследования. Этот интерес находит выражение в публикации сборников обычного права, многочисленных статей и заметок, посвященных юридическому быту крестьян. К первой половине XIX в. относится также становление понятийного аппарата: в научный оборот вводятся такие термины, как «обычное право», «законный обычай», «обычай присутственных мест» и т. д.

Третий этап, начиная со второй половины XIX в., характеризуется углублением научного интереса к обычному праву. Ученые-юристы обратились к вопросам, связанным с этим феноменом. В литературе появляется значительное количество трудов (статьи в журналах, монографии). В поле зрения исследователей такие вопросы, как происхождение обычного права, его институты, взаимодействие с законом, а также возможность использования потенциала обычного права при составлении нового гражданского уложения. Таким образом, на этом этапе формируется обособленный научный интерес к обычному праву.

Внимание к обычному праву как к предмету научного познания прошло в своем развитии несколько последовательных этапов, каждый из которых отличается определенной совокупностью факторов. Подробный анализ каждого из указанных периодов позволит не только наиболее полно и объективно изучить предмет, но и выделить основные тенденции, характерные для определенного времени. Для дальнейшего исследования можно рассмотреть следующие аспекты: влияние конкретных исторических событий (например, реформ XIX в.) на актуализацию изучения обычного права; роль отдельных ученых и их вклад в развитие научного интереса к обычному праву; сравнительный анализ подходов к изучению обычного права в России. Это позволит не только расширить понимание темы, но и выявить

уникальные особенности изучения обычного права отечественными правоведами XIX в.

Список источников

1. Кожевина М. А. Наука истории русского права: генезис, методы познания, место в современном историко-правовом знании // Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций : сб. науч. ст. по итогам Всерос. форума историков права. Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г. / под ред. А. А. Дорской и Д. А. Пашенцева. Саратов, 2022.

2. Кожевина М. А., Ящук Т. Ф. Эволюция науки истории права и государства России (XVIII–XX вв.) : монография. М., 2023.

3. Кожевина М. А. История отечественной юридической науки и современное науковедение // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1(52).

В. В. Перцев

(Омская академия МВД России)

Совершение административного правонарушения на борту воздушного судна как обстоятельство, отягчающее административную ответственность

Развитие транспортной инфраструктуры положительным образом отражается на социальном и экономическом развитии регионов и стран в целом. Именно благодаря развитию данного направления человек может реализовать свои потребности в перемещении или доставке грузов по всей территории земного шара наземным, водным или воздушным транспортом.

Стоит отметить, что воздушный транспорт является популярным у населения. Это обусловливается тем, что авиатранспорт позволяет добраться в пункт назначения в возможно короткий срок. Так, в 2022 г. российские авиакомпании перевезли 95,2 млн человек, а в 2023 г. — 105 млн человек [1]. Приведенная статистика указывает на рост пассажиропотока, что, наряду с другими факторами, способствует угрозе общественной безопасности в авиационном комплексе в целом.

В числе субъектов, оказывающих противодействие преступлениям и административным правонарушениям на объектах воздушного транспорта, одно из ведущих мест занимают подразделения полиции на транспорте, входящие в состав МВД России. Так, согласно сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России за 2022 г., сотрудниками подразделений полиции на транспорте пресечено 601 650 правонарушений, за аналогичный период 2023 г. — 571 036 правонарушений [2].

Ответственность за совершение административных правонарушений на транспорте, в том числе воздушном, закреплена в гл. 11 КоАП РФ. Однако на всех видах транспорта совершаются и иные административные правонарушения, ответственность за которые закреплена в различных главах КоАП РФ.

Особой опасностью из всех правонарушений обладают противоправные деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.24 КоАП РФ. Как справедливо отмечает О. И. Матюхин, «такие неправомерные действия, как курение на борту самолета, могут привести к его возгоранию и повлечь более тяжкие последствия» [3, с. 194]. В мировой практике нередки случаи, когда из-за курения на борту воздушного судна возникал пожар. Так, гражданин Великобритании, находясь на борту воздушного судна с сообщением Бирмингем — Шарм-эль-Шейх, осуществил потребление табака путем курения сигареты в туалетной комнате, чем спровоцировал пожар в мусорной корзине туалета [4].

Стоит отметить, что совершение любого административного правонарушения на борту воздушного судна обладает повышенной опасностью, потому что воздушное судно, как правило, находится в воздухе продолжительное время. Указанный фактор исключает возможность быстрого реагирования различных служб для устранения последствий правонарушений, которые обладают повышенной опасностью как для потерпевшего, если, например, это правонарушение, ответственность за которое закреплена в ст. 6.1.1 КоАП РФ, так и для всех лиц, находящихся на борту воздушного судна, в случае совершения правонарушения, повлекшего возгорание, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ.

Ввиду отсутствия в КоАП РФ квалифицированных составов административных правонарушений предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ и дополнить ее пунктом, который будет относиться к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность, совершение правонарушения на борту воздушного судна.

Полагаем, что указанная мера положительным образом отразится на профилактике правонарушений, совершаемых на борту воздушного судна.

Так, при назначении административного наказания судья, орган, должностное лицо, назначающее наказание за совершение административного правонарушения, будет учитывать отягчающее обстоятельство и выносить более строгий вид наказания в пределах санкции статьи, устанавливающей ответственность за совершенный административно-правовой деликт.

Список источников

1. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/01/12/1014819-aviaperevozki-virosli-10> (дата обращения: 02.03.2025).

2. *Главный* информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 02.03.2025).

3. *Матюхин О. И.* Правовые основы предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых на борту воздушного судна // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2.

4. URL: <https://www.interfax.ru/russia/563971> (дата обращения: 03.03.2025).

Ю. М. Сабадаш

(Омская академия МВД России)

Проблема применения административного штрафа в отношении несовершеннолетних правонарушителей

Штраф считается одним из самых древних наказаний (вира, головничество), он возник еще до разделения права на отрасли [1, с. 217–218]. В силу этого применяется он не только в публичных отраслях (в том числе административном праве), но и в частных, а также составляет меру процессуальной ответственности в гражданском процессуальном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Вместе с тем важнейшее значение штраф имеет в административном праве, так как выступает самым распространенным наказанием, применяемым по делам об административных правонарушениях.

Этот вид наказания является основным и для несовершеннолетних правонарушителей, наряду с предупреждением и обязательными ра-

ботами, так как административный арест им не может быть назначен, а остальные наказания имеют ограниченное применение.

Так, лишение специального права может применяться только в случае, если лицо грубо или систематически нарушало порядок пользования этим правом. Если же его не было, то и лишить его нельзя [2]. В отношении несовершеннолетнего, например, это будет работать, если в регионе, где он проживает, возраст для приобретения охотничьего огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия снижен до 16 лет, несовершеннолетнее лицо может заниматься охотой [3; 4]. Аналогично несовершеннолетних можно лишить права на управление мотоциклами, мопедами (категории А1 и М).

Административное выдворение применяется только в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, конфискация — когда есть предмет или орудие административного правонарушения. Приостановление деятельности может применяться к несовершеннолетнему в том случае, если он занимается предпринимательской деятельностью (например, с согласия родителей зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя) и т. п.

Региональные законы об административных правонарушениях могут содержать в себе наказания только в виде предупреждения и административного штрафа.

Совершеннолетние нарушители исполняют наказание в виде штрафа самостоятельно. Исполнение штрафа несовершеннолетним осложнено проблемой возможного переложения его взыскания на родителей или иных законных представителей в случае отсутствия у первого самостоятельного заработка.

Аналогичное регулирование уголовного наказания в виде штрафа допускает взыскание с родителей или иных законных представителей только в случае их согласия (ч. 2 ст. 88 УК РФ).

В обоих случаях происходит, по сути, отклонение от принципов персонализации административной ответственности (выделяется в науке административного права) [5, с. 64, 68], вины. Отсутствие необходимости согласия фактически приравнивает родителей к нарушителям, так как именно они несут негативные последствия за совершение административного правонарушения, а не их ребенок.

При этом родители и иные законные представители являются субъектами другого административного правонарушения — неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, защите прав и интересов несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ).

Применение этой статьи не зависит только и не столько от факта неадекватного поведения несовершеннолетнего (например, совершения им административного правонарушения или преступления).

Таким образом, мы считаем регулирование, которое перекладывает исполнение меры ответственности на другое лицо, недопустимым.

В связи с этим законодателю необходимо либо предусмотреть возможность назначения административного штрафа только несовершеннолетнему, имеющему самостоятельный заработок, либо предусмотреть отсрочку на срок свыше шести месяцев или рассрочку на срок свыше трех месяцев взыскания штрафа до достижения лицом 18 лет, изменив ст. 31.5 КоАП РФ.

Мы склоняемся ко второму варианту, так как отказ от самого пространственного наказания в отношении целой группы специальных субъектов поставит в затруднительное положение правоприменителя. Между тем гибкий подход к исполнению наказания в виде административного штрафа позволит повысить эффективность применения этого наказания. При этом норму о взыскании штрафа с родителей или иных законных представителей необходимо исключить.

Список источников

1. Рыбакова Е. Г. История возникновения и развития уголовного наказания в виде штрафа в законодательстве Русского государства (IX–XII вв.) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1.

2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об оружии : федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ.

4. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ.

5. Плигин В. Н. Принципы административной ответственности: актуальные проблемы // Административное право и практика администрирования. 2024. № 4.

В. С. Севостьянов

(Омская академия МВД России)

Правоохранительная функция государства в учении Г. Ф. Шершеневича

Правоохранительная функция государства является наиболее ощутимой для граждан, так как напрямую направлена на защиту их жизни, здоровья и интересов. В современной юридической науке до сих пор ведутся дискуссии относительно роли и необходимой степени вовлеченности государства в обеспечение правопорядка и защиту прав граждан. Так как функции государства, по мнению одного из современных ученых, «образуются относительно конкретно-исторических событий» [1, с. 7], а правоохранительная функция формируется одновременно с образованием государства, то изучение ее интерпретации либеральными мыслителями конца XIX – начала XX вв. представляется обоснованным.

Поскольку права и свободы личности являлись высшей ценностью для всех либеральных представителей отечественной юриспруденции [2, с. 55], вопрос их государственной охраны всегда был в приоритете. Однако способ интерпретации правоохранительной функции нередко коррелировался в соответствии с мировоззренческой парадигмой конкретного мыслителя. Так, будучи представителем формально-догматического подхода, Г. Ф. Шершеневич показал созависимость содержания правоохранительной функции государства от его формы.

В абсолютной монархии власть главы государства ограничивается только его волей, так как он является единоличным феодалом. Главной задачей такого государства является обеспечение и поддержание действующего правопорядка, в связи с этим указанная функция приобретает свою специфику. Как отмечает ученый, «чтобы сохранить свое политическое существование, необходимо было подавить все центробежные власти... подрывавшие укрепления королевской власти» [3, с. 244]. В таких условиях содержание правоохранительной функции государства ограничивается охраной прав властвующего лица. Защита интересов подданных возлагается не на государство в целом, а обеспечивается монархом, как единственным лицом, кто может гарантировать и обеспечить безопасность.

С развитием общества и увеличением количества населения монарх уже не мог единолично обеспечить интересы подданных, в связи с чем происходит усложнение государственных институтов и делеги-

рование на них части функций монарха. Общественный строй в данном случае приобретает черты полицейского государства. Г. Ф. Шершеневич задачу полицейского государства усматривает в «попечении благосостояния частных лиц, обеспечение подданных *vitaesufficientiae*» [3, с. 244; 4]. Этот факт изменяет цель правоохранительной функции с охраны главы государства на обеспечение правопорядка. Однако, как отмечает сам ученый, «задача попечения достигалась при помощи административных или полицейских мер, приспособляемых к индивидуальным особенностям положения различных граждан. Отсюда совершенная не связанность установленных норм, что оправдывает название... „государство произвола“». [3, с. 245] Полицейское государство, по своей сути, оплетает общество целиком для обеспечения благосостояния, определяемого властными институтами. Кроме того, статьи законов применяются выборочно и по усмотрению представителей государственной власти, и априорно не могут учитывать интересы всех граждан.

С последующим развитием общественного строя в юридической науке появляется идея правового государства. «Государство, которое до сих пор оплетало гражданина мерами своего попечения, поставило себе задачей предоставить его своему собственному усмотрению... требовало личных гарантий», пишет по этому поводу Г. Ф. Шершеневич [3, с. 246]. По мнению ученого, правовое государство является идеалом, и для его достижения необходимо проведение государством ряда реформ, которые имеют правоохранительный характер: 1) установление верховенства права; 2) сокращение функций государства до минимума, ограничивающегося защитой свободы и собственности; 3) введение принципа разделения властей; 4) обеспечение участия всех представителей общества в законодательном процессе [3, с. 247].

Список необходимых реформ, предложенный Г. Ф. Шершеневичем, был актуален в его время, но на сегодняшний день их значительная часть успешно реализована. Однако правовое государство по-прежнему остается идеалом. Наиболее рациональный и справедливый общественный строй, который возможно установить, ученый характеризует понятием «конституционное государство». В нем гарантом правоохранительной функции выступает конституция, как особый нормативно-правовой акт, имеющий высшую юридическую силу. Она выстраивает и закрепляет систему, где гарантированы права и свободы граждан, а также регламентирует деятельность органов государственной власти.

Отметим, что правоохранительная функция, в интерпретации Г. Ф. Шершеневича, коррелируется с формой государства: в условиях абсолютной монархии правоохранительная функция сосредоточивается на охране интересов монарха; в полицейском государстве — на реализации поставленных государственной властью целей; в правовом — на защите прав и свобод личности.

Список источников

1. Курманалиев Н. Ж. Правоохранительная функция государства: понятие и сущность // Science Time. 2022. № 10(129).
2. Грязнова Т. Е. Полиция в механизме государства: взгляд российских либеральных юристов конца XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 2(73).
3. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912.
4. Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Латинские термины в современном международном праве. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/marshalok_nv_ulianova_il_latinskie_terminy_v_sovremennom_mezhdunarodnom_prave/?ysclid=m8daha5t6o657737621 (дата обращения: 11.03.2025).

Е. И. Сотникова

(Омская академия МВД России)

О презумпции осведомленности родителей или иных законных представителей о своих обязанностях по содержанию и воспитанию несовершеннолетних

Юридическая категория «презумпция» используется в праве как устоявшаяся и широко известная и имеет множество обозначений. Презумпция (как юридическая конструкция) — это закрепленная в правовой норме, основанная на предположении модель юридически значимого явления (юридического факта, правоотношения и др.), применяемая в регулировании общественных отношений при наличии определенных правовой нормой условий, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использования такой модели [1, с. 19].

В настоящее время в России законодательно определены презумпция невиновности, презумпция добросовестности юридических лиц и инди-

видуальных предпринимателей, презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей, презумпция биологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности на потенциально опасных биологических объектах и др.

Достаточно прочно вошли в правовой лексикон и встречаются в научной и учебной литературе, освещающей правоотношения в различных правовых отраслях, презумпции: авторства, вины юридического лица, возраста уголовной ответственности, морального вреда, общеизвестности слов ненормативной лексики, достоверности и т. д. Профессор Ю. П. Соловей пишет о презумпции законности действий сотрудника милиции и доверия к нему [2, с. 64].

За неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию детей может последовать семейно-правовая, административная и даже уголовная ответственность. Вместе с тем императивные предписания, адресованные родителям, присутствуют в большом количестве разных по своей юридической силе нормативных источниках и определены не всегда конкретно. Это дает почву для злоупотреблений представителями правоохранительных органов, связанных с расширительным толкованием предписывающей или запрещающей нормы. Правоприменитель, задействуя механизм принуждения, заранее предполагает (презюмирует), что лицо осведомлено о необходимости содержать и воспитывать несовершеннолетних должным образом. Таким образом, мы сформулировали презумпцию осведомленности родителей и иных законных представителей о своих обязанностях по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. В словаре С. И. Ожегова под словом «осведомленный» понимается человек, «обладающий обширными сведениями в какой-нибудь области» [3].

Основная идея состоит в объединении обязанностей и запретов, распространяющихся на родителей, в едином нормативном правовом акте — постановлении Правительства Российской Федерации, с рабочим названием «Об ответственном отношении родителей или иных законных представителей к содержанию, воспитанию и обучению несовершеннолетних». В качестве примера: в законодательстве Республики Таджикистан такое предложение уже реализовано [4].

Список источников

1. Булаевский Б. А. К вопросу о понятии презумпций в праве // Журнал российского права. 2010. № 3.

2. Кондрашов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к Закону Российской Федерации «О милиции» (постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=18765> (дата обращения: 01.03.2025).

4. Об ответственности за обучение и воспитание ребенка : закон Республики Таджикистан от 20 июня 2024 г. № 2049. Доступ из информационной системы «Континент».

К. В. Степина

(Омская академия МВД России)

Отдельные аспекты охраны здоровья человека в рамках участия России в межгосударственных объединениях

Влияние международных норм на развитие законодательства об охране здоровья человека в России с течением времени претерпело изменения.

В начале XX в., благодаря международным конференциям, которые были посвящены медицинскому праву, появилось множество документов, относящихся к регулированию вопросов здравоохранения. Одни из наиболее известных и значимых — о предотвращении распространения эпидемий и особо опасных инфекционных заболеваний [1], о борьбе с венерическими болезнями [2], о борьбе с наркоманией [3].

В советский период права граждан в сфере охраны здоровья были продекларированы в соответствии с международными нормами и требованиями Всемирной организации здравоохранения, действовавшими на тот момент времени и нашедшими свое отражение в Конституции СССР [4] и Конституции РСФСР [5]. Стоит отметить, что правовое регулирование в сфере здравоохранения было представлено нормативными актами Министерства здравоохранения СССР, и система здравоохранения в основном работала именно по ним.

В 90-е гг. XX в. в России формировалось новое законодательство в области охраны здоровья граждан, которое было основано на международном опыте. Одним из самых значимых примеров меняющегося законодательства являются «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22 июля 1993 г. № 5487-1). В данном документе был закреплён приоритет прав

человека в сфере охраны здоровья и, что немаловажно, впервые определены права пациентов, и указанные нормы были введены в соответствии с международными правовыми нормами. В России также начали появляться частные медицинские организации, внедрялась практика оказания платных медицинских услуг в государственных медицинских учреждениях, вводилось обязательное медицинское страхование. Справедливо отметить, что на развитие правового регулирования отечественной медицинской деятельности повлиял и рост информированности о международном опыте регламентирования систем здравоохранения.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. право на охрану здоровья закреплено в ст. 41. Существует и ряд международных договоров, которые повлияли на развитие законодательства об охране здоровья в России, например 14 сентября 2000 г. в Страсбурге от имени Российской Федерации была подписана Европейская социальная хартия от 3 мая 1996 г., а 3 июня 2009 г. была осуществлена ее ратификация, тем самым Российская Федерация приняла на себя обязательства по созданию дополнительных гарантий по обеспечению, защите и реализации социальных прав граждан.

Статья 79 Конституции устанавливает, что Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами.

Реализация данного положения выражается в активном взаимодействии России с другими странами в рамках неформального объединения крупных стран с развивающейся экономикой (далее — БРИКС), Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) и Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС).

Страны БРИКС развивают сотрудничество в области охраны здоровья человека, и большое внимание уделяется таким направлениям взаимодействия, как разработка вакцин и борьба с эпидемиями — поддерживаются инициативы по исследованиям и разработке вакцин, развивается комплексная система раннего предупреждения массовых инфекционных заболеваний. Происходит развитие ядерной медицины, внедряются технологии цифрового здравоохранения и радиофармацевтики для эффективного управления медицинскими данными, осуществляется сотрудничество на уровне медицинских университетов, которое включает в себя не только взаимный обмен студентами, но и повышение квалификации дипломированных врачей. Наблюдается тенденция стандартизации тра-

диционных медицинских практик для их интегрирования с современными подходами.

Отдельно стоит отметить, что в июне 2024 г. министры иностранных дел стран БРИКС подтвердили приверженность глобальному сотрудничеству в сфере здравоохранения и признали роль взаимодействия в области медицины центральным элементом обеспечения устойчивого развития.

В рамках ШОС Россия предлагает инициативы по сотрудничеству в области охраны здоровья человека. В марте 2024 г. делегация Минздрава России приняла участие в первом Медицинском конгрессе стран ШОС в Бишкеке в рамках обсуждения достижений и перспектив медицинской науки и практики в области кардиологии, эндокринологии, ревматологии, трансплантологии и респираторной медицины.

В 1992 г. было создано Соглашение о сотрудничестве в области охраны здоровья населения, на основе которого работает Совет по сотрудничеству в области здравоохранения СНГ. В 2024 г. Минздрав России председательствовал на XXXVII заседании этого Совета, где обсуждали такие вопросы, как санитарная охрана, льготное лекарственное обеспечение, борьба с онкологическими заболеваниями и распространением туберкулеза.

Список источников

1. *О мероприятиях* по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной армии, с приложением записки Баюкова В. А. Маленкову Г. М. : постановление ГКО СССР № 1234. URL: <https://www.prilib.ru/item/1344892?ysclid=mbqcpb9y76474866235> (дата обращения: 18.03.2025).

2. *Об усилении борьбы с распространением венерических заболеваний* : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1979 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9006457> (дата обращения: 18.03.2025).

3. *О борьбе* против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года : конвенция Организации Объединенных Наций. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 18.03.2025).

4. *Конституция* (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) Ст. 42. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/?ysclid=mbqdlo5wah509500013 (дата обращения: 18.03.2025).

5. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. Ст. 40. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478724/chapter/c22df94d5280635760571dcab87811d9/?ysclid=mbqdhkhsxa654990982 (дата обращения: 18.03.2025).

Н. Ю. Туркина

(Омская академия МВД России)

Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел по обеспечению режима военного положения в контексте угроз применения беспилотных летательных аппаратов

На актуальность изучения режима военного положения повлиял ряд факторов: вооруженные конфликты в мире, антирусские настроения на Западе; начало специальной военной операции на Украине; присоединение новых субъектов к Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей), введение на этих территориях военного положения и уровней (режимов) реагирования в других регионах и др. Сам факт введения военного положения указывает на актуальность изучения этой темы, так как его введение явилось исключительным событием с момента принятия Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [1]. В процессе применения норм данного закона возник ряд проблем теоретического и практического характера. Хотелось бы заострить внимание на конкретных практических вопросах, а именно на деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях военного положения.

Во-первых, усиление охраны общественного порядка является основной мерой, вводимой на территории, где действует режим военного положения. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2] (далее — Закон «О полиции») одним из основных назначений полиции является охрана общественного порядка (ст. 1), следовательно, обеспечение этой меры является одной из основных задач органов внутренних дел Российской Федерации в период действия военного положения.

Во-вторых, Закон «О полиции» в качестве обязанности полиции в п. 29 ч. 1 ст. 12 закрепляет ее участие в обеспечении режима военного положения в случае его введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях.

В-третьих, органы внутренних дел Российской Федерации являются одной из многочисленных структур правоохранительного блока, что указывает на широкий спектр деятельности, значимость которой в период действия военного положения увеличивается. Все указанные обстоятельства подчеркивают важность полиции в обеспечении режима военного положения.

Осложнение оперативной обстановки в субъектах, где введен режим военного положения, вызвано ведением боевых действий, но сложная оперативная обстановка присутствует и в регионах, которые расположены на границе с территориями, где идут вооруженные столкновения. Это связано с новыми угрозами: речь идет о беспилотных летательных аппаратах, что подтверждает статистика ударов по территории Российской Федерации [3].

Законодатель, учитывая происходящее, внес изменения в ряд актов, в частности в Закон «О полиции». В статье 13, посвященной правам полиции, появился пункт о том, что полиция имеет право пресекать функционирование беспилотных аппаратов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел. Также к ч. 3 ст. 23 «Применение огнестрельного оружия» был добавлен пункт о праве применения огнестрельного оружия для пресечения функционирования беспилотных аппаратов в целях, предусмотренных ст. 13 Закона «О полиции».

Эти новшества необходимы и своевременны: у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации должно быть законодательное основание для защиты граждан от угроз, но есть ряд трудностей, связанных с подготовкой сотрудников к таким действиям, кадровым и техническим обеспечением органов внутренних дел Российской Федерации.

Во-первых, в настоящее время в образовательных организациях МВД России отсутствуют программы обучения по защите от беспилотных летательных аппаратов граждан и особо важных объектов жизнедеятельности с помощью огнестрельного оружия.

Во-вторых, в образовательных организациях такого типа не созданы оснащенные тир и полигоны для такого обучения, нет необходимых специальных средств (учебных беспилотных летательных аппаратов).

В-третьих, на наш взгляд, необходимо создание специального временного подразделения, отвечающего за уничтожение беспилотных

летательных аппаратов. Эта задача для сотрудников полиции является специфичной в условиях мирного времени. Сложность формирования такой специальной группы для регионов заключается в некомплекте кадров [4].

Считаем, что в условиях режима военного положения обеспечение прав и свобод граждан внутри страны остается в компетенции органов внутренних дел Российской Федерации. Нарастающие угрозы из-за ведения боевых действий указали на необходимость закрепления в законодательстве новых прав полиции. Это коснулось использования огнестрельного оружия для защиты граждан и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации от беспилотных летательных аппаратов. Возникла необходимость совершенствования образовательных программ для полицейских. Своевременность устранения трудностей отражается на качестве выполняемых задач при обеспечении режима военного положения.

Список источников

1. *О военном положении* : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Крупнейшие удары БПЛА по России*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6932208> (дата обращения: 28.01.2025).

4. *Кадровый голод в российской полиции: причины, последствия в 2025 году, комментарии МВД*. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/22/police/> (дата обращения: 20.02.2025).

Д. Н. Цуканов

(Омская академия МВД России)

К вопросу о применении пункта 4 части 1 статьи 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Одним из обстоятельств, отягчающих административную ответственность, является совершение административного правонарушения группой лиц (п. 4 ч. 1 ст. 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях (далее — КоАП РФ)). Норма не получила на практике широкого распространения в силу особенностей административно-деликтного законодательства.

Во-первых, сама формулировка является противоречивой из-за отсутствия в КоАП РФ института соучастия. В пункте 4 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ речь идет об одном правонарушении, а не о совокупности. К примеру, несколько лиц, находящихся в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность (ст. 20.21 КоАП РФ), могут совершать не одно общее, а несколько административных правонарушений. На практике ситуация может измениться, если их действия будут носить оскорбительный характер, например приставание к окружающим. Однако и в этом случае речь будет идти о нескольких делах об административных правонарушениях.

Во-вторых, если в ситуациях, связанных с возможностью применения п. 4 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ, речь идет о совокупности административных правонарушений, актуализируется вопрос о соблюдении требований ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ, устанавливающей презумпцию невиновности. Утверждение, что правонарушение совершено совместно с другим лицом, фактически означает объявление второго лица виновным, что нарушает установленный КоАП РФ порядок. Например, постановлением Себежского районного суда № 5-342/2023 от 19 ноября 2023 г. при назначении административного наказания иностранному гражданину было указано, что правонарушение совершено совместно с его родственником — Рахими Барьялай [1]. Обоснованность таких решений по указанной причине выглядит небесспорной.

Проблемы реализации данного принципа существуют и в других отраслях права. Как резюмирует Ю. В. Деришев, правоприменительная практика (в вопросе принципа презумпции невиновности) сталкивается с отдельными коллизиями современного законодательства, которые требуют своего разрешения [2, с. 46].

В сфере применения административно-деликтного законодательства представляется целесообразным установить в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность, вовлечение в совершение административного правонарушения иных лиц. Подобное решение будет охватывать все случаи активного координирующего противоправного поведения лица и позволит исключить вопросы, связанные с определением статуса соучастника в административном правонарушении.

Список источников

1. Постановление Себежского районного суда № 5-342/2023 от 19 ноября 2023 г. по делу № 5-342/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/i14xMi0sbCQv/?regular-txt=®ular-case_doc=5-342%2F2023®ular-lawchunkinfo=®ular_date_from=18.11.2023 (дата обращения: 20.02.2023).

2. Деришев Ю. В., Мурашкин И. Ю. Принцип презумпции невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2(45).

Е. А. Чекурда

(Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского)

Общие предпосылки военных преобразований в годы правления Михаила Федоровича Романова

Очередным толчком к нововведениям в устройстве военной службы Российского государства в первой трети XVII в. стал период острого общественного кризиса, именуемого историографами как Смута или Смутные времена [1, с. 513], который сопровождался не только династическим кризисом, народными вольностями, мятежами, боярской борьбой за власть, но и иностранной интервенцией.

Последствия «великой разрухи Московского государства» [2, с. 1] легли на плечи избранного на земском соборе Михаила Федоровича Романова. Так, успехи войск Польши и Швеции заставили власть обратиться к европейскому военному опыту, реформе русского войска, без чего невозможно было отвоевать утерянные позиции и перейти к наступательной внешней политике.

Московские правители прибегали к найму иноземцев. Вместе с иностранными художниками и мастерами различных ремесел приглашались иностранные ратники, вследствие чего стали появляться полки, устроенные по европейскому образцу. Однако изначально иностранцев-ратников нанимали чаще всего для службы в «наряде», т. е. в артиллерии, а именно для занятий инженерным и артиллерийским делом и для формирования отрядов надежных царских телохранителей [3, с. 6–7].

При государях Смуты были попытки введения регулярной армии, по большей части состоящей из наемных иностранцев. Благодаря Василию Шуйскому изданы «Воинская книга» [4, с. 81] и так называемый

«Пушкарский устав» (1607 г.) [5] на основе зарубежных военных книг и опыта российского войска, а затем дополнен при Михаиле Федоровиче Романове (1621 г.). В нем заложено 663 статьи об организации, вооружении и действиях пехоты, кавалерии и артиллерии.

Правительство Михаила Федоровича не стало менять главных и коренных условий войска, оставило ему прежний основной состав, но дало более строгое и определенное управление, «а также присоединило несколько новых частей, составленных частично из наемных иноземцев, частью из русских, которым давалось оружие одинаковое с иноземцами, и требовалось, чтобы они учились немецкому строю» [6, с. 2]. Царь не хотел видеть в иностранцах временных наемников, потому назначал лучшим воинам высокое поместное жалование, с целью «привязки» к Московскому государству.

Претензии иностранных государств на московский престол по окончании польской и шведской интервенции вынуждали Михаила Федоровича заключать мирные договоры на невыгодных условиях. Так, по Деулинскому договору (1618 г.) с Речью Посполитой предусмотрена утрата исторически русских земель, что вынуждало царя начать войну за их возвращение. Начинается процесс реформации войска Московского государства. В 1630 г. в города государства были высланы грамоты о наборе на обучение «к московским иноземцам из городов детей боярских... которые в нашу службу пригодятся...; а быти им в ратном ученье на Москве у дву немецких полковников: у Александра Лесли да у Франца Пецнера, с московскими немцы, по тысяче человек у полковника» [7, с. 229].

Именно при первом Романове иноземные части получили статус постоянных военных частей, их образ становится основой для оформления обученной «иноземному строю» русской армии. Комплектование иностранцами внутреннего войска исторически имеет целью усвоение передового опыта в военном деле, иначе говоря, подготовку собственного населения [8, с. 3–10].

Ведал иностранными ратными Иноземный приказ, ему подчинялась в целом немецкая слобода. Иноземный приказ осуществлял выплату жалованья иноземцам за службу, а также разрешал споры иноземцев между собой или с иным населением Российского государства [9, с. 177–180].

Таким образом, в годы правления Михаила Романова наряду с отечественными полками начинают оформляться и развиваться полки иноземного строя. Последние имеют особую структуру, управление, солдаты отмечены высоким жалованием, создан специальный ведающий ор-

ган — Иноземный приказ. Тем не менее многие ученые отмечают преобразования Михаила Федоровича лишь слабыми подступами к крупным военным реформам. Главная причина отсутствия масштабных изменений кроется в тяжелых последствиях Смутного времени, выражающихся в непрерывных войнах того периода. Но политику первого Романова успешно продолжит его сын, при котором реформация будет строиться на мысли: «ратная премудрость, опричь богословия, паче и превыше всех иных премудростей» [10, с. 68–79].

Список источников

1. *Библиотека литературы Древней Руси* / под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 2010. Т. 16.

2. *Божеянов И. Н.* Великая разруха Московского государства (1598–1612 гг.), со времени прекращения царей рода Рюрика до избрания царя из дома Романовых. М., 1913.

3. *Военная энциклопедия* / под ред. В. Ф. Новицкого : в 18 т. СПб., 1915. Т. 10.

4. *История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г.* : в 7 т. СПб., 2003. Т. 1.

5. *Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки* : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1777. Ч. 2. СПб., 1781.

6. *О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим: историческое исследование действительного члена Императорского общества истории и древностей российских И. Беяева.* М., 1846.

7. *Грамота* царя Михаила Федоровича белозерскому воеводе Борнякову о сделанной вновь большой государевой печати апреля 1625 г. (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1836.

8. *Вискулова В. В., Яровой А. С.* О правовых основах службы иностранных военнослужащих в Вооруженных Силах Российской Федерации и обучения военных кадров иностранных государств // *Право в Вооруженных Силах.* 2019. № 3.

9. *Акты Московского государства.* Т. 1. № 267, 276; ЦГАДА, ф. Разряда, столбцы Московского стола, № 53.

10. *История русской армии и флота* / под ред. полк. Ген. штаба А. С. Гришинского, В. П. Никольского / под ред. проф. Морской акад. полк. Н. Л. Кладо. М., 1911. Т. 1.

В. В. Чернегова

(Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск)

Определение нормативного правового акта: законодательный и доктринальный подходы

Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что до настоящего времени понятие нормативного правового акта на законодательном уровне не сформулировано. Однако на доктринальном уровне ведутся дискуссии относительно понимания этой правовой категории. Закрепление легальных определений правовых категорий можно рассматривать как часть государственно-правовой политики РФ, направленной на обеспечение национальных интересов (поддержание правовых основ международных отношений, защита суверенитета, конституционного строя, сохранение согласия и гражданского мира) [1, с. 110].

Ожидалось, что определение нормативного правового акта найдет свое отражение в федеральном законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Однако его проект, внесенный в 1996 г. на рассмотрение Государственной Думой Российской Федерации, отклонен во втором чтении, а в 2004 г. снят с дальнейшего рассмотрения [2].

Между тем в постановлении Государственной Думы Федерального Собрания от 11 ноября 1996 г. № 781-III ГД «Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации» указывается, что нормативный правовой акт — это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм [3].

В свою очередь постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 29 ноября 2007 г. «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» определяет существенные признаки, которые характеризуют нормативный правовой акт: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти; наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение и направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений [4].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 уточняется, что признание того или иного акта нормативным право-

вым зависит от анализа его содержания, который осуществляется соответствующим судом [5]. Новшеством данного постановления стала также самостоятельная категория актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами.

Что примечательно, роль судебной практики в российской правовой системе и вопрос о ее статусе как самостоятельного источника права долгое время являются предметом научных дискуссий, а законодательное закрепление судебного нормотворчества получает все большее одобрение среди авторитетных российских юристов.

В юридической литературе продолжают дискуссии относительно различных аспектов определения нормативного правового акта, его признаков и особенностей. Так, по одному мнению, нормативный правовой акт — это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение и отмену правовых норм [6, с. 14]. Также нормативный правовой акт — это правовой акт, принятый полномочным на то органом и содержащий правовые нормы, т. е. предписания общего характера и постоянного действия, рассчитанные на многократное применение [7, с. 140].

Приведенные формулировки отражают схожие ключевые признаки, однако имеют свои нюансы. Первое определение подчеркивает цель акта — изменение правовой реальности путем установления, изменения или отмены правовых норм, но не содержит указания на существенное свойство нормативных правовых актов — их общеобязательность для неопределенного круга лиц. Второе определение недостаточно конкретно в описании формальных признаков, но в целом оба определения дополняют друг друга. Рассмотренные примеры подтверждают актуальность данной темы исследования.

Таким образом, несмотря на отсутствие легального определения нормативного правового акта в российском законодательстве, существуют различные подходы к его пониманию. Важно отметить достаточно ограниченную роль доктринальных определений в российской правовой системе. При вынесении судебных актов хотя и используются доктринальные разработки, суды не обязаны им следовать.

В то же время сама судебная практика и ее возможный статус источника права являются предметом научных исследований и дискуссий. Возникает парадоксальная ситуация: отсутствие законодательного определения нормативного правового акта и возрастающая роль судебной практики в его интерпретации и применении.

Полагаем, что разъяснения Верховного Суда РФ, которые ввели категорию актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, еще больше усложняют картину и требуют дальнейшего исследования. В целом эта ситуация демонстрирует эволюцию правоприменительной практики, но не решает проблему отсутствия легального определения основополагающей категории — нормативного правового акта.

Подводя итоги, необходимо отметить, что такой правовой вакуум создает неопределенность и риски в сфере правоприменения. Это особенно актуально в условиях возрастающей роли судебной практики в формировании правового понимания. Дальнейшие исследования данной проблематики могут быть направлены на изучение опыта зарубежных правовых систем, анализ судебной практики и современных научных разработок. Только комплексный подход, объединяющий доктринальные и практические аспекты, позволит разработать оптимальное определение нормативного правового акта.

Список источников

1. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Правовая политика Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности мира и человечества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1(104).
2. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700088-2> (дата обращения: 14.03.2025).
3. Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Кленкина О. В., Шиханова Е. Г. Правоведение : учеб. пособие. Самара, 2022.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. Саратов, 2004.

А. В. Честнов

(Омская академия МВД России)

Дезинформация в сети Интернет как развивающаяся тенденция

В последние годы дезинформация стала одной из актуальных проблем, с которыми сталкивается современное общество. В условиях стремительного развития технологий и глобализации информационного пространства проблема дезинформации в Российской Федерации приобрела особую значимость. Увеличение числа источников информации создало благоприятные условия для распространения недостоверных данных, что ставит под угрозу не только индивидуальное восприятие реальности, но и целостность общественного мнения, а также демократические процессы в стране. Исследования демонстрируют, что почти 70% пользователей узнают последние новости из социальных сетей [1, с. 46].

Проблема обусловлена не только увеличением числа фейковых новостей, но и их влиянием на общественное сознание и политическую ситуацию в стране. Дезинформация может использоваться как инструмент манипуляции общественным мнением, что в свою очередь приводит к дестабилизации социальной и политической обстановки. Важно отметить, что дезинформация не является новшеством, однако в условиях цифровизации и глобализации она принимает новые формы и масштабы, что требует особого внимания. Отметим также роль социальных сетей, мессенджеров и иных интернет-платформ, которые зачастую становятся основными каналами ее распространения. Развитие современных онлайн-платформ меняет количество информации и тип подачи контента для пользователя. Избыточность поступающих сведений снижает критическое восприятие информации [2, с. 406].

В последние годы технологии искусственного интеллекта значительно продвинулись вперед, как и использование его в создании новостей. Алгоритмы и автоматизированные системы способствуют распространению дезинформации. При этом возникает проблема медиаграмотности и способности к критическому мышлению. В условиях доступности информации в огромных объемах, критическое мышление и умение определять ее достоверность становятся необходимыми навыками для каждого гражданина.

Борьба с дезинформацией требует комплексного подхода, включающего как законодательные меры, так и образовательные програм-

мы. Роль общества в противодействии дезинформации также является необходимостью во взаимодействии органов публичной власти и институтов гражданского общества. Активные граждане, неправительственные организации и медиа могут способствовать созданию устойчивого информационного пространства.

Прогнозируется, что распространение дезинформации будет расти в связи с дальнейшим развитием технологий и изменением информационного ландшафта.

Таким образом, проблемы дезинформации в Российской Федерации, анализ ее причин и последствий, а также поиск эффективных решений для противодействия этому явлению становятся все более актуальными. В условиях, когда информация представляет собой один из ключевых ресурсов современного общества, важно защитить себя и окружающих от манипуляций и дезинформации.

Список источников

1. Богданова Д. А. Социальные сети как источник глобального риска. Как его нейтрализовать // Школьные технологии. 2018. № 6.

2. Колотаев Ю. Ю. Цифровизация и угроза дезинформации: современные управленческие практики Европейского Союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16, № 4.

С. Н. Шарипов

(Омская академия МВД России)

Исторический аспект ведомственного контроля как способа обеспечения законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан

Исторический аспект ведомственного контроля как способа обеспечения законности в административной деятельности милиции (полиции) имеет глубокие корни и тесно связан с эволюцией государственных систем и правоохранительных институтов Таджикистана. Рассмотрим ключевые этапы его развития. Ранее не существовало милиции в современном понимании, а на территории, входящей в состав нынешнего Таджикистана, функционировали полицейские подразде-

ления Российской империи. Бухарское и Кокандское ханства, частично включавшие территорию современного Таджикистана, имели свои традиционные институты поддержания правопорядка. На территории Таджикистана процесс формирования милиции начался несколько позже и был связан с установлением советской власти в регионе. В 1924 г. была образована Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, а в 1929 г. создана Таджикская ССР.

Во времена СССР (1917–1991 гг.) милиция стала частью системы МВД СССР, а ведомственный контроль был тесно связан с партийно-государственным управлением [1, с. 367]:

- партийные органы (КПСС) контролировали кадровую политику и соблюдение социалистической законности;

- инспекторские подразделения МВД проводили проверки деятельности милиции на местах.

После распада СССР и обретения Республикой Таджикистан независимости в 1991 г. началось формирование национальной системы органов внутренних дел. Этот процесс проходил в условиях гражданской войны (1992–1997 гг.), что существенно осложняло создание эффективной системы ведомственного контроля. В данный период шла трансформация советской модели контроля с учетом новых политических и правовых реалий. Основные усилия были направлены на сохранение кадрового потенциала органов внутренних дел и поддержание минимально необходимого уровня контроля за соблюдением законности.

После подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия главой государства, основателем мира и национального единства, лидером нации, Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном 27 июня 1997 г. начался процесс восстановления системы органов внутренних дел и формирования новых подходов к организации ведомственного контроля [2]. Важным шагом стало принятие Закона Республики Таджикистан «О милиции» от 17 мая 2004 г., который установил правовые основы деятельности и определил общие принципы контроля [3]. В этот период происходит укрепление системы ведомственного контроля, совершенствуется его нормативная правовая база. Принимаются ведомственные нормативные акты, регламентирующие порядок проведения инспекторских проверок, служебных расследований, аттестации сотрудников. Особое внимание уделяется борьбе с коррупцией в рядах милиции. Укрепляются подразделения собственной безопасности, совершенствуются

механизмы выявления и пресечения коррупционных проявлений. Современный этап характеризуется комплексным подходом к организации ведомственного контроля, интеграцией различных форм и методов контрольной деятельности. Принятие Стратегии реформирования милиции на 2013–2020 гг. стало важным шагом в развитии системы ведомственного контроля. В рамках реализации данной стратегии совершенствуются механизмы обеспечения законности в деятельности милиции, внедряются современные технологии контроля [4].

Административная деятельность милиции Таджикистана, характеризующаяся непосредственным взаимодействием с гражданами и значительным объемом дискреционных полномочий, требует эффективной системы контроля, способной своевременно выявлять и предупреждать нарушения законности [5]. Ведомственный контроль в данном контексте выступает важнейшим инструментом обеспечения соблюдения требований нормативных правовых актов, прав и свобод граждан, а также служебной дисциплины сотрудниками милиции.

Список источников

1. Абдулхаков М. М. История становления и развития органов милиции Таджикистана (1917–1945 гг.). Душанбе, 2005.
2. *Об основателе мира и национального единства — лидере нации* : конституционный закон Республики Таджикистан от 14 ноября 2016 г. № 11356. URL: https://www.adlia.tj/show_doc (дата обращения: 04.12.2023).
3. *О милиции* : закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 41. URL: https://www.adlia.tj/show_doc (дата обращения: 04.12.2023).
4. *Стратегия реформы милиции на 2013–2020 годы*, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2013 г. № 438. URL: https://www.adlia.tj/show_doc (дата обращения: 04.02.2025).
5. *Положение об Общественном совете по содействию гражданского общества реформе милиции при МВД Республики Таджикистан*, утверждено приказом МВД Республики Таджикистан от 11 ноября 2014 г. № 841. URL: https://www.adlia.tj/show_doc (дата обращения: 04.04.2025).

П. П. Шинкевич

(Омская академия МВД России)

Формирование советской модели правового регулирования миграции населения в 1920–1930-е гг.

В контексте современных процессов глобализации и масштабного движения населения, как внутри стран, так и между ними, актуальным будет изучение исторического опыта правового регулирования миграций. Интересным примером здесь становится миграционная политика Советского Союза и ее изменение под влиянием политических, социально-экономических и различных других факторов. Формирование принципиально новой модели правового регулирования миграции населения в СССР происходит в период 1920–1930-х гг. Именно тогда ослабевают отголоски миграционных потоков дореволюционного периода и Гражданской войны, а также начинается выстраивание централизованной системы регулирования миграционного движения населения. Основой советской миграционной политики становится жесткая централизация государственного управления и плановый подход к регулированию миграционных процессов, что находит свое отражение прежде всего в сфере правового регулирования. Была развернута работа, способствовавшая быстрейшему завершению выработки и законодательному закреплению принципов переселенческой политики, приданию переселению планового характера. Государственная значимость переселений подчеркивалась созданием (вернее, сохранением) управленческих структур, формированием системы льгот, которые являлись материальной базой переселений и были важным стимулом переселенческого движения [1, с. 26].

Советская модель интересна сочетанием административных и экономических методов регулирования миграции, внедрением разнообразной системы государственной поддержки переселенцев, включающей освобождение от налогов, разного рода льготы и оказание материальной помощи. В то же время создается система административного контроля над миграционными процессами, а миграционная политика становится инструментом решения социально-экономических задач.

В условиях форсированной индустриализации государство стало активно использовать миграционную политику как один из способов развития народного хозяйства, что послужило основой формирования административно-командной системы регулирования миграции [2, с. 22]. Это привело к упорядочению миграционных потоков, повыше-

нию централизации управления и формированию практики массовых организованных переселений, опыт которой потом будет использован при проведении эвакуационных мероприятий в годы Великой Отечественной войны, в ходе компании по освоению целинных и залежных земель, а также на комсомольских стройках. В итоге созданная в 1920–1930-х гг. советская модель миграционного регулирования стала одним из важнейших инструментов формирования нового социалистического общества. В этот же период начинается использование насильственных методов переселения и репрессивной высылки определенных категорий граждан, что в дальнейшем сформирует целое направление советской миграционной политики.

Проблема исследования заключается в необходимости комплексного анализа формирования и развития советской модели миграционной политики в 1920–1930-х гг. В это время формируются многие механизмы регулирования миграции, оказавшие существенное влияние и на современную миграционную политику. Особый интерес приобретает изучение социально-экономических предпосылок формирования миграционного законодательства и анализ организационно-правовых механизмов реализации миграционной политики в условиях советской системы управления, что требует систематизации и классификации правовых средств регулирования миграционного движения населения.

Осмысление исторического опыта советской миграционной модели необходимо, таким образом, для совершенствования действующего российского миграционного законодательства, изучения последствий реализации миграционной политики для различных групп населения. Исследование правового регулирования миграции в СССР в 1920–1930-х гг. позволит также выработать предложения по совершенствованию деятельности всех субъектов миграционной политики, выявить источники повышения эффективности механизма правового регулирования в сфере миграции населения.

Список источников

1. *Волошинова И. В.* Миграционная политика СССР в 1920–1930-е гг. в отечественной историографии. СПб., 2012.

2. *Крутова М. В.* Миграционная политика в отношении рабочих и ее реализация в годы первых пятилеток (на материалах Центрального промышленного района) // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 47.

РАЗДЕЛ II.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

П. А. Акимов

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

К вопросу о терминологическом отражении преступных последствий в российском уголовном законодательстве

Успешная реализация уголовной политики государства во многом зависит от точного применения уголовного закона, что, в свою очередь, требует правильной квалификации деяний и назначения справедливого наказания. Ключевую роль в этом процессе играет верное определение общественно опасных последствий преступления.

Отсутствие законодательного определения данного термина в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) порождает терминологическую неоднозначность, что отражается на судебной практике. В связи с этим необходим детальный анализ соотношения «ущерба» с другими формами преступных последствий («вред», «убытки», «последствия») и выработка единого доктринального подхода.

В уголовном праве точность терминологии играет решающую роль при квалификации преступлений и назначении наказания. Важно правильное определение преступных последствий, среди которых ключевое место занимает понятие «ущерб», которое является одним из значимых, но недостаточно четко регламентирован в уголовном законодательстве. Отсутствие его легального определения в УК РФ порождает дискуссии в доктрине и сложности в правоприменительной практике. Теоретическое осмысление данной категории, а также выработка единого подхода к ее пониманию приобретают особую актуальность.

В науке уголовного права отсутствует единство мнений относительно содержания термина «ущерб» и его соотношения с такими смежными понятиями, как «вред» и «последствие».

Узкий подход рассматривает ущерб как разновидность материального вреда, поддающегося точному исчислению и возмещению в денежной или натуральной форме [1; 2].

Широкий подход (Г. В. Тимейко) допускает включение в понятие ущерба не только имущественных, но и нематериальных последствий (например, морального вреда) [3].

Критическая позиция отрицает категориальный статус термина «ущерб», считая его условным обозначением, используемым наряду с «вредом» и «последствием» [4, с. 27, 55].

Большинство исследователей [5; 6] сходятся во мнении, что:

- «последствие» — наиболее широкое понятие, охватывающее любые изменения в охраняемых уголовным законом общественных отношениях;

- «вред» — родовое понятие, включающее как преступные, так и не-преступные негативные последствия;

- «ущерб» — видовое понятие, характеризующее материализованные, измеримые формы вреда (имущественный ущерб, упущенная выгода).

А. Н. Трайнин подчеркивал, что отсутствие ущерба лишает деяние общественной опасности, превращая его в малозначительное (ч. 2 ст. 14 УК РФ) [7]. Вместе с тем, как отмечают В. Б. Малинин и А. Ф. Парфенов, не всякий ущерб имеет уголовно-правовое значение — учитываются только те последствия, которые прямо предусмотрены конкретной нормой УК РФ [8, с. 87].

Неопределенность в трактовке ущерба приводит к субъективизму при квалификации (например, при оценке «значительного ущерба» в ст. 158 УК РФ), а также к разногласиям в судебной практике (постановления Пленума Верховного Суда РФ не всегда устраняют противоречия).

Настоящее исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, «ущерб» в уголовном праве — это измеримый материальный вред, причиненный преступлением охраняемым законом интересам. Во-вторых, он (ущерб) является видовым понятием по отношению к «вреду» и «последствиям», что подтверждается его связью с возмещением (в отличие от компенсации морального вреда). В-третьих, законодательное закрепление определения ущерба (например, в примечаниях к ст. 158 УК РФ) способствовало бы единообразию судебной практики.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с анализом судебных решений и разработкой критериев оценки нематериального ущерба в уголовном праве.

Список источников

1. Михлин А. С. Последствия преступления : монография. М., 1969.
2. Севостьянова А. В. Процессуальный порядок рассмотрения и разрешения гражданского иска по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
3. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977.
4. Жилкин М. Г. Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
5. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности : учеб. пособие. М., 1982.
6. Землюков С. В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991.
7. Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946.
8. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004.

Н. И. Жуков

(Омская академия МВД России)

Фандрайзинг и краудфандинг как механизм финансирования экстремистской деятельности

Финансирование экстремистской деятельности — многогранная проблема, а сбор средств становится важнейшим механизмом, с помощью которого экстремистские группировки поддерживают свою деятельность. В данной статье «фандрайзинг» и «краудфандинг» рассматриваются как способы финансирования на примере ЛГБТ-сообщества* (далее — запрещенная организация).

* Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистской организацией по решению Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 и его деятельность запрещена на территории России.

Экстремистские организации используют разнообразные стратегии сбора средств, каждая из которых соответствует их идеологическим целям и оперативным возможностям. Однако по мере того, как технологический прогресс меняет парадигмы коммуникации и транзакций, эти группы все чаще прибегают к более изощренным способам финансирования своей деятельности. Фандрайзинг и краудфандинг становятся важными инструментами [1, с. 112–116], позволяющими экстремистским организациям привлекать финансовые ресурсы для достижения своих целей.

Фандрайзинг (англ. fundraising — привлечение средств) — это процесс привлечения финансовых ресурсов для целевых проектов или организаций. Он осуществляется через целенаправленные кампании, различные открытые или закрытые мероприятия с крупными инвесторами с целью получения частных пожертвований и других форм финансовой поддержки и требует наличия определенных стратегий для установления и поддержания отношений с организацией или меценатом, предоставляющим денежные средства.

Краудфандинг (от англ. crowd — толпа и funding — финансирование) — это способ сбора средств, когда люди объединяются, чтобы поддержать идею или проект. Краудфандинг — это демократизированная форма привлечения ресурсов, основанная на коллективном участии широкой аудитории, опирающаяся на интернет-платформы, позволяющие любому желающему внести вклад в тот или иной проект.

Краудфандинг стал важным финансовым механизмом в цифровую эпоху, позволяющим частным лицам и организациям привлекать денежные пожертвования от неограниченного круга лиц. Хотя эта парадигма способствовала реализации позитивных инициатив в различных секторах, включая технологии, искусство и социальные цели, ею также воспользовались экстремистские группировки, стремящиеся финансировать свою деятельность.

В контексте экстремистских организаций и сообществ фандрайзинг может принимать такие формы, как организация закрытых мероприятий, где потенциальные спонсоры могут быть привлечены на основе идеологических убеждений или личной связи с лидерами движения. Краудфандинг также был использован экстремистскими группами для привлечения финансовых средств от широкой аудитории. В этих кампаниях часто применяются эмоциональные призывы, убедительные нарративы и мультимедийный контент с целью получения финансовой поддержки от сочувствующих по всему миру.

На примере запрещенной организации фандрайзинг и краудфандинг можно разграничить по следующим признакам.

1. Фандрайзинг определяется как предоставление денежных средств в качестве грантов от зарубежных фондов, государственных и международных организаций, деятельность которых не ограничена законодательством иностранных государств, поддерживающих инициативы запрещенной организации или реализацию ее проектов [2]. Денежные средства также могут предоставляться на закрытых благотворительных мероприятиях или вечеринках [3], таким образом принимающих статус участника запрещенной организации.

2. Краудфандинг определяется как предоставление денежных средств через сбор, организованный на интернет-ресурсах, в постах социальных групп или мессенджеров, выложенных участниками запрещенной организации. Субъектами предоставления денежных средств выступают физические или юридические лица, изъявившие желание небольшими суммами финансово поддержать деятельность запрещенной организации, не принимая участия в ее деятельности.

С уголовно-правовой точки зрения, предоставление денежных средств запрещенной организации, используя механизмы фандрайзинга или краудфандинга для финансирования экстремистской деятельности, образует состав преступления, предусмотренного ст. 282³ УК РФ. Однако если рассматривать фандрайзинг и краудфандинг как способы сбора средств, могут возникнуть вопросы при поступлении денег из зарубежных фондов или от иностранных граждан. Установление ответственности за уклонение от обязанностей иностранного агента по ст. 330¹ УК РФ может создать конкуренцию для уголовно-правовых норм, если квалифицировать получение денежных средств участником запрещенной организации из зарубежных фондов, поддерживающих инициативы запрещенной организации, как финансирование экстремистской деятельности.

В современном мире, где западная гегемония пытается оказывать влияние [4], в том числе на традиционные ценности, закрепленные в Конституции РФ, уголовно-правовое законодательство должно развиваться параллельно с изменениями в социально-экономической и политической сферах. Важно, чтобы законодательство оставалось гибким и адаптивным, позволяя эффективно реагировать на новые реалии, сохраняя при этом основополагающие принципы правового государства и соблюдение международных стандартов прав человека.

Список источников

1. Алетдинова А. А., Кравченко М. С. Развитие краудфандинга и фандрайзинга в инновационной экономике: теоретический и концептуальный аспекты // Инвестиции и инновации. 2016. № 2.
2. Маслов В. Финансирование международного ЛГБТ-движения, 1973–2020. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1139024&full> (дата обращения: 24.03.2025).
3. Суд признал «голую вечеринку» Ивлеевой пропагандой нетрадиционных отношений. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6427479> (дата обращения: 24.03.2025).
4. Маслов В. ЛГБТ-движение как гегемония. М., 2021.

И. А. Измайлова

(Омская академия МВД России)

Проблемы применения бланкетных норм в экологическом законодательстве на примере ст. 251 УК РФ

Экологическое законодательство Российской Федерации представляет собой сложную и многоуровневую систему нормативных актов, регулирующих отношения в области охраны окружающей среды. Одной из особенностей гл. 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) является широкое использование бланкетных норм, которые отсылают к другим нормативным актам для определения конкретных правил и требований.

Однако применение таких норм на практике вызывает значительные трудности, особенно в уголовном праве, где точность и однозначность формулировок имеют ключевое значение. В данной статье рассматриваются проблемы применения бланкетных норм на примере ст. 251 УК РФ, устанавливающей ответственность за загрязнение атмосферы.

Бланкетные нормы — это правовые предписания, которые не содержат полного описания запрещенного деяния, а отсылают к другим нормативным актам для уточнения конкретных правил и требований. В экологическом законодательстве такие нормы широко используются, поскольку регулирование природоохранной деятельности требует учета множества факторов, включая технические, санитарные, гигиенические и экологические стандарты.

Однако бланкетность норм создает определённые сложности для правоприменителей. Как отмечает И. В. Попов, правоприменителю приходится искать конкретные нормативные акты, которые непосредственно регламентировали бы нарушенные правоотношения. Это чрезвычайно сложно, поскольку в экологической сфере действует значительное их количество [1, с. 50]. Это особенно актуально для уголовного права, где необходимо четко определить состав преступления и доказать нарушение конкретных правил [2, с. 14].

Статья 251 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за загрязнение атмосферы в результате нарушения правил выброса загрязняющих веществ или эксплуатации установок, сооружений и иных объектов. Диспозиция статьи является бланкетной, так как для определения состава преступления необходимо обратиться к нормативным актам, регулирующим порядок выброса загрязняющих веществ и эксплуатацию объектов.

Основные проблемы применения ст. 251 УК РФ:

— *сложность определения нарушенных правил.* Экологическое законодательство включает множество нормативных актов различного уровня — от федеральных законов до ведомственных инструкций. Для квалификации преступления по ст. 251 УК РФ необходимо установить, какие конкретно правила были нарушены. Однако, как отмечает Н. А. Лопашенко, в экологическом законодательстве отсутствуют кодифицированные акты, которые четко регламентировали бы порядок выброса загрязняющих веществ [3, с. 413]. Это приводит к тому, что правоприменители вынуждены обращаться к множеству разрозненных нормативных актов, что затрудняет установление признаков инкриминируемого деяния;

— *неоднозначность критериев отнесения объектов к категориям.* С 2019 г. в России введена система категорирования объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. В зависимости от категории объекта устанавливаются различные требования к выбросам загрязняющих веществ. Как указывает И. В. Попов, антропогенное воздействие в рамках нормируемой хозяйственной деятельности является правомерным. Однако при существующем правовом регулировании природопользования определить правомерный характер такой деятельности весьма непросто [1, с. 52]. Например, объекты IV категории не обязаны рассчитывать нормативы допустимых выбросов, что затрудняет доказательство нарушения правил;

— *доказывание причинно-следственной связи.* Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 251 УК РФ необходимо установить,

что загрязнение атмосферы стало результатом нарушения конкретных правил. Однако, как отмечает О. Л. Дубовик, установление причинно-следственной связи между выбросами, произведенными в нарушение правил, и наступившими последствиями часто затруднено [4, с. 200]. Основная проблема заключается в сложности идентификации конкретного источника загрязнения и доказывания того, что выбросы именно из этого источника привели к уголовно наказуемым последствиям;

— *недостатки в регулировании эксплуатации объектов.* Нарушение правил эксплуатации установок и сооружений также является основанием для привлечения к ответственности по ст. 251 УК РФ. Однако правила эксплуатации могут содержаться в различных нормативных актах, включая инструкции по эксплуатации, что затрудняет их применение в уголовном праве.

Применение бланкетных норм в экологическом законодательстве, в частности ст. 251 УК РФ, связано с рядом проблем, включая сложность определения нарушенных правил, неоднозначность критериев отнесения объектов к категориям и трудности доказывания причинно-следственной связи. Для повышения эффективности применения ст. 251 УК РФ необходимо:

- 1) упростить и систематизировать экологическое законодательство, создав единый кодифицированный акт, регулирующий порядок выброса загрязняющих веществ;
- 2) установить нормативы допустимых выбросов для всех категорий объектов;
- 3) разработать методику установления источника загрязнения, а также установления связи между самим источником и наступившими последствиями.

Список источников

1. Попов И. В. Квалификация преступного загрязнения атмосферы (ст. 251 УК РФ) : монография. М., 2021.
2. Попов И. В. Хищение лесных насаждений путем рубки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92).
3. Лопашенко Н. А. Экологические преступления : уголовно-правовой анализ. М., 2017.
4. Дубовик О. Л. Экологические преступления : комментарий к главе 26 УК РФ. М., 1998.

Н. А. Ильных

(Омская академия МВД России)

Ведомственное программное обеспечение анализа данных из открытых источников для предупреждения киберэкстремизма

В научном сообществе сегодня преобладает идея о том, что предупреждение киберэкстремизма должно быть многоуровневым. Помимо общесоциальных необходимыми являются узконаправленные меры, рассчитанные на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов [1, с. 93–97]. На наш взгляд, сегодня наибольшая потребность прослеживается в технических мерах. Они выражаются во внедрении в правоохранительную деятельность новых комплексов программного обеспечения (далее — ПО), предназначенных для повышения эффективности деятельности подразделений, занимающихся противодействием экстремизму.

Одним из перспективных и активно разрабатываемых в доктрине направлений по предупреждению киберэкстремизма сегодня является использование результатов анализа имеющейся в информационно-телекоммуникационном пространстве общедоступной информации. Согласно ч. 4 ст. 7 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под ней понимается: «информация, размещаемая ее обладателями в сети Интернет в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования...» [2]. В свою очередь совокупность методов по поиску, сбору и анализу общедоступной информации охватывается термином «OSINT» (Open Source Intelligence — от англ. «разведка на основе анализа открытых источников информации») [3, с. 98–106].

С учетом повсеместного использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), в открытом доступе хранится огромное количество информации, которую следует использовать в предупредительных целях. Об эффективности применения методов OSINT свидетельствуют результаты многочисленных научных исследований. Например, В. Ю. Иванов справедливо указывает на необходимость применения OSINT для получения значимой информации [4, с. 62–66]. В своем исследовании В. Б. Батоев указывает на необходимость придания поиску по открытым источникам данных статуса приоритетного направления совершенствования информационной основы деятельности правоохранительных органов наряду с традиционными формами и методами [5, с. 66–71].

Вместе с тем для эффективного поиска и анализа общедоступной информации целесообразно применять специальное программное обеспечение (далее — ПО). В целях определения используемых сегодня практическими подразделениями соответствующих программных средств нами был проведен опрос 32 сотрудников Центра по противодействию экстремизму УМВД России по Омской области. Результаты исследования показали, что около 60% опрошенных используют Telegram-бот «Глаз Бога»; 24% — поисковую систему под названием «SEUSLab»; 8% — программное обеспечение для поиска и анализа информации в социальных сетях и мессенджерах LaplacesDemon; 8% — не используют специальное ПО.

Проведенный нами анализ показал, что все вышеперечисленные комплексы ПО принадлежат лицам или компаниям, не имеющим прямого отношения к отечественным государственным структурам. В свою очередь доступ к функционалу для сотрудников правоохранительных органов чаще всего предоставляется на контрактной основе за существенную плату. Сложившаяся ситуация препятствует эффективному предупреждению киберэкстремизма. Использование стороннего ПО неизбежно сопряжено с рисками их блокировки или ограничениями функционала.

В данной связи считаем, что необходимо активизировать разработку собственного (внутриведомственного) ПО для осуществления OSINT. На наш взгляд, данную задачу следует выполнять путем совершенствования взаимодействия ведомственных организаций системы высшего образования и территориальных органов на региональном уровне. Необходимо систематически организовывать соответствующие профильные научно-практические семинары и конференции. Важно привлекать к участию в них исследователей соответствующего профиля из различных учебных и научных заведений, сотрудников государственных и частных организаций, занимающихся разработкой ПО, а также представителей зарубежных стран для обмена международным опытом. Непосредственная разработка ПО должна осуществляться путем проведения заказных исследований, отражающих потребности практических сотрудников, занимающихся противодействием экстремизму.

Список источников

1. Аносов А. В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4.
2. *Об информации, информационных технологиях и о защите информации* : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

3. Качалов А. Г. Подготовка специалистов по работе с открытыми данными в сети Интернет (OSINT) в гражданских и ведомственных вузах // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 9.

4. Иванов В. Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1.

5. Батоев В. Б. О технологии поиска по открытым источникам «OSINT» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2.

А. К. Камолзода

(Омская академия МВД России)

К вопросу о разграничении незаконного вооруженного формирования или участия в нем от смежных составов преступлений

В ходе квалификации преступлений по ст. 208 УК РФ могут возникать различные сложности, которые связаны с разграничением анализируемого состава преступления со смежными составами (ст. 205⁴, 209, 210 УК РФ), устанавливающими ответственность за организацию, руководство, участие в преступных группах.

Исследователи отмечают, что разграничение анализируемого деяния от смежных составов осуществляется по всем четырем элементам: объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне [1, с. 287]. Полагаем, что для правильной квалификации преступления, указанного в ст. 208 УК РФ, следует выделить основные отличительные признаки незаконных вооруженных формирований. Первым выступает устойчивость такой группы. Однако, например, террористическое сообщество, банда также обладают признаком устойчивости, их деятельность имеет общеопасный характер. Представляется, что принцип устойчивости и общеопасности группы является родовым по отношению и к смежным составам преступления. Поэтому разграничение составов преступлений надлежит проводить по видовым признакам, присущим им [2, с. 159]. Первым видовым признаком незаконного вооруженного формирования выступает признак военнизированной, т. е. незаконное формирование должно быть создано по типу военизированных структур. Вторым ви-

довым признаком является вооруженность незаконного формирования, т. е. наличие у формирования оружия либо иных предметов, которые могут быть использованы в качестве него для ведения боевых действий. Конечно, важным признаком банды также выступает вооруженность, предполагающая наличие у ее членов любого вида оружия, которое они используют или могут использовать для совершения различных общеуголовных преступлений. Это является одним из ключевых признаков, отличающих банду от других форм организованной преступности. Следует отметить, что для установления признака вооруженности банды необходимо, чтобы оружие находилось у любого члена банды, а другие члены должны знать о данном факте [3, с. 87].

Для определения признака вооруженности необходимо, чтобы у членов формирования имелось оружие либо используемые в качестве оружия предметы, которые необходимы для достижения преступной цели, ради чего это формирование создано и функционирует. Вооруженность незаконного формирования носит организованный и систематический характер и является неотъемлемым элементом его деятельности, позволяющим проводить боевые действия. Представляется, что не все субъекты, состоящие в составе незаконного вооруженного формирования, владеют оружием, однако они должны знать о нем, а также о том, что его можно применять в ходе совершения преступных действий.

Следует обратиться к практическому примеру, где в обвинительном заключении по делу С. Д. Мадиева, обвиняемого в участии в незаконном вооруженном формировании, указывалось, что после вступления в формирование он получил автомат Калашникова АК-74 и боеприпасы. Кроме того, он знал, что другие члены формирования также вооружены и это оружие предназначено для боевых действий [4].

Изучение материалов уголовных дел показывает, что видовые признаки вооруженности, военизированнойности могут быть характерны и для преступных организаций. Например, в Дагестане группа, изначально созданная для краж и вымогательств, со временем расширилась, незаконно получила оружие и стала заниматься фальшивомонетничеством. Как итог, данная группа превратилась в организованное преступное сообщество, в котором военнизированные подразделения проводили разведывательные и контрразведывательные операции, направленные на противодействие компетентным органам. В ходе задержания члены преступного сообщества оказали активное вооруженное сопротивление, следовательно, это говорит об их боеспособности [5].

Поэтому различия между незаконным вооруженным формированием, бандой, преступным сообществом, экстремистской и террористической организацией заключаются в наличии у них определенных целей. К примеру, целью незаконного вооруженного формирования может выступать дестабилизация работы государственных органов, воспрепятствование деятельности Вооруженных Сил РФ, а также другие действия, направленные на подрыв безопасности государства [6, с. 78].

Все перечисленные типы преступных групп (банды, преступные сообщества, экстремистские и террористические организации) могут иметь схожие черты: сплоченность участников, конспирация преступной деятельности, четкое распределение ролей, строгая дисциплина и иерархия. Но когда речь идет о военизированной группе, это означает, что ее структура и принципы незаконной деятельности построены по образцу военизированной структуры, с четко выраженными правилами, по типу армейских (иерархическое подчинение).

Таким образом, основным признаком, отличающим организацию незаконного вооруженного формирования и участие в нем от других вооруженных групп выступает цель такого формирования: оно создается и используется для ведения боевых действий (основная цель), хотя это не исключает совершения членами незаконного вооруженного формирования преступлений экстремистской террористической направленности и т. п.

Список источников

1. *Серебрянникова А. В., Лебедев М. В.* Уголовная ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования и участия в нем // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3.

2. *Кулик П. В.* Особенности регламентации признаков организации незаконного вооруженного формирования в УК РФ // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Симферополь, 2018.

3. *Шхагапсоев З. Л., Тутуков А. Ю.* Вопросы уголовной ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования и участия в нем // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2.

4. *Главное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам.* URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_glskfoyufo/massmedia/news/archive?item=15707452 (дата обращения: 17.02.2024).

5. *В Дагестане фальшивомонетчиков обвинили в создании преступного сообщества.* URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/11/falshivomonetchikov->

s-10-millionami-poddelnyh-rublej-obvinili-v-prestupnom (дата обращения: 17.02.2024).

6. Фаргиев И. И. Некоторые дискуссионные вопросы понятия «незаконное вооруженное формирование» // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 10-1.

Н. М. Карамшоев

(Омская академия МВД России)

Терроризм как криминологический феномен

Терроризм — это явление, которое проникает в самые глубины общества, разламывает его основы и наносит непоправимый ущерб не только физическому, но и моральному, и психологическому благополучию людей. Он представляет собой катастрофической инструмент, используемый для установления контроля, воздействия на принятие политических решений и дестабилизации общества. Терроризм во всех своих формах, будь то терроризм государственный или негосударственный, создает атмосферу страха и неопределенности, приводя к нарушению законности и угрозе правам человека [1, с. 7].

Понятие «терроризм» происходит от латинского «terror», что означает «страх» или «ужас» и очень точно передает цель — «посеять панику в обществе, устраняя своих политических противников силовым путем» [2, с. 11].

В статье 3 Закона Российской Федерации (далее — РФ) «О противодействии терроризму» дано следующее понятие: «терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [3].

В Законе Республики Таджикистан (далее — РТ) приведено более широкое определение: «Терроризм, то есть насилие или угроза его применения в отношении физических лиц, принуждение или угроза его применения в отношении юридических лиц, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества или иных материальных объектов физических или юридических лиц, создающие опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных общественно опасных последствий, осуществляемые

в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам...» [4].

Таким образом, определение терроризма в Законе РТ «О борьбе с терроризмом» представлено шире, с включением всех возможных аспектов.

В то же время в современной науке нет единого определения термина «терроризм», это обусловлено многогранностью терроризма и принадлежностью этого явления к самым разным отраслям науки, не только уголовно-правовой, но и политической, социальной, экономической, религиозной и т. д.

А. Л. Крайнев утверждает, что терроризм является результатом смены идеологий: многие общественные устои были преданы новыми веяниями в обществе, это коснулось и религий, когда взамен традиционному верованию пришел радикализм. При этом жертвами зачастую становятся случайные люди, которые не являются источником для получения тех ресурсов, ради которых террористы совершают преступления [5, с. 7].

Терроризм, считает С. А. Солодовников, это многообъектное преступление. Террористы одновременно посягают на жизнь и здоровье людей, имущество, общественную безопасность. Паника и страх способны воздействовать на целые города и даже страны, таким образом, автор указывает на географический масштаб воздействия терроризма [6, с. 14].

В международном контексте В. Л. Суворов рассматривает терроризм как «способ политической борьбы, используемый организациями экстремистского толка для оказания давления на различные субъекты международной деятельности». Однако, ведя речь о России, В. Л. Суворов подчеркивает: «это явление стало своего рода катализатором сложных социально-политических процессов, развивающихся в нашем обществе» [7, с. 6].

Обобщая различные точки зрения, российский исследователь Ю. А. Авдеев указывает на то, что в мировой науке существует два основных подхода к понятию «терроризм». Первый, биологический подход, говорит о некоем «естественном» стремлении индивида добиваться своих интересов насильственным путем и о «насильственной» природе сущности человека.

Второй, социальный подход основан на роли социальных факторов, трудностях принятия той или иной культуры, ценностей разных народов, религиозных противоречий и т. д. Непонимание одного общества другим неминуемо приводит к столкновениям насильственного характера [8, с. 37].

В результате проведенного исследования можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, терроризм — сложное и многоаспектное явление, которое невозможно объяснить лишь одним фактором, таким как политическая или религиозная мотивация. Во-вторых, терроризм разрушительно воздействует на общество, вызывая страх, нестабильность и социальную напряженность. В-третьих, борьба с ним требует комплексного подхода, включающего не только силовые методы, но и меры по предотвращению радикализации, а также по укреплению институтов демократии и правового государства. В-четвертых, международное сотрудничество является ключевым фактором в борьбе с терроризмом, так как террористические организации часто действуют на транснациональном уровне.

Таким образом, терроризм как криминологический феномен представляет собой сложное и многогранное явление, требующее глубокого анализа и системного подхода к его предупреждению. Изучение причин, форм и методов противодействия позволяет разработать эффективные стратегии борьбы с этим явлением. Важную роль в этом процессе играет как совершенствование законодательства, так и укрепление международного сотрудничества.

Список источников

1. *Карамшиев Н. М.* Международное сотрудничество в сфере противодействия терроризму // Актуальные проблемы профилактики преступлений : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 20. Омск, 2024.

2. *Осташев А. А.* Терроризм в современном мире: понятие, виды, причины и уголовная ответственность за содеянное. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021> (дата обращения: 01.05.2024).

3. *О противодействии терроризму* : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *О борьбе с терроризмом* : закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/3959/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-borbe-s-terrorizmom> (дата обращения: 01.05.2024).

5. *Крайнев А.* Терроризм — глобальная проблема современности // Зарубежное военное обозрение. 1997. № 6.

6. *Солодовников С. А.* Терроризм и организованная преступность : монография. М., 2014.

7. *Суворов В. Л.* Международный терроризм как феномен XX века: эволюция форм и этапы борьбы с мировым злом // Закон и право. 1999. № 2.

8. *Авдеев Ю. И.* Терроризм как социально-политическое явление. М., 2015.

Н. В. Климович

(Барнаульский юридический институт МВД России)

О назначении принудительной меры воспитательного воздействия в виде возложения обязанности загладить причиненный вред

В соответствии с действующим российским законодательством в случае совершения несовершеннолетним лицом впервые преступления небольшой или средней тяжести оно может быть освобождено от уголовной ответственности с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (далее — ПМВВ). В современном Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) законодатель разместил ПМВВ в гл. 14, регламентирующей особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (ст. ст. 90–92 УК РФ), несмотря на то что они относятся к иным мерам уголовно-правового характера.

В юридической литературе некоторые исследователи до сих пор спорят о правовой природе таких мер. Одна группа ученых считает, что ПМВВ выступают в виде формы освобождения от уголовной ответственности [1, с. 80], вторая группа определяет данные меры как форму реализации уголовной ответственности [2, с. 448–454]. Отдельные авторы высказывают сомнения относительно эффективности таких мер [3, с. 113–120]. Представляется, что наличие ПМВВ необходимо, но их правовая регламентация и практика назначения требуют корректировки.

Анализируя действующее законодательство, правоприменительную практику и позиции ученых, несложно обнаружить, что существует ряд проблем в реализации ПМВВ как в части их назначения, так и в части исполнения данных мер. Очевидные недостатки, на наш взгляд, прослеживаются в применении ПМВВ в виде возложения обязанности загладить причиненный вред (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ). Следует отметить, что в практической деятельности данная мера, как правило, применяется наряду с другими ПМВВ [4].

Считаем, что для назначения рассматриваемой меры необходимо устанавливать, насколько лицо, совершившее преступление, способно самостоятельно исполнить возлагаемую на него обязанность (в частности, возместить причиненный вред в денежной форме за счет собственных средств), так как выяснение этого обстоятельства будет влиять на целесообразность применения такой ПМВВ. Как неоднократно отмечалось в уголовно-правовой литературе, применение ПМВВ является не только порицательным, но и превентивным средством воздействия на несовершеннолетнего. В случае неплатежеспособности самого правонарушителя, отсутствия у него са-

мостоятельного дохода, очевидно, что денежные средства в качестве заглаживания вреда, причиненного совершенным им деянием, во многих случаях готовы будут внести его родители (опекуны, попечители). В литературе идут дискуссии о допустимости таких действий по возмещению ущерба потерпевшему со стороны законных представителей несовершеннолетнего, а также об учете принципа его личной ответственности.

Представляется, что при возмещении материального ущерба родителями правонарушитель не испытает в полной мере порицательное действие назначенной ему ПМБВ. Соответственно, такая мера не окажет должного влияния на его поведение и не будет способствовать его исправлению. Справедливой видится позиция И. Н. Тюриной, которая считает, что за совершение преступления обязанность по заглаживанию вреда необходимо возлагать только на несовершеннолетнего виновного, имеющего самостоятельный источник дохода, при этом учитывать его имущественное положение и наличие соответствующих трудовых навыков [5, с. 62]. Наличие источника дохода правонарушителя следует установить еще на стадии расследования уголовного дела с целью исключения необоснованного назначения далее судом рассматриваемой ПМБВ.

Поскольку толкование норм об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних включено в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [6], соответствующее разъяснение относительно возложения на лицо обязанности загладить причиненный вред в качестве ПМБВ необходимо отразить в нем. Изложенный подход к реализации рассматриваемой ПМБВ не потребует изменений в уже устоявшемся институте освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, но будет способствовать достижению цели предупреждения совершения конкретными лицами новых преступлений.

Список источников

1. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск, 2018.
2. Фильченко А. П. Принудительные меры воспитательного воздействия — форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4(40).
3. Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5.

4. Постановление Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 17 июля 2020 г. № 1-111/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5btAEn0qzjQu> (дата обращения: 30.03.2025).

5. Тюрина И. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как вид освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

6. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. С. Кондратюков

(Омская академия МВД России)

Посредничество в коммерческом подкупе на рынке охранных услуг

В условиях турбулентной экономики (высокая инфляция, падение реальных доходов, снижение деловой активности) отечественный частный охранный бизнес применяет практику привлечения под охрану новых объектов государственного и муниципального финансирования с использованием коммерческого подкупа руководителей частных охранных организаций (далее — ЧОО) — конкурентов на начальной стадии конкурсов, торгов (по государственным закупкам услуг и защитных мероприятий).

Неправомерное воздействие на конкурентные условия закупок охранных услуг приводит не только к возбуждению уголовных дел в отношении руководителей ЧОО по ст. 204 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), но и к предложению некачественных услуг в сфере безопасности с применением демпинга тарифов для участников закупки со стороны правонарушителей.

В настоящее время помимо распространения коммерческого подкупа среди руководства частных охранных и иных коммерческих организаций имеет место также посредничество в коммерческом подкупе.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ криминализировано посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204¹ УК РФ) [1], внесены и иные существенные изменения в конструкции смежных составов преступлений.

Сформулировано понятие посредничества в коммерческом подкупе — это непосредственная передача предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа, либо иное содействие этим лицам в достижении или реализации соглашения между ними о передаче и получении предмета коммерческого подкупа в значительном размере, а также санкции за совершение данного деяния.

По данным МВД России, имеются факты, когда инициаторами совершения преступления является руководство ЧОО, а посредники реализуют преступный умысел, не забывая о собственной материальной выгоде в виде получения материального вознаграждения.

Таковыми действиями ЧОО нарушается экономический закон совершенной конкуренции, формирующий равновесные тарифы на охрану, создаются неравные условия при торгах, провоцируют препятствия развитию добросовестной конкуренции на рынке охранных услуг, стимулируют коррупцию во время проводимых конкурсов (торгов).

Так, в 2020 г. сотрудник ЧОО в заранее условленном месте встретился с директором другой ЧОО, получил денежное вознаграждение за прекращение дальнейшего участия в торгах своей организации в пользу конкурента. После чего он передал деньги своему руководителю, который впоследствии не предоставил ценовое предложение на электронный аукцион и тем самым прекратил дальнейшее участие в торгах.

Нельзя не согласиться с правоведом Ю. П. Гармаевым и Р. А. Степаненко, что общественная опасность коррупционного посредничества не менее, а может, и более опасна, чем прямой подкуп, так как вовлекает в преступную деятельность других лиц, а также наносит существенный вред авторитету самой системы негосударственной безопасности, препятствует деятельности охранных организаций, действующих в правовом поле, усложняет работу государственных органов, судебной и правоохранительной систем, в целом государству, а также наносит вред достоинству и деловой репутации добросовестных должностных лиц и их руководителей [2, с. 133].

Согласно опросу сотрудников оперативных и следственных органов, уголовные дела по ст. 204¹ УК РФ возбуждаются довольно редко, а передаются в суд еще реже. По нашему мнению, причинами складывающейся ситуации являются высокий уровень коррупции в государственных органах и пробелы в законодательстве.

Уголовно-правовая борьба с лицами, которые являются посредниками при коммерческом подкупе в частных охранных и иных организациях, играет важную роль в общей системе мер противодействия экономической преступности со стороны правоохранительных органов МВД России.

На основании вышеизложенного предлагаем в целях предупреждения и раскрытия посредничества в коммерческом подкупе на рынке охранных услуг:

1) активизировать агентурную работу подразделениям ЭБиПК МВД России среди сотрудников и руководства крупных ЧОО;

2) представителям региональных ФАС отслеживать проведение аукционов и торгов в сфере негосударственной безопасности с целью выявления причин отказа от участия в них отдельных ЧОО, для предупреждения демпинга тарифов и неконкурентного поведения в ущерб качеству защитных мероприятий.

Список источников

1. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации* : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Гармаев Ю. П., Степаненко Р. А.* Коррупционное посредничество и связанное с ним мошенничество как объекты уголовноправовых и криминалистических исследований. URL: <https://Lexrussica.msal.ru/jour> (дата обращения: 15.05.2024).

Ш. Г. Мамедов

(Омская академия МВД России)

Гипоопека — микроуровневый детерминант вооруженных нападений в образовательных организациях

Исследование вооруженных нападений в образовательных организациях неразрывно связано с изучением комплекса детерминирующих факторов. Использование уровневого подхода в рассматриваемом вопросе позволяет изучить причинный комплекс с точки зрения детерминант.

Одним из микроуровневых детерминант вооруженных нападениях в образовательных организациях являются деформированные семейно-бытовые отношения, выраженные в гипоопеке воспитываемого ребенка.

Гипоопека предполагает отсутствие контроля за поведением ребенка, воспитание без надлежащей поддержки, помощи и сопереживания со стороны родителей. Гипоопека может быть выражена в эмоциональном безразличии к ребенку, предоставлении с раннего возраста независимости, которой он еще не умеет пользоваться. Одной из форм гипоопеки является игнорирование проблем ребенка: с ними не ведут искренних разговоров, не интересуются жизнью, не сопереживают трудностям и успехам и т. д. [1, с. 111–116].

Гипоопека может быть выражена в систематических необъективных замечаниях, осуждении, порой переходящих в физическую агрессию в сторону ребенка.

Зачастую в семьях, где родители не уделяют внимания проблемам ребенка и регулярно напоминают, что они плохие, неумелые, противопоставляют другим, ребенок вырастает пугливым, нерешительным, с низкой самооценкой и отчужденным от общества. Все это приводит к эмоциональному отвержению детей от родителей, осознанию отсутствия какой-либо защиты перед обществом, беспомощности в преодолении проблем.

Говоря о вооруженных нападениях в образовательных организациях, можно отметить следующую цепь взаимосвязанных событий, подталкивающих подростка к совершению преступного посягательства:

- в случаях, если подросток сталкивается с проблемами социальной коммуникации в учебном коллективе, травлей со стороны обучающихся или иными трудностями, одним из необходимых условий решения сложившейся ситуации и дальнейшего гармоничного развития личности ребенка будет вмешательство родителей в части поддержки, советов, активных действий;

- наличие во внутрисемейных отношениях различных форм проявления гипоопеки не позволяет подростку обратиться с возникшими проблемами к родителям, так как возможно получить осуждение, издевательства либо игнорирование;

- обстоятельства отрешенности способствуют поиску решения проблем вне семьи. Зачастую подростки находят решение в сети Интернет, в виртуальном окружении тех, кто столкнулся с аналогичными жизненными трудностями;

— результатом погружения в виртуальную жизнь и поиска там ответов на проблемные вопросы может стать знакомство с информацией деструктивного характера, различного рода суицидальным контентом, субкультурой Колумбайн* и последующим убеждением в необходимости вымещения накопленных обид и ненависти на обучающихся, спровоцировавших жизненные трудности.

Считаем, что проявление гипоопеки повлечет отрешение ребенка от родителей, замыкание на собственных проблемах и невозможность поиска необходимого ответа на возникающие жизненные вопросы, что впоследствии приводит к агрессивным проявлениям, в том числе в виде вооруженных нападений в образовательных организациях.

Список источников

1. Сугаипова А. А. Б. Гипоопека в современной семье // Наука 2.0: от идеи к результату : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Сочи, 2017.

Р. К. Медведев

(Омская академия МВД России)

Малозначительность деяний, связанных с распространением экстремистской информации в сети Интернет: проблемы правоприменительной практики

В современной правоприменительной практике Российской Федерации одной из наиболее сложных проблем является корректная квалификация противоправных деяний экстремистской направленности, особенно при выявлении в деянии признаков малозначительности. Принципиальная сложность заключается в отсутствии универсального подхода к оценке общественной опасности таких деяний.

Научная дискуссия относительно понятия степени общественной опасности демонстрирует диаметрально противоположные позиции исследователей. Так, И. А. Солодков считает, что степень общественной

* Согласно решению Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 г. № АКПИ21-1059С международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») признано террористической организацией и его деятельность запрещена на территории России.

опасности — это «обусловленная характером общественной опасности, а также обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, иными обстоятельствами, характеризующими личность виновного, злонамеренность лица, выражающая уровень потенциальной возможности совершения им нового посягательства на объекты, поставленные под охрану уголовным законом» [1, с. 9]. О. А. Михаль предлагает более радикальный подход — введение новой правовой категории «общественной вредности» для более точной квалификации деяний [2, с. 21].

Особую сложность вызывает оценка преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Существующая судебная практика демонстрирует высокую степень субъективизма в принятии решений о малозначительности таких деяний.

К. А. Редозубов справедливо выделяет следующие случаи, при которых деяния нельзя признавать малозначительными: «во-первых, если распространение экстремистской информации повлекло существенный «отклик» со стороны пользователей, выразившийся в копировании и последующей рассылке данной информации третьими лицами. Во-вторых, если деяние сопровождалось действиями, направленными на увеличение реальной аудитории реципиентов размещенной информации (неоднократная пересылка, параллельное вовлечение лиц в деятельность экстремистской организации и т. п.)» [3, с. 103].

Анализируя судебную практику и научные исследования, можно выделить два ключевых критерия, согласно которым распространение экстремистской информации может быть признано малозначительным. Первым критерием является отсутствие активных действий по расширению аудитории распространения экстремистского контента. В случаях, когда размещение информации носит единичный характер, без целенаправленных действий по ее продвижению, многократному «репосту» или вовлечению дополнительной аудитории, такое деяние может рассматриваться как малозначительное. При этом принципиально важно учитывать не только количественные показатели охвата аудитории, но и отсутствие намерения субъекта активно распространять экстремистский контент.

Вторым критерием может служить контекстуальный характер размещения экстремистской информации, когда материал публикуется не с целью пропаганды экстремистских идей, а в научных, исследовательских, образовательных или информационно-аналитических целях. В таком случае определяющим фактором становится не содержание распространяемой информации как таковой, а цель и контекст ее использования,

сопровождение критическими комментариями, отсутствие одобрения или поддержки идей, содержащихся в материале.

Важно подчеркнуть, что применение критериев малозначительности не должно создавать правовых лазеек для систематического распространения экстремистского контента под видом «малозначительных» действий. Любое ющее общественному порядку или нрав деяние, направленное на нарушение конституционных прав и свобод, угрожа ственности, даже при минимальном охвате аудитории должно получать соответствующую правовую оценку.

Таким образом, проблема определения малозначительности преступлений экстремистской направленности требует комплексного междисциплинарного подхода. Выделенные критерии (отсутствие активных действий по расширению аудитории и контекстуальный характер размещения экстремистской информации) могут служить базовыми ориентирами при совершенствовании правоприменительной практики и развитии научно-методического инструментария для объективной и всесторонней оценки экстремистских деяний.

Список источников

1. Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
2. Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4.
3. Редозубов К. А. Характер и степень общественной опасности преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения) : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2024.

К. А. Муртазина

(Омская академия МВД России)

Применение гипноза при совершении мошенничества

Мошеннические действия, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, они же — телефонные мошенничества, прочно обосновались в структуре преступлений против соб-

ственности. В течение последних трех лет зафиксировано существенное увеличение числа мошенничеств, совершенных посредством использования мобильной связи и различных мессенджеров. Так, из 552 065 киберпреступлений, зарегистрированных в 2022 г., 249 984 квалифицировано по ст. 159 УК РФ (45%) и 212 963 с использованием телефонной коммуникации (38%) [1]. В 2023 г. общий показатель возрос до 676 951 преступления, из них 302 865 хищений денежных средств граждан, 353 201 преступление содеяны с помощью мобильной связи [2]. В 2024 г. поставлено на учет свыше 765 300 преступлений в сфере информационных технологий, мошенничества составляют 45% или 346 035 преступлений, 379 762 телефонных мошенничества [3].

Несмотря на активную превентивную работу, проводимую правоохранительными органами, финансово-кредитными учреждениями, операторами мобильной связи, число пострадавших от телефонных аферистов только растет. Граждане хоть и располагают информацией о способах и схемах совершения таких преступлений, но, подвергаясь внушению виртуальных манипуляторов, переводят им личные накопления, оформляют кредиты.

С одной стороны, в подобных случаях действия злоумышленников подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ, как хищение чужого имущества, совершенное путем обмана. С. В. Векленко и С. А. Петров предлагают такое определение данного способа: «Обман — это действие, направленное на заведомое введение в заблуждение путем искажения истины, то есть правильного отражения действительности в сознании человека» [4].

С другой стороны, потерпевшие, как правило, знают о телефонных мошенниках, среди знакомых наверняка имеются люди, пострадавшие от их действий. Преступники же с каждым годом все больше совершенствуют свои навыки и умения криминального характера, применяя в своих сомнительных схемах научные знания. Так, в целях хищения денежных средств граждан активно используется гипноз как средство внушения, поскольку часто потерпевшие отмечают тот факт, что они не осознавали, что делали. Кроме того, при общении с мошенниками люди совершали действия, не поддающиеся здравой логике. Например, поездка в другой город с целью проведения операций по переводу денежных средств посредством банкомата, указанного преступниками.

Рассматривая сам факт применения гипноза без согласия, можно сделать вывод о том, что это акт насилия над психикой человека. В таком случае считаем целесообразным рассмотреть вопрос о возможности квалификации действий злоумышленников как вымогательство, в связи

с тем, что обман они совершают уже после того, как гражданин оказался под воздействием гипнотизера.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» говорится о насилии как о способе совершения преступления, а также отграничении от таких составов, как грабеж и разбой, а законодатель под насилием понимает его физическую форму [5]. Мы будем насилие рассматривать в психологическом аспекте, как осознанное целенаправленное воздействие преступника на сознание потерпевшего с целью дестабилизации последнего в объективной реальности и получения материальной выгоды, например, в виде денежных средств. Злоумышленники, используя навыки воздействия на сознание выбранной жертвы, облегчают сам процесс неправомерного завладения материальными средствами, поскольку действиями загипнотизированного легче управлять, ему гораздо проще внушить необходимость поведения по плану преступников.

Применение гипноза, как способа совершения уголовно наказуемых деяний, исследуется не один десяток лет специалистами в области психологии и в правовой науке. Например, А. Д. Семенова в своем исследовании делает вывод о том, что «под гипнозом в уголовном праве следует понимать измененное состояние сознания, которое возникло в результате целенаправленного воздействия на психику лица и использовалось в качестве способа совершения преступления» [6].

В уголовном законодательстве Российской Федерации гипноз не регламентирован. В то же время он несет повышенную опасность в связи с непредсказуемостью действий находящегося под внушением, а также лиц, оказывающих такое воздействие. Кроме того, считаем, что изучение преступниками методик применения гипноза можно рассматривать как приготовление к совершению преступления, в нашем случае — к мошенничеству. Применительно к поставленной проблематике использования психологического воздействия (гипноза) при совершении мошеннических действий считаем возможным рассмотрение вопроса о внесении следующих изменений в диспозицию ст. 159 УК РФ: мошенничество с использованием психологического насилия в виде гипнотического воздействия.

Список источников

1. *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года.* URL: https://svps.mvd.ru/documents/20121/0/Sb_22_12 (дата обращения: 28.03.2025).

2. *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года.* URL: <https://svps.mvd.ru/documents/20121/0> (дата обращения: 28.03.2025).

3. *Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года.* URL: <https://svps.mvd.ru/documents/20121/0> (дата обращения: 28.03.2025).

4. *Векленко С. В., Петров С. А. Внушение при гипнозе как средство мошеннического обмана.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnushenie-pri-gipnoze-kak-sredstvo-moshennicheskogo-obmana> (дата обращения: 28.03.2025).

5. *О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Семенова А. Д. Гипноз как вид психологического принуждения в уголовном праве.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoz-kak-vid-psihicheskogo-prinuzhdeniya-v-ugolovnom-prave/viewer> (дата обращения: 30.03.2025).

М. А. Мялицына

(Омская академия МВД России)

Объект принуждения к даче показаний

В современной правовой системе Российской Федерации особое значение приобретает защита прав личности, в частности, в сфере уголовного правосудия. Защита человека от принуждения к даче показаний является важным элементом в механизме защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, поскольку совершение данного преступления способствует не только получению недопустимых доказательств, причинению физических и нравственных страданий лицу, но и приводит к принятию незаконных решений. Однако в правоприменительной практике наблюдается ограничительное толкование объекта ст. 302 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Суды и следственные органы часто не учитывают противоправные действия, совершенные до возбуждения уголовного дела, что обусловлено отсутствием комплексного анализа объекта рассматриваемого состава преступления.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, «содержанием такого элемента, как объект преступления, выступают общественные отношения, включающие в себя предмет посягательства.

Признаками его содержания являются охраняемость общественных отношений уголовным законом и их типичный характер для данного этапа развития общества» [1, с. 54]. Следовательно, под общим объектом для всех норм, предусмотренных гл. 32 УК РФ, будем понимать общественные отношения, складывающиеся в сфере отправления уголовного правосудия [2].

Отметим, что правосудие в юридической литературе понимается в узком и широком в смысле. Узкое понимание правосудия основано на ст. 118 Конституции Российской Федерации, где сказано, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Безусловно, такой подход имеет место, однако, он не является актуальным для всех типов судопроизводства, указанных в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации.

Отметим, что отличительной чертой уголовного судопроизводства является его стадийность. По мнению В. В. Кальницкого, «Признаками, характеризующими стадию, выступают: определенное место в системе стадий (как правило, можно выделить предшествующую и последующую стадии); участники стадии — государственные органы, движущие производство по делу, и иные должностные и частные лица; непосредственные задачи, разрешение которых позволяет производству по делу перейти к следующему этапу; средства, соответствующие уровню задач (чем масштабнее задачи, тем шире спектр средств их достижения); четко выделяемые моменты начала и окончания; сроки, в течение которых разрешаются задачи; порядок деятельности; итоговые решения» [3, с. 35]. Итоговые решения могут носить разный характер: завершающими стадию уголовного процесса или производства по уголовному делу в целом. В связи с этим правосудие, т. е. принятие итогового решения по уголовному делу, фактически входит в полномочия органов государства (органов предварительного расследования и органов дознания), поскольку они имеют право на принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела или его прекращении.

С другой стороны, итоговым, разрешающим возникший социальный конфликт является приговор суда, однако его вынесение невозможно без данных, которые были получены на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Поэтому при рассмотрении ст. 302 УК РФ уголовное правосудие следует толковать в широком смысле, как деятельность суда, так и деятельность соответствующих компетентных органов государства (следствия, дознания, прокуратуры), их должностных лиц и иных лиц

(защитника, лица, участвующего в гражданском деле, или его представителя, эксперта, свидетеля), создающих условия для осуществления правосудия [4, с. 21].

Несмотря на то что уголовное правосудие в данной норме понимается в широком смысле, ст. 302 УК РФ применяется достаточно ограничено. Так, например, во внимание не берется деятельность правоохранительных органов до возбуждения уголовного дела, в частности, на стадии проверки сообщения о преступлении.

Представляется, что такой подход выработан в связи со спорностью вопроса об отнесении стадии проверки сообщения о преступлении к деятельности, создающей условия для отправления правосудия. На наш взгляд, данный этап расследования, как и стадия предварительного расследования, создает условия для вынесения правосудного приговора. В пользу данной позиции говорит тот факт, что в ходе проверки сообщения о преступлении формируются доказательства, которые закладываются в основу приговора, выносимого судом.

Таким образом, под объектом преступления в ст. 302 УК РФ следует понимать общественные отношения в сфере уголовного правосудия, включая деятельность суда, органов предварительного расследования, дознания, а также иных лиц, участвующих в уголовном процессе. Этот подход основан на широком понимании правосудия, которое охватывает не только судебную деятельность, но и все стадии уголовного судопроизводства, включая проверку сообщений о преступлениях. Такое толкование позволяет учесть все этапы, которые создают условия для вынесения правосудного приговора, и обеспечивает более полную защиту общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Список источников

1. *Марцев А. И.* Общие вопросы учения о преступлении : монография. Омск, 2000.
2. *Дорошков В. В.* Уголовное правосудие в условиях метамодерна и умеренного консерватизма : монография. М., 2023.
3. *Кальницкий В. В.* Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4(67).
4. *Кудрявцев В. Л.* Принуждение к даче показаний (состав преступления) как обстоятельство, исключающее допустимость доказательства (вопросы теории и практики) : монография. СПб., 2018.

Т. А. Симонова

(Омская академия МВД России)

Меры предупреждения коррупции в органах внутренних дел

Все страны мира и государства, независимо от уровня экономического развития, сталкиваются с коррупцией как общественным явлением, которая различается лишь в масштабах. В соответствии с ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция представляет собой злоупотребление должностным положением, передачу и получение взяток, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп или незаконное использование должностного положения физическим лицом в ущерб законным интересам общества и государства с целью личной выгоды в форме денег, ценностей, имущества или услуг, как для себя, так и для других лиц, а также незаконное предоставление такой выгоды от имени или в пользу юридического лица [1]. Приоритетным направлением государственной политики является противодействие коррупции во всех сферах общественной жизни, на это указывает и сформированная система нормативно-правовых актов. Нарушения законов и злоупотребление должностным положением сотрудников правоохранительных органов коренятся в общественной среде, что представляет собой серьезную социальную проблему. Преступления коррупционного характера, совершаемые сотрудниками ОВД, есть общественное явление, вызванное злоупотреблением своим служебным положением с целью личного обогащения за счет нарушения интересов службы и материальных выгод. Борьба с коррупцией в органах внутренних дел играет важную роль, так как коррупция влечет за собой множество проблем в сфере защиты прав и свобод граждан, противодействия преступности, поддержания общественного порядка и безопасности, а также ухудшает репутацию службы в органах внутренних дел и мешает исполнению государственных обязанностей [2, с. 5].

Распространение на сотрудников органов внутренних дел и членов их семей действия таких нормативных актов и норм закона, как ст. 8 ФЗ «О противодействии коррупции», которая также является основой Указа Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 559 «О предоставлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» [3], в том числе приказа МВД России от 14 декабря 2016 г.

№ 838 «О порядке представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы в системе МВД России, и сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими системы МВД России» [4], которые являются основным инструментом правового регулирования и мер профилактики преступлений коррупционной направленности.

Для предотвращения коррупционных преступлений среди сотрудников органов внутренних дел применяются меры по контролю их доходов и имущества. Это осуществляется через предоставление декларации. Усиление ответственности сотрудников ОВД способствует борьбе с преступлениями и искоренению коррупции среди них [5, с. 417]. Формирование в обществе нетерпимости к коррупции через средства массовой информации — важный компонент борьбы. Установление постоянного взаимодействия между правоохранительными органами и гражданами, а также общественными организациями, направлено на предотвращение коррупционных преступлений и играет ключевую роль в системе мероприятий по борьбе с ними [6, с. 41].

Формирование личности сотрудника правоохранительных органов является ключевым аспектом в работе по предотвращению правонарушений. Важно учитывать возраст, образование, сферу деятельности, опыт работы, должность и звание каждого сотрудника правоохранительных органов. Также необходимо этому аспекту уделять особое внимание во время образовательного процесса в высшем учебном заведении.

Еще в процессе обучения надлежит усиливать у молодых сотрудников правоохранительных органов в сознании то, что коррупция — это недопустимое и аморальное явление, а также формировать негативное отношение к коррупционным преступлениям.

Для эффективности предупреждения коррупции среди сотрудников следует в каждом подразделении в ОВД находить так называемые критические точки повышенного риска возникновения коррупционных преступлений и проводить анализ по ряду прогностических параметров. Таким образом, в борьбе с коррупцией в структурах органов внутренних дел предпринимаются разнообразные шаги, направленные на предотвращение и прекращение коррупционных проявлений, а также на ликвидацию факторов и условий, способствующих корруп-

ции в данной области. Совокупность этих мер включает политические, организационные, информационно-пропагандистские, социально-экономические и правовые действия.

Список источников

1. *О противодействии коррупции* : федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. *Маханек А. Б., Григорьев А. Н., Королева Ю. А.* Правовые, организационные и этические основы организации и тактики проведения проверок соблюдения установленных в целях противодействия коррупции ограничений и запретов : науч.-практ. пособие. Калининград, 2015.

3. *О представлении* гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера (вместе с «Положением о представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера») : указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 559 (ред. от 26.06.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *О порядке* представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы в системе МВД России, и сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими системы МВД России : приказ МВД России от 14 декабря 2016 г. № 838 (ред. от 11.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Хараев А. А., Маслиенко М. А.* К вопросу о предупреждении коррупции в ОВД // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9(172).

6. *Иицук Я. Г., Руденко А. С., Чистотина О. Н.* Противодействие коррупции в органах внутренних дел : учеб. пособие. Рязань, 2017.

Э. В. Сон

(Омская академия МВД России)

Нападение как конструктивный признак объективной стороны разбоя

Разбойное нападение является самой опасной формой хищения, ответственность за которое предусмотрена ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации. Законодатель определяет разбой как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. В научных кругах и в судебно-следственной практике по сей день не утихают дискуссии относительно понимания сущности нападения в составе разбойного нападения. В связи с этим нами проведено исследование дефиниции нападения как конструктивного признака объективной стороны рассматриваемого состава преступления.

Термин «нападение» в этимологическом смысле происходит от слова «напасть», означает «броситься на кого-нибудь, что-нибудь с враждебным намерением, а также вообще начать действовать против кого-нибудь с враждебной целью» [1, с. 342].

Анализ доктринальных положений, относительно рассматриваемой проблемы позволил установить обязательные признаки нападения, выделяемые криминалистами [2, с. 448]. К ним относят умышленность, внезапность, агрессивность и активность действий, применение насилия. Не все из указанных признаков видятся нам обязательными. Например, внезапности может и не быть в случае, когда противоправные действия виновного являются ожидаемыми для потерпевшего, при перерастании грабежа в разбой. Отсутствует и агрессивность в действиях при разбойном нападении с использованием сильнодействующих ядовитых или одурманивающих веществ, когда данные вещества вводятся путем обмана потерпевшего или злоупотребления его доверием [3]. Другим примером может служить выстрел в потерпевшего из засады.

Выделяемый специалистами обязательный признак нападения, применение насилия, также видится нам спорным, что обусловлено законодательным определением разбоя. Анализ законодательной дефиниции разбоя позволяет сделать вывод, что данный состав преступления включает два отдельных признака объективной стороны преступления — нападение и применение насилия, опасного для жизни или здоровья, или угроза применения такого насилия. Таким образом,

применение насилия в разбое выступает самостоятельным признаком объективной стороны, а не элементом нападения. Аналогично складывается и судебно-следственная практика. Так, описывая события преступления, суд указывает, что Б. напал на потерпевшего и, с целью подавления воли к сопротивлению, осуществил угрозу применения насилия, опасного для жизни, приставив нож к его шее [4].

Взаимосвязь насилия и нападения, по нашему мнению, заключается в том, что нападение создает конкретные условия для реализации насилия или его угрозы в целях хищения, а насилие выступает средством хищения. В связи с этим мы не можем согласиться с дефиницией нападения, предложенной Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», в соответствии с которым насилие отождествляется с нападением.

Представляется, что в уголовном законе не случайно обозначены два самостоятельных объективных признака разбоя — нападение и насилие. По замыслу законодателя, состав разбойного нападения сконструирован по типу усеченного, т. е. считается оконченным с момента нападения. В этой связи установлена правовая возможность пресечения преступления в тот момент, когда виновным создана объективная угроза применения насилия, при этом насилие еще не реализовано.

На основании изложенного мы предлагаем понимать под нападением в разбое умышленные активные действия, направленные на создание объективной угрозы немедленного причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего или иным лицам, с целью достижения виновным преступного результата.

Считаем, что предложенная дефиниция исключит разноречия в понимании сущности нападения в разбое, что приведет к более точной квалификации разбойных деяний и повышению эффективности противодействия данным преступным посягательствам.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
2. Курс уголовного права : Особенная часть: учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3.
3. Апелляционное определение Московского городского суда по делу от 23 июля 2020 г. № 10-12108/20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Приговор Октябрьского районного суда г. Томска Томской области по делу от 27 июня 2019 г. № 1-36/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8DmT2wCZztoj/> (дата обращения: 20.03.2025).

М. С. Титеев

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Уголовно-правовая оценка подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Интеграция информационных и коммуникационных технологий способствует оптимизации процессов в разных сферах современного общества. Вместе с тем использование компьютерных средств и систем служит появлению новых форм преступных посягательств, объектами которых являются не только информация, денежные средства, но и собственность.

Думается, что основная часть преступлений в области компьютерной информации осуществляется из корыстных мотивов, с намерением получить выгоду. Исходя из степени интенсивности подобных деяний, уголовным законом в качестве квалифицирующего признака «использование информационно-телекоммуникационных сетей» упоминается в 22 статьях УК РФ (п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222¹, п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 5 ст. 222², ч. 1.1 и п. «б» ч. 2 ст. 258¹, п. «в» ч. 2 и ч. 4 ст. 354¹ УК РФ и др.) [1, с. 495].

Законодатель необоснованно не обратил внимания на отсутствие выделенного признака в группе преступлений, относящихся к категории против порядка управления, в частности, применительно к подделке или уничтожению идентификационного номера транспортного средства.

Определенный интерес представляет вопрос выявления первоначального маркировочного обозначения транспортного средства в системе электрооборудования. Подделка или уничтожение идентификационной маркировки в электронном блоке управления (далее — ЭБУ) как в отдельном элементе транспортного средства, наряду с кузовом, шасси, двигателем на сегодняшний день не находится под уголовно-правовым запретом, вместе с тем указанный компонент является основным источ-

ником в определении заводского идентификационного номера. Учитывая роль данного носителя как держателя сведений об идентификационном номере, преступниками осуществляется подделка или уничтожение показаний штатного ЭБУ, установленного на щитке приборов транспортного средства такими характерными способами, как:

- демонтаж упругого резинового элемента с графитовым контактом круглой формы;

- вывод из строя диагностической системы путем нарушения целостности токопроводящих элементов цепи включения диагностической системы на поверхности основной платы щитка приборов (демонтаж или разрушение отдельных фрагментов схемы);

- замена устройства на устройство другого производства (зачастую отечественного) или перепрограммирование его [2, с. 264].

На сегодняшний день выпускаемые в обращение средства передвижения практически полностью компьютеризованы. По этой причине крайне затруднительно происходит процесс установления первоначального маркировочного обозначения в ЭБУ. Во многом это обусловлено перепрограммированием (внесением вторичного идентификационного номера транспортного средства) микросхемы ЭБУ с помощью портативных устройств.

Чип EEPROM (Electrically Erasable Program Read Only Memory — электрически стираемое перепрограммируемое программно-запоминающее устройство) в электрооборудовании транспортных средств содержит идентификационный номер транспортного средства, может быть перепрограммирован в течение нескольких минут без каких-либо конструктивных замен [3, с. 301–305]. Это все делается при наличии цифровых кодов доступа и электронного ввода данных через использование компьютерного оборудования и дополнительных устройств, а также специально разработанного для этих целей программного обеспечения. После подключения к бортовой системе транспортного средства происходит изменение идентификационного номера без механических вмешательств и вскрытия конструкции ЭБУ. Соответственно, без специальных технических средств установить факт подделки или уничтожения идентификационного номера практически невозможно. Убеждены, что данная ситуация напрямую влияет на регулирование механизмов государственной регистрации и совершение более тяжких преступных деяний, в частности, хищение транспортных средств.

Резюмируя изложенное, считаем, что данный способ совершения подделки или уничтожения идентификационного номера транс-

портного средства существенным образом оказывает воздействие на увеличение степени общественной опасности, однако если обратить внимание на редакцию ст. 326 УК РФ, мы не увидим такого квалифицирующего признака, как «использование информационно-телекоммуникационных сетей». Считаем целесообразным предложить законодателю закрепить уголовную ответственность за вышеуказанные действия в ст. 326 УК РФ «Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства», дополнив ч. 3: «С использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».

По нашему мнению, указанный квалифицирующий признак будет способствовать снижению уровня совершенных преступлений, предусмотренных ст. 326 УК РФ.

Список источников

1. *Старичков М. В.* Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак преступления // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 5-1.
2. *Нагайцев А. А.* Исследование маркировочных обозначений легковых автомобилей зарубежного производства : учеб. пособие. М., 1999.
3. *Узрюмов Е. П.* Цифровая схемотехника : учеб. пособие для вузов. СПб., 2010.

И. Н. Тихонов

(Омская академия МВД России)

Задержание преступника как субъективное право граждан

Поведение человека в обществе обусловлено различными факторами, как внешними, так и внутренними, но при этом отсутствуют четкие закономерности, согласно которым мы могли бы сделать вывод о принятом решении в той или иной ситуации. В большинстве случаев поступки индивида согласуются с общественными потребностями. Однако под воздействием конкретных факторов человек может совершить действие, на которое бы не решился в других обстоятельствах, например, противоправное деяние под давлением физического или психологического принуждения. В подобных случаях ответственность субъекта за причиненный ущерб снимается.

Если человеку предоставляется возможность выбора, то его решение должно соответствовать общественным интересам. Поскольку индивид обладает способностью самостоятельно определять модель поведения, он несет ответственность за свои действия, которые иногда могут противоречить общественным интересам.

Когда человек совершает противоправное деяние, он пересекает установленные границы дозволенного: нарушая юридические запреты или требования, он становится участником уголовно-правовых отношений, что наделяет государство полномочиями привлечь виновного к ответственности. Осуществляя преступное деяние, лицо обязано осознавать, что его поступки посягают на права других граждан, что, в свою очередь, может привести к ограничению его собственных прав и свобод. Таким образом, личная свобода не только не исключает возможность задержания лиц, совершивших преступления, но и, в определенных ситуациях, предполагает наличие такого права у государства.

Законом предусмотрено дозволительное поведение человека, который при наличии определенных обстоятельств может защитить права других граждан и собственные интересы общества и государства, при этом исключается уголовная ответственность за совершенное деяние. Как отмечает Т. В. Яковлева, гражданско-правовые обязанности активного типа побуждают к совершению общественно полезных действий [1, с. 152]. Стоит подчеркнуть, что правомерные действия граждан по задержанию лица, совершившего преступление, не обязывают к данному поведению и, тем более, не запрещают его. В таком случае развитие события зависит от воли и сознания субъекта (того, кто может осуществить задержание). Закон не предусматривает ответственности за несовершение задержания гражданином лица, совершившего преступление. Следовательно, правовая природа указанных действий состоит в том, что их правомерность основывается на использовании субъективного права гражданина, осуществляемого на основе и в пределах права объективного [2, с. 49]. Однако то, что для обычных граждан является дозволительным и правомочным, для некоторых специальных субъектов будет являться обязанностью. Так, например, сотрудники полиции, руководствуясь Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», обязаны отреагировать на противоправные действия и предпринять меры по задержанию лица, совершившего преступление. Как писал Ю. К. Толстой, юридическая обязанность — это вторая существенная часть правоотношений, представляющая со-

бой предписанную обязанному лицу меру необходимого поведения, которой лицо должно следовать в соответствии с требованиями управомоченного в целях удовлетворения его интересов [3, с. 52]. При этом юридическая природа причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, остается неизменной, вне зависимости от того, кто осуществляет такое задержание. Как уже отмечалось, данное действие является общественно полезным, что объединяет его с такими обстоятельствами, исключающими преступность деяния, как крайняя необходимость, необходимая оборона, обоснованный риск.

Таким образом, в основе правомерности действий в указанных условиях лежит критерий необходимости, достаточности и соразмерности: причинение вреда допускается лишь при необходимости и отсутствии альтернативных мер, при помощи которых можно достичь общественно полезного результата. Достичь положительного результата без причинения вреда в указанных случаях затруднительно, что говорит о вынужденном характере действий. При этом причинение вреда в указанных обстоятельствах законодатель умышленно ограничил, чтобы исключить необоснованный, чрезмерный вред, причиняемый задерживаемому лицу для достижения желаемой цели.

Список источников

1. Яковлева Т. В. Субъективное право и юридическая обязанность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4.
2. Глушкова Е. М. Правовая природа причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Мир современной науки. 2016. № 5.
3. Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Л., 1959.

А. Г. Тункина

(Омская академия МВД России)

Предупреждение домашнего насилия в Республике Беларусь

Согласно сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь число лиц, подвергшихся домашнему насилию, в 2020 г. составило 2055 человек, из них женщин — 1603, в 2021 г. — 2403 человека (1892 женщины), в 2022 г. — 2384 человека (1921 женщина),

в 2023 г. — 2102 человека, (1739 женщин) [1]. Из приведенных сведений можно сделать вывод о стабильно высоком уровне данного вида преступлений на территории страны, что говорит об актуальности вопроса предупреждения домашнего насилия и необходимости его всестороннего рассмотрения на всех уровнях государственной власти.

В вопросе предупреждения домашнего насилия в Республике Беларусь заслуживают внимания положения Закона Республики Беларусь № 122-З от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [2].

1. Правовое закрепление таких понятий, как «насилие в семье» и «члены семьи», ограничивает эти виды противоправных деяний от иных.

2. Выделение в особую подгруппу региональных профилактических мероприятий по предупреждению насилия в семье с возложением на местные органы власти обязанности по подготовке специалистов в указанной сфере, создание государственных организаций по предоставлению услуг временного приюта пострадавшим.

3. Указание на возможность проведения профилактической беседы с лицом, не привлекавшимся к ответственности за совершение противоправного деяния, но демонстрирующим готовность преступить закон.

4. Право вынесения гражданину официального предупреждения до совершения им преступления или административного правонарушения.

5. Закрепление защитного предписания как меры индивидуальной профилактики, обеспечивающей изоляцию агрессора от жертвы. Особенность его применения в том, что это возможно только в отношении лица, которому вынесено официальное предупреждение, и после привлечения его к административной ответственности. Положительно, что законодатель предусмотрел возможность отсутствия у агрессора жилого помещения для изоляции его от пострадавших, возложив обязанность его предоставления на местные органы власти, а в качестве дополнительной меры — административную ответственность за нарушение защитного предписания.

Таким образом, в качестве преимущества в законодательстве Республики Беларусь можно отметить обособленность профилактических мероприятий по проблеме домашнего насилия от других. Последовательную работу правоприменителя от первоначальной профилактической беседы с агрессором, через вынесение ему официального

предупреждения, до защитного предписания и привлечения его к административной ответственности. При этом виновному лицу для привлечения к административной ответственности по ч. 2 ст. 10.1 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь достаточно причинить близкому родственнику минимальные страдания и боль, не повлекшие причинения телесных повреждений [3], или нарушить защитное предписание, что позволяет начать профилактические мероприятия на ранней стадии. В сравнении с этим, в законодательстве Российской Федерации для привлечения к административной ответственности по ст. 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации виновному лицу необходимо нанести побои либо совершить иные насильственные действия, причинившие физическую боль, не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации. О психических страданиях российский законодатель не упоминает. Не имеется в арсенале российского законодательства предупредительных мер от насилия в семье и такой меры, как защитное предписание.

Несмотря на то что в законодательстве Республики Беларусь вопросу домашнего насилия уделено особое внимание и видны принимаемые меры по его урегулированию, при анализе этих мер просматривается их незавершенность. Так, в законодательстве страны не прописана ответственность за совершение насильственных преступлений лицом, подвергнутым административному наказанию. С положительной стороны этот вопрос урегулирован в уголовном законодательстве Российской Федерации наличием ответственности за нанесение телесных повреждений лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 116¹ УК РФ).

Таким образом, несмотря на схожие подходы к предупреждению домашнего насилия в Российской Федерации и Республике Беларусь, преимуществом законодательства последней в этом вопросе является раннее начало профилактической работы с потенциальным агрессором, а также возможность его изоляции от жертвы с использованием защитного предписания, а преимуществом норм права Российской Федерации — наличие в уголовном законодательстве указанного состава преступления с административной и уголовной преюдицией.

При внедрении указанных выше положительных моментов в законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь можно достигнуть развития в вопросе предупреждения домашнего насилия.

Список источников

1. *Гендерная статистика*. URL: [https://gender.belstat.gov.by/violence/191?type=columnChart®=\(T/F/M\):\(PV\)](https://gender.belstat.gov.by/violence/191?type=columnChart®=(T/F/M):(PV)) (дата обращения: 20.03.2025).
2. *Об основах деятельности по профилактике правонарушений : закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3*. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11400122_1389733200 (дата обращения: 20.03.2025).
3. *Об административных правонарушениях : кодекс Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2025)*. URL: <https://pravo.by/document/?guid> (дата обращения: 20.03.2025).

РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС.
КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. С. Агеев

(Омская академия МВД России)

Решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей

В условиях современной России одним из приоритетных направлений является развитие отечественного бизнеса. Это невозможно без поддержки государства, которое должно создать комфортные и экономически выгодные условия для предпринимателей, предоставить им гарантии защиты от излишнего давления со стороны правоохранительных органов.

Очередным импульсом для активной позиции законодателя в этом направлении стала речь Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. Он обратил внимание на необходимость пересмотра основания для заключения под стражу в отношении предпринимателей. Не секрет, отметил Президент, что очень часто эти нормы применяются там, где нет объективной необходимости [1]. Поставлена задача о создании законодательных гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования [2].

Заданный государством вектор привел к изменениям законодательства, свидетельствующим о постепенной либерализации системы мер пресечения в отношении различных категорий граждан, особенно в отношении предпринимателей.

В настоящее время применение меры пресечения в виде заключения под стражу возможно только за совершение тяжких и особо тяж-

ких преступлений, преступлений средней тяжести насильственного характера, а также в иных случаях, указанных в законе. При этом определены категории граждан, которые могут быть заключены под стражу за совершение преступлений средней тяжести насильственного характера только в исключительных случаях, к ним относятся несовершеннолетние, беременные женщины, единственные опекуны или усыновители и т. д.

Изменениям подверглась и ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, устанавливающая возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей за совершение ряда экономических преступлений, если они совершены в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, только при наличии определенных условий [3]. Из данной нормы исключено более 30 преступлений, за совершение которых в отношении предпринимателей ранее допускалось избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что при отсутствии оснований, указанных в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, для принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателя следователю необходимо приобщить конкретные сведения, подтверждающие вывод о том, что инкриминируемое преступление совершено не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности [4]. В последующем данная позиция суда нашла свое отражение в ч. 3¹ ст. 108 УПК РФ.

Указанные изменения в законодательстве фактически привели к формированию особого порядка избрания мер пресечения в отношении привилегированной группы граждан, по признаку их принадлежности к определенной сфере профессиональной деятельности.

В правоприменительной деятельности остается актуальным вопрос о том, распространяет ли ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ свое действие на лиц, официально не зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя, либо руководителя коммерческой организации, но фактически осуществляющих предпринимательскую деятельность. Однозначно ответить на данный вопрос не представляется возможным, поскольку одно из преступлений, за которые запрещается заключать под стражу предпринимателей без наличия дополнительных условий — это незаконная предпринимательская деятельность (ст. 171 УК РФ), другое — хранение алкогольной продукции в крупном размере, без соответствующей лицензии (ст. 171.3 УК РФ) и т. д. Дис-

позиции указанных статей исключают саму возможность совершения их, будучи легитимным участником рынка в той сфере, на которую направлено посягательство.

Иным, не менее актуальным, вопросом остается возможность избрания меры пресечения в отношении лица, совершившего преступление, являющегося руководителем коммерческой организации, в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, который на момент рассмотрения судом ходатайства утратил свой статус и не занимается бизнесом. С одной стороны, указанное лицо полностью подпадает под описание анализируемой нормы, с другой же, по изначальному замыслу государства, запрет на заключение под стражу должен распространяться исключительно на действующих предпринимателей, для предоставления им возможности деятельности, что благоприятно влияет на экономическое состояние страны. Исходя из данной логики, следователями принимаются решения о заключении под стражу бывших предпринимателей, которые суды удовлетворяют без наличия оснований, указанных в ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ, невзирая на совершение ими преступлений, сопряженных с предпринимательской деятельностью и имеющих соответствующий статус.

Разрешение указанных проблем видится нам в законодательном закреплении критериев, на основании которых преступления можно отнести к категории совершенных в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, что, в конечном итоге, позволит выработать единообразную правоприменительную и судебную практику.

Список источников

1. *Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 13 ноября 2009 г.* URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31381> (дата обращения: 18.03.2025).

2. *Стенограмма речи Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского экономического форума от 17 июня 2022 г.* Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Стенограмма речи Президента Российской Федерации В. В. Путина на совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации, посвященном подведению итогов работы российской судебной системы в 2022 году и приоритетным задачам на 2023 год от 14 февраля 2023 г.* URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70510> (дата обращения: 18.03.2025).

4. О внесении изменений в Часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ.

7. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

И. В. Волкова

(Омская академия МВД России)

Субъекты и объекты критической информационной инфраструктуры в сфере здравоохранения

Общероссийский классификатор видов экономической деятельности в сфере здравоохранения объединяет большое количество организаций. Главным является вопрос о наличии критических процессов в их деятельности, а также об информационных системах (далее — ИС) и автоматизированных системах управления (далее — АСУ), обрабатывающих информацию. Поэтому важно выделять как субъекты, так и объекты критической информационной инфраструктуры.

За последние годы в жизнь современного человека включены технологии информации. Внедрение в любом направлении жизнедеятельности средств информации и техники предполагает определенную вероятность возникновения событий, связанных с неправомерным доступом посторонних лиц к любой сфере жизни человека. Это затрагивает и здравоохранение. Современные медучреждения становятся частью критической инфраструктуры, имеющей важное значение во взаимосвязях людей и государства, безопасность которых имеет особую роль, так как при преступных посягательствах на данные, содержащиеся в базах данных сферы здравоохранения, нанося ущерб благополучию населения.

М. Ю. Безус и В. Ю. Горелик утверждают: «Сегодня от электронных машин зависит жизнь либо судьба человека» [1, с. 14–38]. Критическая

информационная инфраструктура (далее — КИИ) включает непосредственные явления и предметы и, кроме того, сети обмена электронными сигналами, используемые с целью упорядочения взаимной работы этих объектов.

Сфера медицины включает следующие субъекты КИИ, отраженные в Федеральном законе № 187-ФЗ от 26 июля 2017 г. «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: органы и учреждения государства, граждан, оформивших на свое имя российское юридическое лицо, имеющих во владении или пользовании, например посредством аренды, системы информации, сети передачи такой информации и системы управления ими в отрасли здравоохранения [2]. Отрасль здравоохранения насчитывает огромное количество различных учреждений, имеющих главенствующий вид экономической деятельности в области здравоохранения [3].

Для установления факта принадлежности к субъекту КИИ необходимо изучить виды деятельности организации, наличие систем информации в указанной сфере деятельности и основания использования их перечисленными учреждениями, а также установить наличие критических процессов, нарушение либо прекращение которых может привести к неблагоприятному исходу, присутствие систем информации и системы управления посредством автоматизации, позволяющих исполнить вышеуказанные процессы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перечень субъектов КИИ в сфере здравоохранения достаточно многообразен. Он включает, помимо организаций, оказывающих лечебные услуги в узком смысле слова, таких как амбулатории, центры родоразрешения, центры содержания детей, санатории, также управленческие системы в сфере медицины, специальные типы исследовательских бюро и аналитических лабораторий, учреждения сферы здравоохранения по поддержке прав на потребительском рынке и благополучия людей, сети по производству и отпуску лекарственных препаратов, учреждаемые гражданами и юридическими лицами, личные организации по поддержанию здоровья населения.

Аналогично широк список относящихся к КИИ объектов, при этом они разнообразны по критериям значимости [4]. К объектам КИИ относятся системы информации для целей медицины федерального уровня, аппаратные и программные средства воздействия на рабочие процессы, сети передачи по линиям связи информации, соответствующие определенным требованиям [5; 6].

Согласно анализу, объекты КИИ включают обширный круг решаемых вопросов. В частности, это ведение в электронном виде карт медицинского учета пациентов, технологических ресурсов и деятельности в рассматриваемых медицинских учреждениях, учет и сообщение в иные организации информации о стоимости оказанной помощи и реализации препаратов, в том числе в организации обязательного медицинского страхования, информационная поддержка и услуги взаимодействия с пациентами (электронная очередь для консультации докторов и организация выезда сотрудников медучреждений на дом) и сторонними учреждениями здравоохранения, формирование первичных документов учета [7]. При этом противоправные действия в отношении любого из указанных объектов несут урон КИИ России и благополучию населения.

Выделение субъекта и объекта КИИ имеет первостепенное значение для целей расследования уголовного дела, поскольку их правильное определение влечет за собой планирование тактики проведения отдельных следственных действий. В зависимости от субъекта и объекта КИИ будет отличаться очередность проводимых следственных и процессуальных действий. Например, в части направленных запросов, осмотров баз данных выработанные в будущем рекомендации позволят оптимизировать ход расследования дел данной категории.

Список источников

1. Безус М. Ю., Горелик В. Ю. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Вестник науки. 2020. № 9.

2. *О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации* : федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ. Здесь и далее в списке источников статьи, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008)* : приказ Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст.

4. *Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации* : постановление Правительства РФ от 8 февраля 2018 г. № 127.

5. *Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации* : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ.

6. *Об утверждении Требований к государственным информационным системам в сфере здравоохранения субъектов Российской Федерации, медицинским информационным системам медицинских организаций и информационным системам фармацевтических организаций* : приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 декабря 2018 г. № 911н.

7. *Об утверждении Правил взаимодействия иных информационных систем, предназначенных для сбора, хранения, обработки и предоставления информации, касающейся деятельности медицинских организаций и предоставляемых ими услуг, с информационными системами в сфере здравоохранения и медицинскими организациями* : постановление Правительства РФ от 12 апреля 2018 г. № 447.

Ш. Ф. Гаджиев

(Омская академия МВД России)

Общий и особый предмет доказывания: соотношение категорий

Предмет доказывания относится к числу ключевых категорий теории доказательств и доказательственного права. Вместе с тем он не получил легального закрепления. Существуют различные подходы к его определению. Наиболее распространенным является понимание предмета доказывания как совокупности обстоятельств, установление которых обязательно при производстве по каждому уголовному делу, необходимых для его правильного рассмотрения и разрешения. К примеру, авторский коллектив во главе с В. А. Давыдовым под предметом доказывания понимает совокупность обстоятельств, установление которых является обязательным по каждому уголовному делу, для того чтобы достичь решения задач уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 УПК РФ [1, с. 136]. Схожей позиции придерживались ученые в области советского уголовного процесса [2, с. 213].

В свою очередь, С. Н. Чурилов отождествляет предмет доказывания и обстоятельства, подлежащие установлению, в совокупности рассматривая их в качестве гарантии реализации объективности, полноты и всесторонности исследования обстоятельств общественно опасного

деяния и реализации соответствующей уголовной ответственности [3, с. 281]. Противоположную точку зрения занимает Л. Т. Ульянова, которая считает, что не допускается отождествление предмета доказывания и обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, в том числе рекомендует относить к предмету доказывания не любые обстоятельства, а лишь имеющие уголовно-правовой и уголовно-процессуальный смысл, благодаря которому уголовное дело можно будет разрешить по существу [4, с. 43].

Установленные в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) обстоятельства, подлежащие доказыванию, образуют общий предмет доказывания. В приведенной статье уголовно-процессуального закона психическое (физическое) состояние участников уголовного судопроизводства в качестве самостоятельного обстоятельства, подлежащего установлению при производстве по уголовному делу, не указано. В то же время наряду с общим предметом доказывания законодатель установил особый предмет доказывания для производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетних и для производства о применении принудительных мер медицинского характера. Установление в законе особого предмета доказывания некоторыми исследователями рассматривается в качестве критерия отнесения уголовно-процессуальной деятельности, предусмотренной главами 50 и 51 УПК РФ, к числу особых уголовно-процессуальных производств [5, с. 150; 6, с. 17–19; 7, с. 123–126].

Закономерно возникает вопрос о необходимости установления предмета доказывания для судебных процедур, осуществляемых в досудебном производстве по уголовному делу, например, предусмотренных ст. ст. 108, 125 и 125¹ УПК РФ. Здесь же надлежит определить, может ли он считаться особым предметом доказывания. Признавая необходимость конкретизации в законе перечня обстоятельств, подлежащих установлению при разрешении вопросов о применении мер процессуального принуждения, производстве следственных действий и др., считаем, что они не могут расцениваться в качестве особого предмета доказывания. Наша позиция обусловлена тем, что они не дополняют перечень, легально установленный в ст. 73 УПК РФ, как это происходит в случаях, обозначенных в ст. ст. 421 и 434 УПК РФ.

Таким образом, общий и особый предмет доказывания относятся преимущественно к рассмотрению и разрешению судом по существу уголовного дела, т. е. направлены для решения вопросов о виновности

и наказании. «Особые» обстоятельства необходимо устанавливать тогда, когда преследуемое лицо обладает специфическим физическим и (или) психическим состоянием (несовершеннолетний возраст, психическое заболевание).

Список источников

1. *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / под ред. В. М. Лебедева. М., 2014.

2. *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973.

3. *Чурилов С. Н.* Предмет доказывания в уголовном процессе: проблемы, пути решения // *Образование и право*. 2020. № 11.

4. *Ульянова Л. Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие. М., 2008.

5. *Бурмагин С. В.* Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // *Государство и право*. 2019. № 2.

6. *Пупышева Л. А.* Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (постановка проблемы) // *Мировой судья*. 2021. № 6.

7. *Татьянина Л. Г.* Виды особых производств в уголовном процессе России // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*. 2016. Т. 26, № 2.

А. С. Горденко

(Омская академия МВД России)

Значение криминалистической характеристики в методике расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации

В современном мире, где информационные технологии проникают во все сферы жизни, вопросы защиты электронных данных и безопасности информации становятся особенно актуальными. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации представляет собой серьезное преступление, которое может

иметь разрушительные последствия как для отдельных граждан, так и для организаций. Эффективное расследование таких преступлений предусматривает разработку и наполнение содержанием такого элемента частной методики, как криминалистическая характеристика.

Криминалистическая характеристика преступления включает в себя систематизацию информации о его признаках, способах совершения и типичных следах, что позволяет следственным органам выявлять и раскрывать преступления. В контексте неправомерного доступа к компьютерной информации такая характеристика становится особенно важной, поскольку включает в себя как технические аспекты (например, методы взлома, используемое программное обеспечение), так и поведенческие модели преступников.

В свое время Р. С. Белкин отмечал, что «идея криминалистической характеристики преступления отнюдь не нова. Еще до того момента, когда впервые был употреблен термин „криминалистическая характеристика преступления“, в частных криминалистических методиках упоминались отдельные ее элементы и подчеркивалась их роль для выбора направления и организации расследования» [1, с. 187].

Вопрос о целесообразности выделения криминалистической характеристики преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, вызывает споры среди ученых и практиков. Противники выделения криминалистической характеристики подчеркивают важность гибкости и адаптивности в расследовании преступлений в сфере компьютерной безопасности. Их аргументы основаны на необходимости учитывания быстро меняющихся технологий и индивидуальных особенностей каждого случая, что ставит под сомнение эффективность жесткой систематизации. В этом контексте важно продолжать дискуссию и находить баланс между необходимостью классификации и адаптации к новым вызовам.

По нашему мнению, выделение криминалистической характеристики неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации имеет большое значение для расследования, поскольку знание наиболее типичных ее элементов может позволить практикующим работникам выбрать оптимальный алгоритм действий по изобличению виновных и поиску соответствующих доказательств.

Стоит согласиться с позицией Е. А. Старцевой, которая утверждает, что каждый элемент структуры криминалистической характеристики преступной деятельности должен соответствовать прикладным задачам

[2, с. 110]. Если подойти к формированию криминалистической характеристики неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации с учетом озвученных выше требований, то можно выделить положительные моменты данного элемента частной методики.

1. Систематизация знаний. Выделение криминалистической характеристики позволяет систематизировать знания о преступлениях в области компьютерной безопасности, что помогает следователям лучше понимать типичные схемы и методы преступников, идентифицировать аналогичные факты и применять уже известные методы расследования.

2. Разработка эффективных методов расследования. На основании систематизированных данных криминалистическая характеристика может помочь в разработке специфических методов и инструментов для расследования преступлений в сфере информационных технологий, таких как создание алгоритмов для автоматического мониторинга и выявления подозрительных действий. Способствует выработке версий и направлений расследования дел подобной категории.

3. Улучшение профилактики преступлений путем выделения криминалистической характеристики посредством выявления и разработки мер по устранению уязвимостей как в работе коммерческих организаций и государственных органов, так и в осведомленности физических лиц. Информирование населения, а также коммерческих организаций о наиболее распространенных объектах неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации позволит существенно сократить число совершаемых преступлений.

4. Обмен опытом и информацией. Криминалистическая характеристика способствует обмену опытом между сотрудниками различных правоохранительных органов и специалистами в области кибербезопасности. Примером может послужить создание баз данных с характеристиками различных типов киберпреступлений, что позволит следователям, в том числе из разных стран, обмениваться информацией о новых угрозах, а также предлагать методы расследования. Подобное взаимодействие между сотрудниками способствует более эффективному противодействию международной киберпреступности.

Подводя итог, стоит сказать, что, несмотря на имеющиеся различные мнения о целесообразности существования криминалистической характеристики по преступлениям в сфере компьютерной информации, выделение данного элемента частной методики имеет существенное значение для эффективности расследования неправомерного доступа к охраняе-

мой законом компьютерной информации. Принимая во внимание широкое распространение данного вида преступлений, необходимо усилить методическую поддержку правоохранительных органов. Именно криминалистическая характеристика является проверенным инструментом в арсенале как практических сотрудников, так и научных деятелей.

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : в 3 т. М., 1979. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации : учеб. пособие.
2. Старцева Е. А. Особенности криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 2(81).

А. Б. Гуськова

(Уфимский юридический институт МВД России)

Тезисный анализ рисков применения информационных технологий в содействии уголовному правосудию

Информационные технологии в современном обществе оказывают влияние практически на все сферы жизнедеятельности человека, включая сферу уголовного судопроизводства. Важность разработки и внедрения цифровых технологий и систем неоднократно подчеркивается на высшем уровне политического руководства России. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» предусмотрены механизмы государственной поддержки в виде выделения бюджетных ассигнований на разработки отечественных информационных технологий и меры, направленные на увеличение продуктивности развития информационной области [1].

Особое значение имеет внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство. Соответствующая задача была обозначена Президентом России на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 4 декабря 2023 г. По результатам данного мероприятия Верховному Суду Российской Федерации, Генеральной прокуратуре Российской Федерации, Министерству юстиции Российской Федерации и Министерству внутренних

дел Российской Федерации было поручено изучить практику применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и внести предложения по совершенствованию его применения [2].

Интеграция современных информационных технологий в досудебные стадии уголовного процесса способна предоставить значительные преимущества, в том числе качественное повышение уровня обеспечения правосудия за счет оптимизации функции содействия правосудию, снижения процессуальных издержек и повышения точности принимаемых решений. Однако практическое применение таких технологий сопряжено с определенными рисками, обусловленными особенностями их воздействия на уголовно-процессуальную деятельность. Эти риски влияют на результативность уголовного процесса, а также затрагивают гарантии соблюдения прав и законных интересов его участников.

Согласно мнению А. Ю. Чуриковой, под рисками внедрения и использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности следует понимать вероятность наступления негативных событий, которые могут привести к нарушению прав и свобод личности либо искажению правоприменительной практики, как при соблюдении, так и нарушении требований действующего законодательства. В качестве негативных последствий таких рисков можно рассматривать принятие незаконных или необоснованных решений в ходе эксплуатации или вследствие эксплуатации применяемых информационных технологий и систем [3, с. 277]. Возникновение подобных последствий представляет значительную угрозу в контексте уголовного судопроизводства, где каждая ошибка может повлечь серьезные нарушения прав граждан.

Разделяя предложенное определение рисков, предлагаем выделить наиболее вероятные, связанные с интеграцией и эксплуатацией информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности. Проведенный анализ позволил структурировать их, учитывая характер угроз и источники возникновения.

1. Технические риски. Данная группа связана с возможными сбоями в работе информационно-технических систем, которые могут повлечь утрату процессуально значимой информации, искажение данных или принятие ошибочных решений на основе поврежденных сведений.

2. Риски информационной безопасности и защиты персональных данных. Уязвимость информационных технологий для кибератак создает угрозу конфиденциальности и целостности данных, включая служебные и персональные данные участников.

3. Риски, обусловленные человеческим фактором. Несмотря на общий переход к автоматизации отдельных процессуальных действий, управление системами остается за людьми, что требует высокой цифровой грамотности. Отсутствие необходимых навыков у субъектов уголовного процесса может привести к процессуальным ошибкам и снижению эффективности правосудия.

4. Риски высокой формализованности процесса. Использование цифровых технологий может привести к чрезмерной стандартизации и формализации уголовного судопроизводства, что влечет невозможность учета индивидуальных особенностей дела.

5. Правовые риски. В условиях быстрого развития технологий отечественная законодательная база не всегда успевает адаптироваться к новым вызовам, что создает правовые пробелы и неопределенности в установлении границ применения конкретных инструментов.

6. Этические и моральные риски. Некорректное или несистемное применение технологических решений в судопроизводстве способно привести к дегуманизации правосудия, утрате индивидуального подхода и ограниченности технологических решений.

Обозначенные группы рисков формируют многогранный комплекс проблем, которые требуют дальнейшего глубокого изучения. Учитывая сжатый объем статьи, представленные выводы носят тезисный характер. По обозначенным направлениям рисков планируется проведение дальнейших исследований.

Список источников

1. *О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 83 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10, ст. 1467.

2. *Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/page/34> (дата обращения: 15.03.2025).

3. *Чурикова А. Ю.* Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024.

О. В. Евдокимова

(Уфимский юридический институт МВД России)

Мошенничество на платформах онлайн-знакомств в современной России

Современные технологии позволяют вести поиск потенциальных партнеров для создания семьи из любой точки мира без привязки ко времени. Интернет-знакомства открывают доступ к большому количеству людей с различными интересами и ценностями. Пользователи имеют возможность искать именно тех, кто соответствует их требованиям и потребностям, что увеличивает шансы на успешные отношения и на создание семьи. Тем не менее, наряду с этими положительными примерами растет число случаев мошенничества, и эта проблема становится все более распространенной.

Данные официальной статистики состояния преступности в Российской Федерации показывают прирост числа мошенничеств в общей структуре преступлений. В 2022 г. было зарегистрировано 1966,8 преступлений, из них доля мошенничеств составляла 17,4%; в 2023 г. количество преступлений уменьшилось до 1947,2, однако доля мошенничеств возросла до 22,3%; в 2024 г. зарегистрировано 1911,3 преступлений, доля мошенничеств увеличилась до 26,6 % [1].

Согласно данным компании «Mediascope», занимающейся исследованием поведения людей в цифровой среде, совокупная месячная аудитория всех российских сервисов знакомств в феврале 2025 г. достигла 8 млн пользователей. Распределение аудитории по платформам демонстрирует следующее: лидирующую позицию занимает сервис «Друг Вокруг» — 1,9 млн пользователей, «Mamba» — 1,5 млн пользователей, далее следуют «VK Знакомства» — 1,4 млн пользователей, «Tabor» — 1,4 млн пользователей, «Twinby» — 1,1 млн пользователей, из которых 850 000 активны, «Loveplanet» — 741 000 пользователей, «Beboo» — 659 500 пользователей, «Мята» — 503 000 пользователей, «Mail.ru Знакомства» — 464 000 пользователей и «Teamo» — 427 000 пользователей. Суммарная аудитория «VK Знакомств» и «OK Знакомств» достигает 5,4 млн пользователей, при этом «VK Знакомства» продемонстрировали годовой рост аудитории на 42%, а недавно запущенные «OK Знакомства» уже превысили 1 млн пользователей [2].

На официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации отмечено, что мошенники начали действовать через сайты знакомств [3]. Мошенничество на платформах онлайн-

знакомств происходит, когда одна сторона считает, что удалось найти пару, а вторая, на самом деле являясь мошенником, манипулирует, оказывает собеседнику знаки внимания, завоевывает доверие. Конечная цель мошенника — хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Анализ документальных фильмов — расследований, телепередач, посвященных мошенничеству на платформах онлайн-знакомств (документальные фильмы: «В поисках любви»; журналистское расследование Н. Графчиковой в программе «Итоговая программа с Петром Марченко», эфир от 3 ноября 2017 года; «Брачные аферисты. От любви до смерти»), результаты изучения материалов уголовных дел [4; 5; 6; 7] свидетельствуют о наличии научно-практических проблем, требующих решения. К ним относятся значительная латентность данной категории преступлений и недостаточная разработанность ситуационного подхода к планированию расследования [8, с. 81]. С увеличением числа пользователей онлайн-знакомств растет и количество мошеннических схем, онлайн-сервисы и приложения обеспечивают высокую степень анонимности, что затрудняет идентификацию злоумышленников и их действий.

Отсутствие рекомендаций по организации осуществления расследования на первоначальном этапе, несовершенство тактики производства отдельных следственных действий, нехватка методики раскрытия и расследования мошенничеств, совершаемых на платформах онлайн-знакомств, отрицательно сказываются на эффективности научного обеспечения борьбы с данным видом преступной деятельности. Преступления этой категории оказывают значительное влияние на общество: жертвы не только теряют личные средства, но и могут испытывать психологические травмы, что подчеркивает важность эффективного раскрытия, расследования и предотвращения таких преступлений.

Список источников

1. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации* // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 28.03.2025).

2. *Юлия Пажитных*: аудитория дейтинг-сервисов в России достигла 8 млн пользователей. URL: <https://rb.ru/news/sajty-znakomstv/> (дата обращения: 28.03.2025).

3. *Официальный сайт* Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 25.03.2025).

4. *Архив* Заводского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области. Уголовное дело № 1-14/2018.

5. *Архив* Калининского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-237/2022.

6. *Архив* Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-122/2023.

7. *Архив* Белорецкого межрайонного суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-1081/2023.

8. *Нугаева Э.Д.* Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2019.

К. О. Емельянцева

(Омская академия МВД России)

Особенности осмотра места происшествия при совершении хулиганства на транспорте общего пользования

Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1] предусмотрена уголовная ответственность за хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Включение данного квалифицирующего признака хулиганства было вызвано тем, что участились случаи, когда транспортное средство является местом совершения преступления. В таких обстоятельствах действия, угрожающие безопасности движения и эксплуатации транспорта, жизни пассажиров, представляют серьезную общественную опасность. Это неизбежно подчеркивает важность уголовного преследования за преступления в данной сфере. Так, например, по данным МВД России, за 2024 г. зарегистрировано 2395 фактов хулиганства, из которых 113 совершены на транспорте. За первое полугодие 2024 г. в отношении 63 человек возбуждены уголовные дела за хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования. Местом совершения

преступления, на основании п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, является железнодорожный, морской, внутренний водный или воздушный транспорт, а также транспорт общего пользования.

Особенности, связанные с организационными, тактическими и психологическими аспектами данного следственного действия, критически важны для понимания его эффективности в рамках данной категории преступления. Специфика осмотра места происшествия на транспорте во многом обусловлена:

- необходимостью быстрого реагирования на изменения обстановки преступления, когда порядок действий следственно-оперативной группы определяется: обнаружением, сохранением, фиксацией доказательств на местности; поиском свидетелей среди лиц, передвигающихся на транспорте; нивелированием последствий остановки общественного транспорта или нарушения графика их движения*;

- адекватной оценкой ситуации на месте происшествия, когда дознавателю, приступающему к осмотру, крайне важно владеть полной картиной развития хулиганских действий. В этом отношении качественный анализ поступившего сообщения о преступлении необходим для правильного понимания обстоятельств происшествия и выбора направлений работы при осмотре места происшествия. Анализ практики свидетельствует о существовании мнения среди дознавателей о компенсации отсутствия результатов осмотра места происшествия наличием большого количества свидетелей — очевидцев. Однако представление о том, как развивалось хулиганство в пространстве и во времени, можно получить только при осмотре места происшествия;

- недостатками в работе дознавателей на месте происшествия. В частности, одной из распространенных проблем является неправильная квалификация содеянного по обстоятельствам, изложенным в сообщении о хулиганстве, отсутствие прогноза судебной перспективы по делу. Вследствие этого дознаватель не видит необходимости тщательной фиксации обстановки, изъятия отдельных материальных следов или предметов преступления. Так, П. А. Рухтина, будучи в состоянии опьянения, находясь на остановке общественного транспорта «Центральный рынок» в г. Уфе, при подъезде автобуса для высадки пассажиров бросила из хулиганских побуждений имеющую при себе бутылку шампанского в лобовое стекло автомашины. Был поврежден

* По обсуждаемой проблематике было изучено 45 уголовных дел и приговоров, рассмотренных районными судами г. Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы и Омска за 2021–2025 гг.

автобус, который в дальнейшем сняли с маршрута, лица, находившиеся внутри салона, испытали испуг [2]. В ходе судебного заседания была допрошена дознаватель, которая выезжала на место происшествия и производила его осмотр. В ходе допроса было установлено, что дознаватель видела бутылку, которой был причинен ущерб, но не приняла мер к фиксации, так как посчитала, что действия хулигана подпадают под административное правонарушение и изымать предмет нецелесообразно. В дальнейшем доказательство было утеряно;

— также одной из особенностей осмотра места происшествия на общественном транспорте является необходимость учитывать его специфику, предназначение. Разные виды общественного транспорта (автобусы, метро, троллейбусы, речной, воздушный транспорт и пр.) имеют свои характеристики, влияющие на выбор способа осмотра, технико-криминалистических приемов обнаружения, фиксации и изъятия доказательств (использование средств освещения для поиска биологических объектов, фотографирование, обнаружение и изъятие иных следов и т. п.).

Успешное раскрытие хулиганства напрямую связано с качеством первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. На наш взгляд, ключевую роль в этом процессе играют правильно выстроенные тактические приемы и организация проведения осмотра места происшествия [3, с. 139].

Осмотр места происшествия играет ключевую роль в сборе информации о хулиганстве, от общей обстановки до конкретных предметов и следов присутствия людей. Эти данные не только помогают восстановить общую картину произошедшего, но и выработать основные направления расследования.

Список источников

1. *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Архив Советского районного суда г. Уфы. Дело № 1-99/2025.*
3. *Мукажанов А. Е. Особенности осмотра места происшествия по делам о хулиганстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6.*

М. Р. Ибишов

(Омская академия МВД)

Правовые механизмы и международный опыт борьбы с хищениями автотранспорта

Хищения автотранспорта представляют собой серьезную угрозу для общественной безопасности и экономики государства. Ежегодно миллионы автомобилей по всему миру становятся объектами преступных посягательств. В связи с этим возникает необходимость в разработке эффективных правовых механизмов и обмене международным опытом для минимизации данного вида преступлений. Анализ имеющихся статистических данных позволяет сделать вывод о том, что проблема хищения автотранспорта в России остается актуальной. По итогам 2024 г., наша страна заняла 9-е место в мировом рейтинге по числу угонов и краж автотранспорта [1]. Лидируют Америка, Бразилия, Индия, Франция, Италия, Мексика, Англия, Канада, Австралия. За период с января по декабрь 2024 г. в России зарегистрировано 6580 фактов краж автомобилей [2, с. 6]. Однако не стоит забывать о латентных и укрытых преступлениях, как утверждают криминологи, их доля может достигать более 100% [3, с. 22].

В связи со сложившейся ситуацией в России и мире правоохранительные органы перечисленных стран ужесточают внутреннюю политику в сфере автоторговли, а сложившийся транснациональный характер преступных групп требует совместного и координированного принятия решений.

В большинстве стран угон автотранспорта квалифицируется как уголовное преступление. В России законодательство разграничивает два смежных состава, отдельно выделяя угон (ст. 166 УК РФ) и кражу (ст. 158 УК РФ). Однако подходы к наказанию и профилактике в мире различаются в зависимости от правовой системы и уровня развития технологий. В странах с развитой правовой системой, таких как США, Германия и Япония, угон автотранспорта карается значительными сроками лишения свободы и высокими штрафами. В некоторых государствах (в Саудовской Аравии) за повторные угоны предусмотрены крайне строгие меры: отрубание рук или смертной казни. Несмотря на серьезные санкции за данные виды преступлений, искоренить их не удается.

Стоит отметить, что для профилактики хищений автотранспорта во многих странах внедрены системы обязательной регистрации

транспортных средств, что позволяет отслеживать их перемещение и оперативно выявлять угнанные автомобили. Например, в Европейском Союзе действует система Eucaris, которая обеспечивает обмен информацией между странами-участницами [4]. В свою очередь ряд иностранных государств считают, что использование GPS-трекеров, иммобилайзеров и систем распознавания лиц помогает предотвращать угоны и облегчает поиск автомобилей. В некоторых странах (в Великобритании) страховые компании требуют установки таких устройств для снижения рисков, а в Республике Азербайджан автовладелец обязуется при покупке машины приобрести специальный государственный регистрационный знак с GPS-датчиком. Необходимо уделить особое внимание инновационной разработке предотвращения краж автотранспорта, которая была придумана разработчиками японской автомобильной компании «Lexus-Toyota». На автомобили данных марок при помощи нанолазера наносится более 10 тысяч гравировок (надписей с вин-кодом) на все кузовные элементы, тем самым исключая перебивку номера с последующей перерегистрацией и постановкой на учет.

Важную роль в борьбе с угонами, особенно в условиях глобализации и увеличения трансграничных преступлений, играет международное сотрудничество. В оперативных подразделениях системы МВД России взаимодействие с правоохранительными органами иностранных государств осуществляет Национальное центральное бюро Интерпола. Международная организация уголовной полиции активно участвует в борьбе с угонами, предоставляя базы данных и координируя действия правоохранительных органов разных стран. Например, система INTERPOL Stolen Motor Vehicles (SMV) содержит информацию о более чем 7 млн угнанных автомобилей [5].

В рамках Европейского Союза действуют соглашения о взаимной помощи в расследовании краж автотранспорта. Например, страны Бенилюкса и Скандинавии активно обмениваются информацией и проводят совместные операции, также и у России есть множество соглашений с разными государствами. Однако в настоящее время ситуация, сложившаяся на международной арене, препятствует полноценному обмену информацией по ратифицированным договорам со странами Евросоюза в полной мере. На сегодняшний день ведется активный обмен оперативной информацией со странами СНГ, к примеру, одним из последних достижений является создание единой базы ГИБДД МВД России и МВД Республики Казахстан.

Несмотря на значительные успехи в борьбе с угонами, остаются проблемы:

- преступники часто перевозят угнанные автомобили в страны Евросоюза или в страны с менее строгим законодательством, что затрудняет их поиск и возврат;

- с развитием технологий увеличивается риск киберугонов, когда преступники взламывают электронные системы автомобилей, такие как Tesla, Zeekr и др.;

- в некоторых странах правоохранные органы не имеют достаточных ресурсов для эффективной борьбы с угонами, Россия входит в этот список;

- отсутствие должного взаимодействия подразделений НЦБ Интерпола в России и правоохранительных органов иностранных государств препятствует решению задач оперативно-розыскной деятельности.

Борьба с хищениями автотранспорта требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, внедрение современных технологий и укрепление международного сотрудничества. Опыт ведущих стран показывает, что только совместные усилия государства, бизнеса и гражданского общества могут привести к значительному снижению уровня данного вида преступности.

Список источников

1. *Статистика* угонов в мире. URL: <https://www.ugona.net/article/statistika-ugonov-v-mire-397.html> (дата обращения: 01.03.2025).

2. *Состояние* преступности в России за январь–декабрь 2024 года. М., 2025.

3. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. М., 2007.

4. Интернет-источник Википедия: «Eucaris». URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/EUCARIS> (дата обращения: 01.03.2025).

5. *How Interpol supports Russia to tackle international crime*. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Vehicle-crime/Our-respor> (дата обращения: 01.03.2025).

А. А. Канунников

(Омская академия МВД России)

Компрометирующие материалы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: актуальность исследования

В эпоху цифровизации, когда большая часть коммуникаций переходит в онлайн-пространство, а преступные схемы становятся все изощреннее, вопросы законности, достоверности и этичности использования компрометирующих материалов в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел приобретают особую остроту, так как необходимо понимать, что компрометирующие материалы это не просто досье на подозреваемых, а сочетание сведений, влияющих на расследование уголовных дел, судебные решения, профилактику преступлений, а также возможность получать оперативно значимую информацию в отношении лиц, попадающих в поле зрения сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел. Стоит отметить, что оперативно-розыскная деятельность при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий неразрывно сопряжена со сбором и использованием компрометирующих материалов в отношении лиц, привлекаемых к содействию с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, для получения признательных показаний, изобличения лиц, совершивших преступления.

Актуальность исследования использования компрометирующих материалов в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел обусловлена не только необходимостью повышения эффективности борьбы с преступностью, получения иной оперативно значимой информации, но и потребностью в соблюдении баланса между интересами государства, правами человека и гражданина. Сбор таких материалов сопряжен с рисками: от злоупотребления должностными полномочиями до нарушения неприкосновенности частной жизни лиц, в отношении которых проводится сбор данных. Эти вопросы делают тему исследования междисциплинарной, затрагивающей право, этику, информационную безопасность и социологию.

Действующее законодательство [1] в области оперативно-розыскной деятельности не дает определения компрометирующих материалов, какая именно информация относится к ним, не устанавливает пределы использования таких данных, что существенно

затрудняет восприятие критериев допустимости сбора таких сведений, а также что конкретно к ним можно отнести. Конституция РФ в ст. 24 запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Отсутствие законодательно закрепленного права использования компрометирующих материалов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в решении задач ОРД вызывает в научном сообществе и в правоприменительной деятельности острую дискуссию. Полагаем, что вопросы законодательного регулирования как на федеральном, так и на ведомственном уровне выделяются самостоятельной проблемой общей теории оперативно-розыскной деятельности.

Е. С. Дубоносов отмечает, что ключевой критерий классификации материалов — их источник и степень достоверности. Эти сведения, безусловно, можно отнести к определяющим показателям компрометирующих материалов, так как от указанных составляющих зависит направление реализации таких материалов. Также необходимо обращать повышенное внимание на этические аспекты. Сбор компромата на основе расовых, религиозных или политических признаков, давление на свидетелей, фабрикация доказательств, все это угрожает не только репутации правоохранительных органов, но и доверию общества к ним.

В заключение хочется отметить, что компрометирующие материалы остаются незаменимым инструментом оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью, при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, в получении иной оперативно значимой информации, но их использование должно соответствовать принципам законности, целесообразности и гуманности. При законодательном закреплении понятия и пределов использования таких материалов решение задач оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел станет эффективней за счет четких пределов допустимости работы с компрометирующими материалами и возможности их использования оперативными сотрудниками органов внутренних дел в пределах норм действующего законодательства.

Список источников

1. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Дубоносов Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности. М., 2018.

М. Р. Каршиев

(Омская академия МВД России)

Некоторые вопросы, возникающие в ходе оказания содействия следователю при домашнем аресте

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) предусматривает различные меры пресечения, одной из которых является домашний арест. Основная цель данной меры — ограничение свободы передвижения обвиняемого для предотвращения его уклонения от следствия и суда, воспрепятствования производству по делу либо продолжения преступной деятельности. Однако в процессе исполнения данной меры возникает ряд проблем, связанных с реализацией фундаментальных прав личности, в том числе права на охрану здоровья, закрепленного в Конституции Российской Федерации и международных правовых актах.

В соответствии со ст. 107 УПК РФ, домашний арест заключается в изоляции лица в жилом помещении с возможностью установления дополнительных запретов и ограничений. Цель данной меры — минимизировать риски, связанные с возможным воспрепятствованием судопроизводству, при этом не прибегая к самой строгой мере пресечения — заключению под стражу. Однако в действующей редакции УПК РФ отсутствует четкое регулирование условий исполнения домашнего ареста в части обеспечения медицинского обслуживания лиц, к которым он применен. Следователь, принимая решение о мере пресечения, должен учитывать возможные риски для здоровья обвиняемого, а также предусматривать механизмы контроля за соблюдением его прав. В 2023 г. в России под домашним арестом находилось 7502 человека, под стражей в следственных изоляторах — 82 480 [1]. При домашнем аресте гражданин вынужден находиться в ограниченном пространстве, что влечет гиподинамию и неудовлетворительные условия для оказания своевременной медицинской помощи. По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и уполномоченных органов власти России, такие социальные факторы, как недостаточная двигательная активность и несвоевременное обращение за медицинской помощью рассматриваются как факторы риска для здоровья человека [2, с. 9]. Следователь, принимая участие в назначении и контроле исполнения мер пресечения, должен учитывать влияние данных факторов на состояние обвиняемого. Взаимодействие следователя с медицинскими учреждениями и органами исполнения наказаний может способствовать решению проблемы.

Считаем, что длительное пребывание в вынужденной изоляции влечет существенное ухудшение состояния здоровья лица, находящегося в таких условиях. Следователь должен обеспечивать соблюдение прав обвиняемого, а оказание содействия следователю со стороны иных участников процесса позволит создать механизм защиты конституционных прав граждан.

Касаясь права на охрану здоровья, Верховный Суд РФ отметил, что «здоровье как неотъемлемое и неотчуждаемое благо, принадлежащее человеку от рождения и охраняемое государством, Конституция Российской Федерации относит к числу конституционно значимых ценностей, гарантируя каждому право на охрану здоровья, медицинскую и социальную помощь» [3]. Согласно базовому акту в данной сфере — Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», здоровье — это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. Оказание содействия следователю со стороны государственных органов, в том числе сотрудников ФСИН России, в этом контексте является важным аспектом защиты прав обвиняемого в ходе уголовного процесса.

Содержание обновленной нормы ст. 107 УПК РФ в большей мере соответствует потребностям практики, однако по-прежнему не полностью учитывает вопросы медицинского обеспечения обвиняемых [4]. Следователь, принимая решение о домашнем аресте, должен учитывать данные о состоянии здоровья обвиняемого, запрашивая соответствующие медицинские заключения и обеспечивая возможность оказания необходимой медицинской помощи. Введение унифицированных стандартов по взаимодействию следователя с медицинскими учреждениями и органами ФСИН России может существенно повысить эффективность реализации права обвиняемого на охрану здоровья.

Таким образом, можно констатировать, что в отечественном уголовном процессе сложилась ситуация, при которой обеспечение права обвиняемого на охрану здоровья при домашнем аресте остается нерешенным вопросом. Оказание содействия следователю в данной сфере должно включать разработку нормативных актов, определяющих порядок медицинского обеспечения обвиняемых, а также внедрение механизмов контроля за соблюдением их прав. Следователь, при назначении меры пресечения в виде домашнего ареста, должен учитывать медицинские аспекты

и инициировать разработку правовых механизмов, обеспечивающих соблюдение конституционных прав граждан.

Список источников

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 18.03.2025).

2. Юрьев С. С., Короткова П. Е. Право на охрану здоровья и домашний арест: проблемы регулирования и правоприменения // Адвокатская практика. 2021. № 5.

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2019 г. № 69-КГ18-22. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1748488 (дата обращения: 18.03.2025).

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. П. Кочетов

(Омская академия МВД России)

От виртуальной корзины до реальных потерь.

Гид по безопасности в онлайн-шопинге

Интернет-торговля давно перестала быть просто удобной альтернативой обычному шопингу. Сегодня это гигантская индустрия, объем которой на территории Российской Федерации в 2024 г. превысил 6 трлн рублей [1]. Однако каждый пятый пользователь хотя бы раз сталкивался с обманом в сети, а ущерб от таких афер измеряется миллиардами долларов.

Актуальность проблемы сложно переоценить. Пандемия COVID-19 резко увеличила число онлайн-покупателей: даже те, кто раньше опасался заказывать товары в сети, стали активными пользователями маркетплейсов. Однако рост спроса привлек и мошенников. Они действуют изощренно: создают фейковые магазины, подделывают страницы оплаты, воруют данные банковских карт. Преступники используют анонимные платформы, VPN и поддельные домены, что затрудняет их поимку.

Мошеннические схемы в интернет-торговле поражают разнообразием. Одна из самых распространенных — фейковые магазины. Они появляются на временных доменах, копируют дизайн и описание товаров известных брендов, а цены занижают на 30–50%, чтобы привлечь жертв. Распознать подделку можно, проверив историю домена через сервисы Whois.com, 2ip.ru, а также промониторив отзывы. Другая популярная схема — фишинг. Покупатель получает сообщение с требованием подтвердить платеж по ссылке, ведущей на сайт-клон банка. Так, в 2024 г. мошенники через фейковую форму рассылали сообщения от имени Wildberries, предлагая забрать подарок, предоставив данные банковской карты для оплаты комиссии [2]. Не менее коварны схемы с доставкой: продавец просит предоплату, а затем исчезает. Иногда вместо заказа приходит пустая коробка или даже кирпич.

За кажущейся безличностью цифровых транзакций скрывается тонкая игра на покупательских эмоциях. Мошенники мастерски эксплуатируют психологические уязвимости: искусственно создают дефицит («Осталось всего 2 штуки!»), имитируют ограниченные по времени акции или используют фиктивные уведомления о подозрительной активности счета, чтобы спровоцировать мгновенную реакцию.

Но и технологии не стоят на месте. Крупные компании и банки внедряют алгоритмы машинного обучения, анализирующие поведение пользователей. Например, если кто-то внезапно заказывает товар в кредит, система запросит дополнительное подтверждение. Биометрическая аутентификация — еще один щит, сканирование лица или отпечатка пальца усложняет доступ злоумышленников к аккаунтам. SSL-сертификаты и шифрование данных (значок замка в адресной строке) защищают информацию при передаче. Маркетплейсы внедряют репутационные системы, где отзывы и рейтинги продавцов помогают покупателям делать безопасный выбор.

Современные технологии защиты учатся предсказывать не только явные аномалии, но и скрытые паттерны. Нейросети анализируют тысячи параметров, от скорости набора текста при вводе пароля до геолокации устройства. Например, если покупатель из Омска внезапно совершает покупку через браузер с установленным вьетнамским языком, система может запросить подтверждение через биометрию. В Китае Alibaba внедрила алгоритмы, отслеживающие цифровой след продавца — частоту обновления ассортимента, дина-

мику отзывов, что позволило сократить число фейковых магазинов на 40% за 2022–2023 гг.

Платформы социальных сетей также активно используются аферистами для продвижения фиктивных товаров через платные рекламные интеграции.

Так, например, в январе 2025 г. в Государственной Думе Российской Федерации раскрыли мошенническую схему с фейк-аккаунтами блогеров [3]. Мошенники с помощью фейковых аккаунтов блогеров предлагают детям участвовать в конкурсах, обещая дорогие призы, после чего несовершеннолетние становятся жертвами обмана. Для получения приза ребенка просят оплатить доставку или передать личные данные, которые после используются для кражи денег или аккаунтов. Такие схемы основаны на психологии ребенка, для которого возможность мгновенной награды перевешивает осознание риска.

Для минимизации рисков мы советуем придерживаться следующей схемы.

1. Во-первых, изучите сайт: проверьте, как давно зарегистрирован домен, есть ли контакты и политика возврата.

2. Во-вторых, оцените продавца через независимые платформы — например, форумы или социальные сети.

3. В-третьих, убедитесь, что платежный шлюз защищен. Для оплаты используйте виртуальные карты с лимитом или надежные сервисы, которые не передают данные продавцу. Никогда не сообщайте CVV-код карты (его не требуют для онлайн-оплат), не делитесь логинами и паролями по телефону.

Будущее безопасного онлайн-шопинга состоит в симбиозе технологий, регулирования и осознанности. Мы убеждены, что даже самый надежный SSL-сертификат не спасет того, кто сам добровольно отдает мошенникам свои данные ради 90% скидки на товар.

В эпоху, когда граница между реальным и цифровым стирается, критическое мышление становится важнейшим антивирусом.

Список источников

1. *Не нужно никуда ехать: когда в России исчезнут обычные магазины.* URL: <https://rtvi.com/stories/ne-nuzhno-nikuda-ehat-kogda-v-rossii-ischeznut-obychnye-magaziny/> (дата обращения: 03.02.2025).

2. *Мошенники атакуют приморцев. Злоумышленники пользуются именем Wildberries.* URL: <https://vladivostok1.ru/text/criminal/2024/12/30/74946317/> (дата обращения: 03.02.2025).

3. В Госдуме раскрыли мошенническую схему с фейк-аккаунтами блогеров. URL: <https://lenta.ru/news/2025/01/25/v-gosdume-raskryli-moshennicheskuyu-shemu-s-feyk-akkauntami-bloggerov/> (дата обращения: 03.02.2025).

К. Е. Лукашенко

(Омская академия МВД России)

Определение законного представителя несовершеннолетнего в уголовном процессе России

Уголовный процесс представляет собой сложный механизм, в рамках которого осуществляется правосудие, а также защита прав и свобод граждан. Особое внимание в этом контексте уделяется несовершеннолетним, потому что они находятся в уязвимом положении и нуждаются в дополнительной защите. Справедливо отмечает Е. В. Марковичева: «Психофизиологическая незрелость и социально-психологическая неадаптированность являются предпосылками для признания принципа повышенной защиты несовершеннолетних в системе уголовного судопроизводства» [1, с. 85].

Законодательство большинства стран, включая Россию, признает необходимость специального регулирования уголовного процесса в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а также потерпевших и свидетелей. Важным аспектом этого регулирования является фигура законного представителя несовершеннолетнего, который играет ключевую роль в обеспечении прав и законных интересов названных лиц.

Согласно п. 12 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) к законным представителям относятся следующие лица: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство не содержит четкого определения законного представителя, ограничиваясь лишь перечнем лиц, которые могут выступать в этой роли [2, с. 84].

Ряд исследователей полагает, что данное понятие не относится исключительно к уголовному процессу, поскольку его сущность, в первую очередь, раскрывается в рамках семейного права [3, с. 59]. Это порождает точку зрения, согласно которой УПК РФ не нуждается в детализации термина «законный представитель», так как его трактовка уже закреплена в российском законодательстве и является достаточно понятной для граждан.

Однако определение законного представителя, приведенное в ст. 64 Семейного кодекса РФ, нельзя считать исчерпывающим. Оно не отражает в полной мере специфику статуса законного представителя и его процессуальной роли в уголовном судопроизводстве.

Следует также отметить, что на практике встречаются случаи допуска и иных лиц в качестве законных представителей: родных братьев, сестер, бабушек, дедушек и других, что, по нашему мнению, является незаконным и противоречит уголовно-процессуальному законодательству. Возникает необходимость трактовки понятия «законный представитель» в сфере уголовного судопроизводства [4, с. 199].

В связи с этим ст. 48 УПК РФ требует дополнений, которые позволили бы четко зафиксировать понятие «законный представитель несовершеннолетнего». Подобные изменения, безусловно, способствовали бы более точному применению норм права, упростив как интерпретацию законодательства, так и вовлечение законных представителей в уголовные дела. Это повысило бы эффективность защиты прав несовершеннолетних в рамках расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

Список источников

1. *Марковичева Е. В.* Проблемы законного представительства в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. № 9.

2. *Дежнев А. С., Коробкова Е. Е.* Актуальные вопросы участия законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96).

3. *Куряшева П. Э.* К вопросу об участии законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном деле // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2021. № 2.

4. *Маринина В. Н.* О понятии законных представителей несовершеннолетних в уголовном процессе // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции. Омск, 2022.

М. С. Матвейчук

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Источники цифровых следов в расследовании незаконной охоты

В современном мире цифровые технологии активно проникают во все сферы жизни, включая преступную деятельность. Незаконная охота, как один из видов экологических преступлений, также не остается в стороне от этого процесса. Охотники все чаще стали использовать средства информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ) на стадии подготовки, совершения и сокрытия преступления. Как справедливо было отмечено Е. П. Ищенко, использование различных электронных систем и устройств формирует уникальную информационную среду, в которой отображаются, фиксируются и сохраняются следы человеческой деятельности, в том числе и противоправной [1, с. 58].

В настоящее время среди ученых нет единого мнения относительно терминологии, используемой в отношении следов, формируемых в виртуальном пространстве, а также в определении места таких следов в механизме следообразования. Так, Ю. В. Гаврилин считает, что в ходе совершения преступлений с использованием ИТТ остаются цифровые следы и относятся они к категории материальных следов [2, с. 39]. М. М. Льянов называет такие следы электронно-цифровыми и определяет их как вид материальных следов [3, с. 10]. Не вдаваясь в научную дискуссию, стоит сказать, что при всей своей специфике цифровые следы являются самостоятельным видом в механизме следообразования, ведь их формирование представляется более сложным, «поскольку задействует искусственную среду отображения реальных объектов и явлений» [4, с. 237].

Одним из источников цифровых следов, оставляемых преступниками в ходе подготовки, совершения и сокрытия незаконной охо-

ты, являются электронные устройства, оснащенные GPS-модулями. К их числу относятся мобильные телефоны, смартфоны, планшетные компьютеры, автомобильные навигационные системы и иные гаджеты, обладающие функцией фиксации пространственно-временных координат. Криминалистический анализ геолокационных данных, полученных с электронных устройств, позволяет реконструировать маршруты передвижения браконьеров, а также сделать вывод об их нахождении в районе совершения преступления в конкретный временной промежуток.

Особую доказательственную ценность представляют метаданные цифровых фото- и видеоматериалов, запечатленных современными техническими устройствами. Дата, время и географические координаты съемки позволяют верифицировать обстоятельства совершенного преступления, а при наличии визуальной фиксации факта незаконной охоты — установить личность преступника.

Кроме того, интерес представляют данные, полученные посредством фотоловушек — автоматических камер, активизирующихся при обнаружении движения. Фотоловушки широко используются на особо охраняемых природных территориях с целью мониторинга животного мира и пресечения противоправных действий браконьеров. Однако распространены случаи их использования охотниками с целью отслеживания объектов незаконной охоты. Фотоловушки позволяют зафиксировать не только факт незаконной охоты, но и изображения лиц, ее совершивших, используемые ими орудия охоты, транспортные средства. Так, в одном из заповедников Республики Алтай во время незаконной охоты на марала фотоловушкой были зафиксированы четверо мужчин азиатской внешности, каждый из которых был вооружен огнестрельным оружием. В ходе судебного разбирательства обвиняемый признал свою причастность к совершению преступления, опознав себя на снимках [5].

Подводя итог, следует сказать, что цифровые следы, оставляемые преступниками в ходе подготовки, совершения и сокрытия незаконной охоты, становятся важным источником криминалистически значимой информации. Однако их обнаружение, изъятие и фиксация требует применения специальных знаний, что обуславливает необходимость привлечения соответствующих специалистов.

Список источников

1. Ищенко Е. П. Современный этап развития российской криминалистики // Криминалистические чтения на Байкале — 2015 : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015.
2. Организация расследования заведомо ложных сообщений об актах терроризма / Ю. В. Гаврилин, Н. Э. Мартыненко, И. С. Бедеров : учеб. пособие. М., 2023.
3. Льянов М. М. Криминалистическое значение электронно-цифровых следов преступлений экстремистской и террористической направленности в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025.
4. Мещеряков В. А., Цурлуй О. Ю. Электронно-цифровое отображение как методическая основа цифровой криминалистики // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сб. науч. ст. М., 2021.
5. Приговор по делу от 21 марта 2023 года № 1-6/2023. Архив Улаганского районного суда Республики Алтай.

П. С. Милов

(Омская академия МВД России)

Руководитель оперативного подразделения как субъект ведомственного контроля

Ведомственный контроль за оперативно-розыскной деятельностью (далее — ОРД) является одним из ключевых механизмов обеспечения законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также повышения эффективности указанной деятельности. Однако в оперативно-розыскной науке до настоящего времени не выработано единого подхода относительно определения такого контроля. Так, некоторые авторы отмечают, что ведомственный контроль это исключительно прерогатива руководителей органов, осуществляющих ОРД [1, с. 642]. Об этом же говорит и законодатель в ст. 22 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] (далее — ФЗ «Об ОРД»), устанавливая для таких руководителей персональную ответственность за соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий. При этом законодатель не упо-

минает иных должностных лиц в контексте субъектов ведомственного контроля.

Н. С. Железняк, определяя субъекты осуществления данной деятельности, указывает среди них как руководителей оперативных подразделений, так и иных должностных лиц [3, с. 315]. Мы солидарны с мнением уважаемого ученого в вопросе включения иных должностных лиц в число субъектов ведомственного контроля, однако подчеркнем, что перечень субъектов должен быть определен ведомственными нормативными правовыми актами, регламентирующими данную деятельность.

Более того, руководитель органа, осуществляющего ОРД, ввиду наличия иных оперативно-служебных обязанностей, не всегда единолично в полной мере может обеспечить осуществление качественного ведомственного контроля, что в свою очередь является детерминантом нарушений принципов законности и соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, а также снижения эффективности ОРД в целом. Ведомственный нормотворец в приказе МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» [4] значительно расширяет круг субъектов ведомственного контроля по сравнению с ФЗ «Об ОРД», однако и в нем не отражен руководитель оперативного подразделения в качестве субъекта по осуществлению ведомственного контроля.

Отметим, что нам наиболее близка позиция В. Ф. Луговика, который, определяя ведомственный контроль, указал, что это деятельность руководителей оперативно-разыскных органов и оперативных подразделений [5, с. 134], поскольку именно эти руководители играют ключевую роль при осуществлении ОРД. Представленный тезис подтверждается проведенным нами исследованием*, в ходе которого было установлено, что к числу субъектов ведомственного контроля большинство респондентов (86%) отнесли руководителя оперативного подразделения. Изложенное очевидно свидетельствует о фактическом участии таких руководителей в ведомственном контроле, даже при отсутствии нормативной регламентации на законодательном и ведомственном уровнях.

Резюмируя изложенное, отметим, что в настоящее время сложилась ситуация, когда фактически ведомственный контроль в оперативных подразделениях осуществляется непосредственно руководителями таких подразделений. Однако законодательное и ведомственное закреп-

* В ходе исследования нами опрошено 29 сотрудников оперативных подразделений.

пление их в числе субъектов контроля отсутствует. Включение руководителя оперативного подразделения в перечень лиц, осуществляющих ведомственный контроль за ОРД, позволит определить их правовой статус, а именно права, обязанности и ответственность при осуществлении данного вида контрольной деятельности, что в свою очередь позволит повысить эффективность решения задач ОРД, определенных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД».

Список источников

1. *Теория оперативно-розыскной деятельности* : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

2. *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Железняк Н. С.* Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : монография. Красноярск, 2019.

4. *Об утверждении* Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1.

Д. Н. Принц-Лапин

(Омская академия МВД России)

Ведомственный контроль в подразделениях Национального центрального бюро Интерпола МВД России

Постановка задач Министерством внутренних дел Российской Федерации и исполнение решений территориальными подразделениями органов внутренних дел на местах осуществляется посредством реализации функций управления.

Под функцией в Толковом словаре русского языка понимается «обязанность», «круг деятельности» [1, с. 845]. Функции управления органами внутренних дел распространяются на все подразделения системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

И. Г. Бавсун классифицирует функции управления по содержанию выполняемых работ. По этому признаку автор выделяет общие, специальные и обеспечивающие функции управления. К одной из общих функций управления относится контроль (деятельность, направленная на установление соответствия результата исполнения принятому решению путем сопоставления фактически достигнутых, промежуточных или конечных результатов и задач (заданий), предусмотренных планом) [2, с. 34–35].

В современных условиях данную функцию в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) выполняет государственный контроль: президентский, парламентский, органов исполнительной власти, судебный и ведомственный. В нашем случае речь пойдет о ведомственном контроле в территориальных подразделениях Национального центрального бюро Интерпола (далее — НЦБ Интерпола) на региональном уровне.

Е. С. Дубоносов дает определение ведомственному контролю как деятельности руководителей оперативно-розыскных подразделений по контролю за законностью осуществления ОРД и обеспечения прав и свобод граждан в процессе проведения ОРМ [3, с. 418].

Следует отметить, что в научной и специальной литературе подразделениям НЦБ Интерпола, исходя из их возможностей, отводится второстепенная роль, как вспомогательным подразделениям.

В соответствии с приказом МВД России от 31 марта 2023 г. № 199 «Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность» подразделения Интерпола проводят по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств усеченный перечень ОРМ, а именно: опрос, наведение справок, отождествление личности [4]. Проведение подразделениями Интерпола иных оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-технических мероприятий не предусмотрено.

Возможно, этим объясняется, что проблема ведомственного контроля в подразделениях НЦБ Интерпола детальному изучению не подвергалась.

Так, исходя из смысла понятия контроля как деятельности, направленной на установление соответствия результата исполнения принятому решению и фактически достигнутых (конечных) результатов, необходимо определить, какие результаты оперативно-служебной деятельности подразделений НЦБ Интерпола целесообразно оценивать и какой круг полномочий в оперативно-розыскной деятельности не повлечет ответственности при исполнении принятых решений.

Поиск урегулирования этих вопросов предполагает решение следующих задач: во-первых, дать оценку деятельности подразделений НЦБ Интерпола; во-вторых, рассмотреть ведомственный контроль с позиции обеспечения законности в деятельности указанных подразделений.

Приступая к решению первой задачи, необходимо учитывать то обстоятельство, что согласно приказу МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» подразделения НЦБ Интерпола не являются объектами ведомственной оценки [5]. В настоящее время оперативно-служебная деятельность территориальных подразделений НЦБ Интерпола оценивается ежеквартально, для чего в НЦБ Интерпола МВД России направляется перечень сведений о деятельности филиала в соответствии с межведомственной Инструкцией, утвержденной приказом МВД России от 6 октября 2006 г. № 786 «Об информационном обеспечении сотрудничества по каналам Интерпола» [6].

Такой подход к оценке деятельности данных подразделений не в полной мере соответствует решению задач, которые ставит руководство МВД России. В соответствии с указанием руководства МВД России от 18 марта 2010 г. № 1/2117 «Об активизации работы филиалов НЦБ Интерпола МВД РФ», в современных условиях в качестве основных критериев оценки деятельности НЦБ Интерпола, помимо соответствия Служебным стандартам бюро Интерпола стран-членов организации, необходимо учитывать эффективность взаимодействия как с ОВД, так и с другими правоохранительными органами региона [7]. В первую очередь речь идет о непосредственном участии подразделений НЦБ Интерпола в раскрытии, пресечении и предупреждении преступлений.

В связи с вышеизложенным необходимо определить критерии оценки деятельности подразделений НЦБ Интерпола с последующим нормативно-правовым закреплением.

Аналогично складывается ситуация с решением второй задачи, где подразделения НЦБ Интерпола являются исключением из общего ведомственного контроля, предусмотренного приказом МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» [8]. Указанным документом регламентировано, что при проверке деятельности подразделений НЦБ Интерпола необходимо руководствоваться отдельными нормативно-правовыми актами, в том числе по решению курирующего заместителя министра внутренних дел Российской Федерации. Также контрольная проверка территориального подразделения НЦБ Интерпола может возлагаться на выездную комиссию сотрудников Главного управления (НЦБ Интерпола МВД России).

Как показывает практика, данная функция отражает лишь текущее положение дел в том или ином проверяемом подразделении, выявляет просчеты в исполнительской дисциплине и недостатки в оперативно-служебной деятельности. Выборочный выездной контроль не позволяет оценить степень соблюдения законности в деятельности подразделений НЦБ Интерпола.

По нашему мнению, в настоящее время необходимо разработать нормативный правовой акт, регулирующий ведомственный контроль за деятельностью подразделений НЦБ Интерпола, в котором определить: субъекты и задачи ведомственного контроля; основные показатели и порядок оценки деятельности территориальных подразделений НЦБ Интерпола с учетом особенностей оперативной обстановки и наличия особо важных и режимных объектов; утвердить отдельным нормативным актом виды и формы ведомственного контроля: плановые и (или) внеплановые проверки, выездные и документарные; предметом оценки считать эффективность деятельности указанных подразделений.

Полагаем, что это будет способствовать повышению эффективности и обеспечению законности деятельности подразделений НЦБ Интерпола.

Список источников

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 1994.
2. Бавсун И. Г. Основы управления в органах внутренних дел : учеб. пособие. Омск, 2017.

3. *Дубоносов Е. С.* Оперативно-розыскная деятельность : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М., 2016.

4. *Об утверждении* Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : приказ МВД России от 31 марта 2023 г. № 199. Здесь и далее в списке источников, если не указано иное, доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040.

6. *Об утверждении* Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола : приказ МВД России от 6 октября 2006 г. № 786.

7. *Об активизации работы филиалов НЦБ Интерпола МВД РФ* : указание руководства МВД России от 18 марта 2010 г. № 1/2117. М., 2010.

8. *Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации* : приказ МВД России от 3 февраля 2012 г. № 77.

А. В. Рудик

(Омская академия МВД России)

Процессуальная самостоятельность дознавателя как предмет научного осмысления

С момента принятия в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) правовое регулирование предварительного расследования, процессуального статуса лиц, его осуществляющих, перманентно подвергается корректировке. Проводимые последние два десятилетия реформы органов предварительного расследования и прокуратуры, попытки оптимизировать процессуальное положение властных участников (субъектов) досудебного производства по уголовным делам, их взаимодействие между собой, создания единого следственного органа не доведены до логического завершения.

Знаковые в этом отношении преобразования (начиная от образования Следственного комитета Российской Федерации до введения в рос-

сийский уголовный процесс нового участника — руководителя следственного органа) не смогли поставить под сомнение потребность государства и его правоохранительной системы в дознании как самостоятельной форме расследования преступлений, о чем наглядно говорят данные официальной статистики. Косвенным подтверждением этого тезиса является также дифференциация процессуальных способов осуществления дознания (наличие общего порядка производства дознания и дознания в сокращенной форме).

Вместе с тем принято считать, что, являясь по замыслу законодателя упрощенным, по сравнению с предварительным следствием, процессуальным режимом предварительного расследования, дознание осуществляется лицом, не обладающим процессуальной самостоятельностью, под контролем и надзором большего количества субъектов.

Отдельную правовую, организационную и научную проблему образуют взаимоотношения дознавателя с начальником подразделения дознания, начальника органа дознания и прокурором. Полномочия последнего фактически дублируют процессуальные возможности руководителя следственного органа и выходят за пределы осуществления прокурорского надзора за законностью деятельности органов, осуществляющих дознание. Фактически прокурор осуществляет процессуальное руководство деятельностью дознавателя по производству предварительного расследования. Даже при буквальном сопоставлении процессуальных полномочий руководителя следственного органа и прокурора указанный тезис находит свое подтверждение. Не лишен недостатков механизм осуществления судебного контроля за досудебным производством в целом и дознанием в частности.

В то же время учеными отмечается, что в настоящий момент различия в формах расследования (между предварительным следствием и дознанием) не носят фундаментального характера, к результатам деятельности следователя и дознавателя предъявляются аналогичные (тождественные) требования. Кроме того, надлежит учитывать, исходя из содержания ст. 150 УПК РФ, что расследование уголовного дела может осуществляться в форме предварительного следствия. Однако в одном случае расследование должен осуществлять субъект, обладающий (наделенный) процессуальной самостоятельностью, в другом — нет.

Очевидно, что на теоретическом уровне вопросы процессуальной самостоятельности дознавателя являются недооцененными и нуждаются в надлежащем научном обосновании. В этой связи выглядят

перспективными для научного осмысления полномочия дознавателя в контексте его процессуальной самостоятельности, способов и пределов ее ограничения.

И. А. Семенов

(Барнаульский юридический институт МВД России)

Понятие «собственность» и его место в уголовном процессе

В современной российской правовой системе понятие «собственность» занимает центральное место в гражданско-правовых отношениях, однако его роль в уголовном процессе остается недостаточно проработанной. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] оперирует терминами «имущество» и «имущественные права», что сужает спектр защиты интересов собственников. Анализ этих категорий, а также их соотношение с триадой правомочий собственности (владение, пользование, распоряжение) требует детального рассмотрения в контексте уголовного судопроизводства.

С точки зрения гражданского права, собственность определяется через триаду правомочий, закрепленную в ст. 209 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [2]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) доминирует термин «имущество», который в ст. 104¹ УК РФ трактуется как материальные объекты (деньги, ценности, иное имущество), полученные в результате преступления [3]. Аналогичный подход прослеживается в ст. 5 УПК РФ, где имущество определяется как любые вещи, безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях; имущественные права, включая права требования и исключительные права [1]. Однако, как отмечает А. В. Смирнов, подобная терминология игнорирует нематериальные аспекты собственности, такие как право пользования или распоряжения, что создает пробелы в защите законных интересов субъектов [4, с. 47].

Судебная практика демонстрирует противоречия в применении этих норм. Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П подчеркивается, что конфискация должна быть соразмерной и не нарушать баланс публичных и частных интересов [5].

Однако в деле № 18-КГ19-25 Верховный Суд РФ указал, что арест имущества по ст. 115 УПК РФ возможен только в отношении объектов, прямо указанных в обвинении, без учета прав третьих лиц на пользование [6]. Это свидетельствует о том, что узкое понимание термина «имущество» ограничивает возможности суда при защите сложных имущественных отношений. Кроме того, приводит к ситуациям, когда арест или конфискация затрагивают только физические объекты, игнорируя связанные с ними обязательства или права третьих лиц.

М. И. Бажанов обращает внимание на необходимость дифференциации понятий «имущество» и «собственность» в уголовном процессе. По его мнению, включение категории «собственность» в УПК РФ позволит учитывать не только физическое обладание объектами, но и юридические права на них, что особенно важно при применении мер процессуального принуждения [7, с. 92].

Введение понятия «собственность» в УПК РФ позволит унифицировать терминологию с гражданским законодательством и обеспечить комплексную защиту правомочий владения, пользования и распоряжения. Как отмечает Н. А. Колоколов, такой шаг снизит риски злоупотреблений со стороны правоохранительных органов при наложении ареста на имущество, поскольку суды будут обязаны учитывать не только его материальную ценность, но и правовой статус [8, с. 321]. Это особенно актуально в делах, связанных с корпоративными конфликтами или разделом совместной собственности, где нарушение одного из элементов триады может привести к существенному ущербу.

Таким образом, реформирование уголовно-процессуального законодательства в части замены термина «имущество» на «собственность» или их параллельного использования отвечает потребностям современного правоприменения. Это позволит учесть комплексный характер имущественных отношений и обеспечить соблюдение принципа соразмерности при применении процессуальных мер.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

4. Смирнов А. В. Уголовно-процессуальные аспекты защиты права собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5.

5. По делу о проверке конституционности положений статьи 104¹ Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5.

6. Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2019 г. № 18-КГ19-25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Бажанов М. И. Конфискация имущества в уголовном праве: проблемы теории и практики. М., 2020.

8. Колоколов Н. А. Уголовный процесс : учебник для вузов. М., 2022.

А. А. Фельк

(Омская академия МВД России)

Некоторые проблемы правового регулирования оснований для прекращения предварительного расследования

Прекращение уголовного дела является одним из важнейших процессуальных решений. Прекращение уголовного дела на стадии предварительного следствия представляет собой одну из форм окончания предварительного расследования. Данное решение принимается следователем при наличии оснований, предусмотренных ст. ст. 24–28 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ), и влечет за собой прекращение уголовного преследования в отношении конкретного лица. Особую сложность в контексте обеспечения принятия законного решения представляет выбор основания для прекращения предварительного расследования, поскольку от правильности его определения зависят юридические последствия для лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. С этим обстоятельством можно связать актуальность исследования проблем в данной области.

В. А. Назарова подчеркивает, что реабилитирующие основания прекращения уголовного дела указывают на невозможность его инициации ввиду отсутствия события преступления и (или) признаков, необходимых для квалификации деяния как преступного в соответствии с положениями УК РФ. В обозначенных обстоятельствах подозреваемый, обвиняемый или подсудимый обладает правом на реабилитацию, предполагающую восстановление в правах и выплату денежной компенсации. Кроме того, уголовное преследование прекращается и при установлении факта непричастности лица к инкриминируемому деянию [1, с. 213].

Другие авторы акцентируют внимание на принципиальном различии между реабилитирующими и нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного дела. Реабилитирующие основания презюмируют признание лица невиновным и влекут за собой его полную реабилитацию. В то же время нереабилитирующие основания исключают возможность реабилитации и восстановления нарушенных прав. Данное различие детерминировано тем фактом, что при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не выполняется одно из императивных условий реабилитации — констатация незаконности или необоснованности уголовного преследования. Нереабилитирующие основания находят применение в ситуациях, когда виновность лица в совершении преступления не вызывает сомнений, однако имеют место предписанные законом обстоятельства, предоставляющие возможность освобождения от уголовной ответственности [2, с. 134].

Примечательно, что перечень оснований для прекращения уголовного дела имеет некоторые недостатки, на что обращается внимание в юридической (процессуальной) науке.

Е. С. Алексеева и А. С. Виноградов справедливо указывают на необходимость изложения норм законодательства в ясной, понятной и недвусмысленной форме в соответствии с требованиями законодательной техники. Соблюдение данного императива является необходимым условием исключения неоднозначного толкования, домысливания и аналогий со стороны субъектов правоприменения. Следование вышеуказанным требованиям выступает одним из ключевых факторов эффективной реализации правовых норм в практической деятельности. Однако нормы гл. 29 УПК РФ, регламентирующие основания и порядок прекращения уголовного дела, в частности, положения ст. 212 УПК РФ, не в полной мере соответствуют вышеу-

казанным требованиям. Статья 212 УПК РФ содержит значительное количество отсылочных норм и фактически дублирует отдельные положения гл. 3, что обуславливает сложность ее восприятия и затрудняет применение в практической деятельности. Подобное построение норм не способствует ясности их понимания, порождает возможность неоднозначного толкования и затрудняет правоприменительную деятельность. Указанные обстоятельства могут оказать негативное влияние на эффективность реализации института прекращения уголовного дела [3, с. 61].

Для совершенствования юридической техники норм, регламентирующих основания прекращения уголовного дела, целесообразно рекомендовать законодателю структурировать соответствующие основания в гл. 29 УПК РФ, подразделив их на две группы.

1. Реабилитирующие, связанные с установлением невиновности или отсутствием события преступления и влекущие право лица на реабилитацию.

2. Нереабилитирующие, не связанные с признанием лица виновным, но позволяющие освободить его от уголовной ответственности по иным предусмотренным законом обстоятельствам.

Подобное структурирование оснований в рамках одной статьи УПК РФ позволит более четко отражать их правовую природу, последствия применения и упростит восприятие данных норм правоприменителями.

Список источников

1. Назарова В. А. Вопросы прекращения уголовного дела и уголовного преследования по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям // IV Международная научная конференция по междисциплинарным исследованиям : сб. ст. Екатеринбург, 2023.

2. Симушина А. А., Шинкарук В. М. Правовые последствия реализации оснований прекращения уголовного дела // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 99-3.

3. Алексеева Е. С., Виноградов А. С. Юридическая техника норм, регламентирующих основания отказа в возбуждении уголовного дела и основания прекращения уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95).

Н. В. Фотьянов

(Омская академия МВД России)

Негласность в уголовном процессе — баланс между эффективностью расследования и правами личности

Экономические, политические и социальные преобразования в нашей стране оказывают корректирующее влияние на содержание правоохранительной деятельности государства. Появляющиеся в этой связи новые виды преступлений, профессионализм и организованность криминальной среды создают реальную угрозу охраняемым законом правам и свободам граждан. Преступления все чаще совершаются путем применения новых информационно-телекоммуникационных технологий. Учитывая, что многие из них совершаются тайно, с элементами конспирации и криминальной мимикрии, выявлять и раскрывать их возможно лишь с помощью негласных сил, средств и методов. На этом фоне требуют развития негласные формы досудебного производства по уголовным делам. Часть из них используется в правоприменительной деятельности, это производство некоторых следственных действий: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; деятельность следователя или дознавателя по направлению различных запросов, которая, по нашему мнению, носит негласный характер (справки о судимостях, о привлечении к административной ответственности, по месту жительства и месту работы и т. д.).

Вопросы, затрагивающие негласные формы деятельности следователя, дознавателя, остаются дискуссионными в юридической науке. Соответствующие нормы предполагают ограничение доступа к информации на стадии предварительного расследования. Однако их применение вызывает споры: с одной стороны, они способствуют сохранению доказательств и защите участников уголовного процесса, с другой — создают риски нарушения прав подозреваемых или обвиняемых и в некоторых случаях — других лиц. Негласность как предмет исследования выступает в работах В. Ф. Луговика [1, с. 51–55], Б. Я. Гаврилова [2, с. 19–23], А. М. Баранова [3, с. 164], М. С. Колосович [4, с. 164] и др.

Проанализировав ст. 161 УПК РФ, считаем, что следователь или дознаватель вправе определять данные предварительного расследования

как не подлежащие разглашению. При этом такая норма закрепила ряд ограничений для участников уголовного судопроизводства, которые были предупреждены об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования. Это правовое предписание оправдано необходимостью предотвратить уничтожение или иную утрату доказательств, давление на свидетелей и (или) потерпевших, а также сокрытие подозреваемого (обвиняемого). В этом случае негласность является инструментом эффективности предварительного расследования, а не самоцелью.

Позиции относительно применения негласных процедур разделились. Одни выступают в пользу их применения, говоря об объективности расследования, исключающего влияние общественного мнения, другие — с критикой, аргументируя риском злоупотребления, когда негласность может использоваться для сокрытия уголовно-процессуальных нарушений. Обратимся к некоторым из них. Так, профессор А. И. Александров, выступая противником негласности, отмечает, что «деятельность следователя носит гласный характер и направлена на всестороннее исследование обстоятельств дела» [5, с. 33–40]. В противоположность указанному мнению профессор В. Ф. Луговик справедливо замечает вопросы, которые могут возникнуть в условиях абсолютной гласности, в их числе следующий: «как проводить расследование и изобличать виновных в совершении преступлений при нарастающем противодействии криминальной среды» [6, с. 86].

В заключение хотелось бы отметить, что негласность в уголовном процессе остается необходимым и важным средством достижения его целей. Негласность, по нашему мнению, должна балансировать между интересами органов предварительного расследования и правами личности. Последняя допустима лишь в той мере, в которой она не превращается в инструмент безответственности. Для соблюдения баланса требуется четкое законодательное регулирование, а также своевременный ведомственный и судебный контроль.

Список источников

1. Луговик В. Ф. Негласное производство по уголовным делам // Общество и право. 2018. № 1(63).
2. Гаврилов Б. Я. Проблемы законодательного регулирования легализации результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // ГлаголЪ правосудия. 2018. № 3(17).

3. Баранов А. М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам : монография. Омск, 2006.

4. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

5. Александров А. И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь. 2011. № 1.

6. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскное законодательство и перспективы его совершенствования // Оперативно-розыскное право : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Павличенко. Волгоград, 2013.

Д. А. Шайденко

(Омская академия МВД России)

О сущности и правовой природе задержания осужденного

В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее — УИК РФ) задержание осужденного регламентируется фрагментарно, указывается лишь на возможность задержания, необходимость объявления лица в розыск и на продление судом 48-часового срока задержания до 30 суток (ст. ст. 30, 32, 46, 58, 60², 60¹⁷, 75¹, 178¹ УИК РФ). Законодатель не раскрывает содержания данной меры, что затрудняет ее толкование. Задержание осужденного носит обеспечительный характер и применяется в случаях, когда лицо уклоняется от отбывания наказания. Его основная цель — обеспечить участие осужденного в судебном заседании, где решается вопрос о замене наказания на более строгое [1, с. 197].

Как отмечает В. В. Николук, судебная практика последовательно придерживается позиции, что задерживать осужденных, уклоняющихся от наказания, вправе только сотрудники полиции [2, с. 61–67]. В то же время сотрудники органов уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) могут применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие для пресечения противоправных действий и задержания осужденных в местах отбывания наказания, но не обладают полномочиями по их «процессуальному» ограничению свободы при уклонении от исполнения приговора. Может возникнуть

ситуация, когда сотрудники УИС обнаружили осужденного, объявленного в розыск, но не имеют права его задержать. В связи с этим предлагаем расширить полномочия УИС, разрешив им осуществлять фактический захват и доставку осужденных в рамках исполнения розыскных мероприятий.

В науке идут споры о том, к какой отрасли права относится задержание осужденного. Одни исследователи относят его к уголовно-процессуальному праву [3, с. 57–58], другие — к уголовно-исполнительному [4, с. 33–34]. Автор склоняется ко второй позиции. Аргументом в пользу уголовно-исполнительной природы является отсутствие уголовной или административной ответственности за уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Исключение составляет уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания (ч. 1 ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)). Специалисты в области уголовного права настаивают на декриминализации данного деяния [5, с. 8]. Если бы всякое уклонение от наказания признавалось преступлением или административным правонарушением, задержание осуществлялось бы в уголовно-процессуальном или административном порядке соответственно. Однако законодатель избрал иной подход, предусмотрев в качестве правовых последствий за уклонение замену наказания, что подтверждает специфику задержания осужденного. К тому же осужденный имеет особый правовой статус — это лицо, признанное виновным, как представляется, на него не в полной мере распространяются конституционные гарантии о недопустимости лишения свободы.

Одной из ключевых проблем является терминологическая неопределенность: в УИК РФ используется термин «продление срока задержания» (до 30 суток), в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) говорится о «заключении под стражу» осужденного на тот же срок. Фактически эти формулировки обозначают одно и то же — содержание под стражей для обеспечения разрешения вопроса о замене наказания. Для устранения этой коллизии предлагается унифицировать терминологию, закрепив в УИК РФ единый порядок ареста осужденного (на срок до 48 часов с возможностью продления до 30 суток). В таком случае данная мера принуждения будет иметь комплексную уголовно-исполнительную и уголовно-процессуальную природу (решение о содержании под стражей свыше 48 часов принимает суд, поэтому этот вопрос должен регламентироваться УПК РФ).

Отдельного внимания заслуживает ч. 11 ст. 97 УИК РФ, которая допускает задержание осужденного к лишению свободы на срок до 30 суток с санкции прокурора. Это положение, унаследованное из первоначальной редакции УИК РФ, вызывает вопросы о его соответствии Конституции Российской Федерации, гарантирующей судебный контроль за лишением свободы свыше 48 часов. Однако данную норму можно обосновать тем, что осужденный формально уже лишен свободы по приговору суда, а временный выезд не отменяет этого статуса. Таким образом, задержание здесь носит восстановительный характер (возвращение к месту отбывания наказания), а не является новым ограничением свободы. К тому же уклонение осужденного от возвращения в исправительное учреждение является преступлением, предусмотренным ч. 2 ст. 314 УК РФ, поэтому, если осужденный скрывается, имеет место уголовно-процессуальное задержание.

Таким образом, арест осужденного представляет собой комплексный институт уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, направленный на обеспечение исполнения приговора. Его правовая природа обусловлена особым статусом осужденного (лицо, уже признанное виновным), отсутствием уголовной или административной ответственности за уклонение от большинства наказаний, обеспечительной функцией данной меры принуждения.

Список источников

1. Булатов Б. Б. Законодательная конструкция задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, и его правовая природа // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. тр. М., 2020. № 29.

2. Николюк В. В. Задержание осужденного, скрывшегося с целью уклонения от отбывания наказания. Спорные вопросы // Уголовный процесс. 2020. № 10(190).

3. Якубина Ю. П. Законодательное регулирование задержания осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 3.

4. Пупышева Л. А. Меры процессуального принуждения, применяемые к осужденным при исполнении приговора (общая характеристика, практика применения, правовая природа) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3(52).

5. Бавсун М. В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ): проблемы правовой регламентации

и практики применения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1(80).

А. К. Шин

(Омская академия МВД России)

Перспективы введения допроса в стадии возбуждения уголовного дела

Стадия возбуждения уголовного дела играет ключевую роль в российском уголовном процессе, выполняя функцию фильтра, отсеивая материалы, в которых отсутствует достаточное количество данных, свидетельствующих о наличии основания для возбуждения уголовного дела. Однако статистика последних лет (2021–2024 гг.) демонстрирует тревожную тенденцию: количество отказных материалов в 3–4 раза превышает число возбужденных дел. Косвенно это указывает на системные проблемы, включая несовершенство процессуальных механизмов проверки сообщений о преступлениях [1]. Уполномоченный по правам человека Т. Н. Москалькова отметила, что значительная часть жалоб граждан связана с необоснованными отказами в возбуждении уголовного дела, что подчеркивает необходимость реформирования данной стадии [2].

Исторический анализ уголовно-процессуального законодательства показывает постепенное расширение инструментария доследственной проверки: к 2013 г. перечень установленных ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) средств дополчился освидетельствованием, назначением и производством судебных экспертиз, документальными проверками и получением объяснений (ст. 144 УПК РФ). Эти изменения отражают сближение стадии возбуждения уголовного дела с предварительным расследованием, что, с одной стороны, повышает эффективность доказывания, а с другой — создает риски нарушения прав граждан из-за отсутствия полноценных процессуальных гарантий.

Материалы проверки, включая объяснения, протоколы осмотров и заключения специалистов, согласно ч. 1² ст. 144 УПК РФ имеют самостоятельное доказательственное значение. Однако вопрос об их использовании в качестве доказательств остается дискуссионным.

Получение объяснений в сравнении с производством допроса не обладает признаками развитой процессуальной формы, позволяющей

в полном объеме гарантировать соблюдение прав граждан. В то же время отсутствие ответственности за дачу ложных объяснений, в отличие от показаний, увеличивает вероятность сообщения лицами недостоверных сведений*.

Результаты анализа правоприменительной практики показывают, что распространены случаи, когда содержание объяснений дублируется в протоколах допросов, что свидетельствует об их фактической подмене.

Учитывая тенденцию к расширению средств процессуальной проверки и несовершенство процессуальной формы получения объяснения, не исключено, что такое следственное действие, как допрос, в скором времени пополнит перечень ст. 144 УПК РФ. Вместе с тем некоторые авторы, говоря о такой возможности, оценивают ее критически [3].

Резюмируя изложенное, отметим, что совершенствование процессуального механизма проверки сообщения о преступлении требует взвешенного подхода. Расширение полномочий лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, должно сопровождаться усилением гарантий прав участников процесса. Введение допроса на стадии возбуждения уголовного дела повысит качество доказывания, позволит избежать дублирования одних и тех же познавательных действий, то способствует процессуальной экономии и выполнению требований о разумном сроке уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Государственная статистика // Доступ из единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41863> (дата обращения: 11.03.2025).

2. Москалькова Т. Н. Интервью генеральному директору медиа-группы «Россия сегодня» 10.12.2024. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12764509074387356483> (дата обращения: 27.02.2025).

3. Новиков С. А. Материалы доследственной проверки в доказывании по уголовным делам: актуальные проблемы и новые подходы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-dosledstvennoy-proverki-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam-aktualnye-problemy-i-novye-podhody/viewer> (дата обращения: 14.03.2025).

* Так, нами было изучено 50 уголовных дел, 51 объяснение, 51 протокол допроса. В 33,3% случаях показания, содержащиеся в протоколах допроса, полностью идентичны сведениям, содержащимся в объяснениях; в 9,8% дел помимо идентичных сведений, содержалась дополнительная информация; в 56,86% их дублирование не выявлено.

Т. Н. Шумилова

(Омская академия МВД России)

Подсудность вопросов, разрешаемых судом в уголовном досудебном производстве

Действующее процессуальное регулирование предусматривает судебный порядок рассмотрения вопросов, связанных с ограничением конституционных прав личности в досудебном производстве по уголовным делам. В этой связи особую значимость имеет исследование компетенции и полномочий суда на данном этапе уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что право на судебную защиту, равно как и право на законный суд, закреплены в Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права, касающихся деятельности судебной власти [1; 2].

В настоящее время термин «подсудность» в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) используется в контексте рассмотрения уголовного дела по существу. При этом соблюдение правил определения надлежащего суда для разрешения правовых вопросов в ходе уголовного досудебного производства также является обязательным условием принятия правосудного решения, отвечающего критериям законности [3; 4].

Отметим, что соответствующие правила определены в УПК РФ, но для их правильного применения требуется системное толкование норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих как общие полномочия суда (ст. 29 УПК РФ), так и порядок рассмотрения и разрешения судом конкретных вопросов. Указанное обуславливает некоторые сложности в определении подсудности.

Например, юридическое дело может разрешаться судом общей юрисдикции или военным судом:

- по месту производства расследования (ст. 82, ст. 114, ч. 2 ст. 115¹ УПК РФ);

- по месту производства следственного действия (ч. 2 ст. 165 УПК РФ);

- по месту задержания подозреваемого (ч. 4 ст. 108 УПК РФ);

- по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления или по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело (ч. 1 ст. 125, чч. 2–6 ст. 152 УПК РФ).

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 463 УПК РФ в досудебном уголовном судопроизводстве судом разрешается вопрос о законности и обо-

снованности решения о выдаче лица для уголовного преследования. При этом четко определена территориальная подсудность — по месту нахождения лица, в отношении которого принято решение о выдаче и соответствующее звено судебной системы, к компетенции которого отнесен данный спор [5].

В то же время, как верно отмечает К. Б. Калиновский, «встречается и один случай, когда территориальная подсудность вообще не установлена. Пункт 10² ч. 2 ст. 29 УПК РФ наделяет суд полномочием передать безвозмездно вещественные доказательства, указанные в подпункте „в“ п. 9 ч. 2 ст. 82 этого Кодекса, но нигде нет указания о том, каким территориальным судом это полномочие реализуется» [6, с. 185].

Соглашаясь с данным высказыванием, отметим, что в ч. 3 ст. 118 УПК РФ закон также содержит неопределенность, позволяющую толковать его положения как допускающие дискреционное усмотрение должностных лиц органов расследования по направлению материалов в суд, например, по месту жительства участников уголовного судопроизводства, по месту совершения уголовно-процессуального правонарушения, по месту производства расследования.

Резюмируя изложенное, обратим внимание, что действующая нормативная регламентация позволяет с высокой степенью быстроты разрешать ситуации, при которых необходимо получение судебного решения в уголовном досудебном производстве.

Вместе с тем при наличии правовой неопределенности разрешения некоторых вопросов о подсудности, на наш взгляд, законом должны быть определены четкие правила, которые предопределяли бы, в каком суде подлежит рассмотрению то или иное дело. Это позволит устанавливать подсудность на основании закона, а не путем правоприменительного решения.

Основываясь на вышеизложенном, считаем, что положения п. 10² ст. 29 и ч. 3 ст. 118 УПК РФ требуют конкретизации в части более четкого указания в законе территориальной принадлежности суда. Это позволит упорядочить деятельность суда и органов расследования, сделать ее более последовательной и прозрачной.

Список источников

1. *Европейская конвенция по правам человека*. Здесь и далее в списке источников статьи, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *Международный пакт о гражданских и политических правах.*
3. *О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1.*
4. *О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19.*
5. *О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.*
6. *Калиновский К. Б. Изменение подсудности ходатайств и жалоб в досудебном производстве // Институт подсудности в уголовном процессе : мат-лы I всерос. науч.-практ. конф. М., 2024.*

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ; КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО; ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Антонова А. И. Влияние средств массовой информации на формирование правосознания граждан	3
Астраханцев Д. В. Участие населения федеральной территории «Сириус» в осуществлении местного самоуправления: проблемы и перспективы	6
Бондаренко Ю. П. Приватизация как метод управления государственной собственностью субъекта Российской Федерации ..	8
Ковалева Е. В. Об установлении минимизации ущерба при вскрытии транспортных средств	11
Кривушин В. В. Роль инновационного развития в системе работы органов внутренних дел	13
Литвякова С. В. Обеспечение запрета потребления алкоголя несовершеннолетними мерами административной ответственности	15
Манамс Н. А. Некоторые аспекты превентивных мер по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств в пенитенциарных учреждениях	18
Мадышева А. А. Идеологическая преемственность в России	20

Машковцева О. Ю. Сервисная функция полиции как фактор повышения доверия общества к правоохранительным органам	23
Огорелкова В. Д. Обычное право в истории России: этапы становления научного интереса	25
Перцев В. В. Совершение административного правонарушения на борту воздушного судна как обстоятельство, отягчающее административную ответственность	27
Сабадаш Ю. М. Проблема применения административного штрафа в отношении несовершеннолетних правонарушителей	29
Севостьянов В. С. Правоохранительная функция государства в учении Г. Ф. Шершеневича.	32
Сотникова Е. И. О презумпции осведомленности родителей или иных законных представителей о своих обязанностях по содержанию и воспитанию несовершеннолетних	34
Степина К. В. Отдельные аспекты охраны здоровья человека в рамках участия России в межгосударственных объединениях	36
Туркина Н. Ю. Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел по обеспечению режима военного положения в контексте угроз применения беспилотных летательных аппаратов.	39
Цуканов Д. Н. К вопросу о применении пункта 4 части 1 статьи 4.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	41
Чекурда Е. А. Общие предпосылки военных преобразований в годы правления Михаила Федоровича Романова	43
Чернегова В. В. Определение нормативного правового акта: законодательный и доктринальный подходы	46
Честнов А. В. Дезинформация в сети Интернет как развивающаяся тенденция	49
Шарипов С. Н. Исторический аспект ведомственного контроля как способа обеспечения законности в административной деятельности милиции Республики Таджикистан	50
Шинкевич П. П. Формирование советской модели правового регулирования миграции населения в 1920–1930-е гг.	53

РАЗДЕЛ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Акимов П. А. К вопросу о терминологическом отражении преступных последствий в российском уголовном законодательстве	55
Жуков Н. И. Фандрайзинг и краудфандинг как механизм финансирования экстремистской деятельности.	57
Измайлова И. А. Проблемы применения бланкетных норм в экологическом законодательстве на примере ст. 251 УК РФ	60
Ильиных Н. А. Ведомственное программное обеспечение анализа данных из открытых источников для предупреждения киберэкстремизма.	63
Камолзода А. К. К вопросу о разграничении незаконного вооруженного формирования или участия в нем от смежных составов преступлений	65
Карамшов Н. М. Терроризм как криминологический феномен	68
Климович Н. В. О назначении принудительной меры воспитательного воздействия в виде возложения обязанности загладить причиненный вред.	71
Кондратюков С. С. Посредничество в коммерческом подкупе на рынке охранных услуг.	73
Мамедов Ш. Г. Гипоопека — микроуровневый детерминант вооруженных нападениях в образовательных организациях.	75
Медведев Р. К. Малозначительность деяний, связанных с распространением экстремистской информации в сети Интернет: проблемы правоприменительной практики	77
Муртазина К. А. Применение гипноза при совершении мошенничества	79
Мялицина М. А. Объект принуждения к даче показаний	82
Симонова Т. А. Меры предупреждения коррупции в органах внутренних дел	85
Сон Э. В. Нападение как конструктивный признак объективной стороны разбоя	88

Титеев М. С. Уголовно-правовая оценка подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	90
Тихонов И. Н. Задержание преступника как субъективное право граждан	92
Тункина А. Г. Предупреждение домашнего насилия в Республике Беларусь	94
РАЗДЕЛ III. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Агеев В. С. Решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей	98
Волкова И. В. Субъекты и объекты критической информационной инфраструктуры в сфере здравоохранения	101
Гаджиев Ш. Ф. Общий и особый предмет доказывания: соотношение категорий	104
Горденко А. С. Значение криминалистической характеристики в методике расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации.	106
Гуськова А. Б. Тезисный анализ рисков применения информационных технологий в содействии уголовному правосудию	109
Евдокимова О. В. Мошенничество на платформах онлайн-знакомств в современной России.	112
Емельянцева К. О. Особенности осмотра места происшествия при совершении хулиганства на транспорте общего пользования	114
Ибишов М. Р. Правовые механизмы и международный опыт борьбы с хищениями автотранспорта.	117
Канунников А. А. Компрометирующие материалы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: актуальность исследования	120

Каршиев М. Р. Некоторые вопросы, возникающие в ходе оказания содействия следователю при домашнем аресте.....	122
Кочетов А. П. От виртуальной корзины до реальных потерь. Гид по безопасности в онлайн-шопинге	124
Лукашенко К. Е. Определение законного представителя несовершеннолетнего в уголовном процессе России.	127
Матвейчук М. С. Источники цифровых следов в расследовании незаконной охоты	129
Милов П. С. Руководитель оперативного подразделения как субъект ведомственного контроля	131
Принц-Лапин Д. Н. Ведомственный контроль в подразделениях Национального центрального бюро Интерпола МВД России.	133
Рудик А. В. Процессуальная самостоятельность дознавателя как предмет научного осмысления	137
Семенов И. А. Понятие «собственность» и его место в уголовном процессе	139
Фельк А. А. Некоторые проблемы правового регулирования оснований для прекращения предварительного расследования	141
Фотьянов Н. В. Негласность в уголовном процессе — баланс между эффективностью расследования и правами личности.	144
Шайденко Д. А. О сущности и правовой природе задержания осужденного	146
Шин А. К. Перспективы введения допроса в стадии возбуждения уголовного дела	149
Шумилова Т. Н. Подсудность вопросов, разрешаемых судом в уголовном досудебном производстве	151

Научное издание

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Редактор Н. В. Матвеева

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор Н. В. Селезнева, П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 15.08.2025. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 125 экз. Заказ № 205.

